

**Элоиза Энгл
Лаури Паананен**

«СОВЕТСКО-ФИНСКАЯ ВОЙНА. Зимняя война. Советское нападение на Финляндию 1939-1940 гг.

АСТ, АСТ Москва, 2006

Долгое время о "войне с белофиннами" в отечественной историографии упоминалось в общих чертах и без лишних подробностей. Великая Отечественная война затмила неудачную для СССР финскую кампанию. Однако "советское нападение на Финляндию" зимой 1939/40 года постоянно привлекает внимание финских исследователей.

Данная книга содержит два взгляда па зимнюю войну как с одной, так и с другой стороны фронта. Предназначается как для специалистов, так и для любителей военной истории.

Посвящается нашим матерям, живущим в своих «бодрящих» северных краях: Элине Паананен в Стокгольме, Швеция, и Лоис Томас в Анкоридже, Аляска

Предисловие

Случись вам в 1939 году пуститься в путь от Северного Ледовитого океана до города Ленинграда вдоль советско-финской границы, путешествие ваше оказалось бы не из легких. Разделяющая два государства граница представляла собой всего лишь широкую полосу, прорезающую лесные чащи, либо линию, вьющуюся вокруг озер и рек. Вдоль всего пути на пересечениях дорог и на других требующих особого внимания участках

располагались многочисленные пограничные посты. На советской стороне с недавних пор было сконцентрировано большое количество войск, к восточной границе Финляндии протянулись новые железные и шоссейные дороги.

Имевшие возможность наблюдать за действиями соседей пограничники обоих государств не испытывали симпатий друг к другу. Один иностранный корреспондент писал, что они походили на «разделенных лишь забором из колючей проволоки разъяренных быков с соседних ферм». Сам по себе этот факт не являлся чем-то необычным: в геополитике мелкие пограничные конфликты не редкость, особенно когда речь заходит о противоположных политических взглядах. Но в свете соображений безопасности Советского Союза граница проходила слишком близко от Ленинграда. Так, во всяком случае, утверждали русские.

Именно тогда, поздней осенью 1939 года, и началась так называемая Зимняя война. Русские не рассчитывали встретить сопротивления финнов. В своих мемуарах Никита Хрущев писал: «Нам нужно было всего лишь прикрикнуть, и финны бы подчинились. Если бы этого не произошло, было бы достаточно одного выстрела, чтобы финны подняли руки и сдались. Во всяком случае, думали мы именно так».

Бывший советский лидер продолжает: «Финны оказались превосходными солдатами. Вскоре мы поняли, что этот кусок нам не по зубам». В течение **105 дней** 1939—1940 годов велась одна из самых тяжелых военных кампаний раннего периода Второй мировой войны.

В условиях мировой войны данная кампания была относительно небольшой, и тем не менее, по различным оценкам, с финской и советской стороны в ней принимали участие 2 миллиона солдат. **Советский Союз потерял примерно 1000 самолетов и 2300 танков.** Лишь в 1970 году в своих мемуарах Хрущев опубликовал **потери русских — 1 миллион человек.**

Сопротивление финнов «Большому медведю» вызывало всеобщее уважение, по всему миру прокатилась волна протестов, результатом агрессии стали исключение СССР из Лиги Наций и тайные усмешки нацистов по поводу неудачи русских на Севере. Хрущев пишет: «Немцы с нескрываемой радостью наблюдали, как мы терпим поражение от финнов». Здесь Красная армия наконец-то показала себя в деле. По всей вероятности, именно эта кампания изменила весь рисунок Второй мировой войны, если не саму мировую историю.

На Западе до сих пор еще помнят время, «когда финны разбили русских», но свет этой победы с годами померк. Пусть ни одна из стран и не стремится повторить подвигов той эпохи, но западные военные учебные заведения до сих пор запрашивают сведения о тактике Зимней войны, а на изданный в Швеции справочник по данной тематике обычно делаются ссылки. Сегодня финны из-за «ненадежного» географического положения своей страны предпочитают стоически пожимать плечами и повторять: «Что же, мы пережили это. Теперь давайте двигаться вперед и не думать о прошлом». В Финляндии лишь ветераны той войны иногда вспоминают о ней вечерами за рюмкой водки.

Для простоты обозначения высших воинских званий советских офицеров авторы решили придерживаться финских званий. Во время Зимней войны в Красной армии существовали такие звания, как комбриг (командир бригады), комдив (командир дивизии) и командарм (командующий армией). После войны эти звания были упразднены, и генералы снова стали генералами.

Данная книга не является авторским толкованием истории, она не писалась по заданию, на нее не выделялось никаких денежных средств, и за ее написанием не осуществлялся контроль ни со стороны частных компаний, ни со стороны правительственных учреждений. Но следует отметить, что нам была оказана значительная помощь частными лицами, без чьей поддержки эта книга не могла бы быть написана. Мы в долгу перед этими людьми и сердечно благодарим их. Вместе с тем мы принимаем на себя всю полноту ответственности за ошибки в фактах или их толковании.

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

Начиная сбор материалов о Зимней войне, авторы полностью отдавали себе отчет, что без сотрудничества и помощи из различных источников невозможно точно и достоверно описать титаническую борьбу Финляндии по прошествии 30 лет после ее окончания. Лишь благодаря энтузиазму и приверженности идее людей, добровольно жертвовавших своим свободным временем, написание этой книги оказалось возможным.

Мы выражаем огромную благодарность матери одного из авторов, Элине Паананен, которая разыскивала старые и новые издания о войне в книжных магазинах Стокгольма и Хельсинки. Она подбирала газетные вырезки, фотографии и постоянно оказывала столь необходимую всегда моральную поддержку.

Для перевода с русского и немецкого языков нам повезло найти Лидию Маршалку, латышку по национальности, работающую в Библиотеке Конгресса США. Ее отец до большевистского переворота возглавлял жандармское управление Москвы. Лидия была солисткой оперы в Латвии вплоть до вторжения русских, затем эмигрировала в Англию, а позже в Соединенные Штаты. В силу указанных причин она проделала огромную работу «не по обязанности, а по зову долга».

Полковник Матти Фрик, работающий в посольстве Финляндии в Вашингтоне, весьма щедро распоряжаясь своим свободным временем, делился личным опытом участия в Зимней войне. Он также предоставил в наше распоряжение написанные полковником Й.А. Ярвиненом ценнейшие книги по тактике, используемые по сей день в качестве учебных пособий в военных академиях Швеции. Отдельной благодарности заслуживает и работающий в министерстве иностранных дел в Хельсинки сын полковника Ярвинена, майор Олли Ики-Ярвинен, за разрешение использовать размышления его покойного отца в эпилоге этой книги.

Полковник финской армии (в отставке) Кейо Ми-кола, работавший в Институте военной истории в Хельсинки, был лично знаком со многими офицерами, участвовавшими в Зимней войне. Он предоставил в распоряжение авторов биографические сведения, а также другую ценную информацию, использованную для ссылок. Капитан военно-морских сил Финляндии Аарно Койвисто обеспечил авторов материалами о роли военно-морского флота во время конфликта. Помощник военного атташе посольства Финляндии майор Пертти Йокинен предоставил возможность пользоваться весьма полезной литературой и помогал нам в налаживании контактов. Военный атташе посольства Финляндии полковник Олави Лехти снабдил полезной информацией из первых рук.

Раздобыть фотографии и карты для иллюстрации боевых действий тридцатилетней давности было делом нелегким. К счастью, хельсинкское издательство «Вер-нер Сёдерстрём» щедро поделилось прекрасными фотографиями, ранее не публиковавшимися за пределами Финляндии. Проявляя любезность, госпожа Синикка Куриikka выполняла любые просьбы авторов. Туристическое бюро Финляндии, Институт военной истории, Генеральный штаб и учебная дивизия в Хельсинки также предоставили авторам фотографии и биографические материалы.

Значительная часть исследований проводилась в Библиотеке Конгресса США, где заведующий абонементом господин Легэр Х.Б. Обир любезно позволял авторам брать

литературу на нескольких языках для работы над книгой. Паули Пайупуро и Эско Лехмус из «Лехмус Оу» в городе Тампере, Финляндия, предоставили в наше распоряжение уникальные карикатуры времен войны. Известный продюсер документальных фильмов финского телевидения Яаакко Яхнукайнен способствовал налаживанию полезных контактов с владеющими данной тематикой историками.

Библиотеки графства Фэрфакс (штат Вирджиния, США) и, в частности, отдел Библиотеки имени Вуд-ро Вильсона в Фоллс-Чёрч были всегда готовы заниматься поиском необходимых материалов, какими бы странными порой ни казались запросы авторов. Офицеры информационного подразделения Пентагона помогали консультациями по военной терминологии.

Невозможно выразить словами благодарность авторов за советы, консультации и поддержку писательской супружеской паре, пишущей вместе под псевдонимами Эрик Берри и Герберт Бест.

ВВЕДЕНИЕ

В 1924 году, когда Финская национальная авиакомпания (FINNAIR) начала свою работу, пилоты, летающие над заснеженными просторами своей родины, частенько испытывали затруднения, где им приземлиться. В меховых шлемах, очках и с развевающимися на ветру белыми шарфами, они снижались над полем какой-нибудь фермы и кричали: «Где Финляндия?»

В 1939 году значительно большее число людей задавало тот же вопрос. Финляндия внезапно стала очень популярна в мире.

Звучал не только вопрос: «Где Финляндия?» Спрашивали: «Что такое Финляндия?» Финляндия — редкая по мировым меркам «недонаселенная» страна, где 4,5 миллиона человек расселились на территории в 130 тысяч квадратных миль. Страна лесов и озер, по площади она в восемь раз больше Дании. Зимой здесь очень холодно, треть территории расположена за Полярным кругом. На востоке она граничит с Россией, а на западе — со Швецией. Превратиться в замерзлую пустыню или еще одну Антарктиду ей не дает теплое течение Гольфстрим, впадающее на юге в Балтийское море и несущее свои воды в Северный Ледовитый океан. Ряд северных портов, например Петсамо, никогда не замерзают. Лишь самые сильные способны выжить в этой стране. И только очень могущественный и уверенный в себе завоеватель осмелится напасть на нее зимой. Финны — нация первопроходцев. Они заселили свою страну на ранних этапах железного века, перебравшись сюда через узкий пролив из Эстонии и Латвии. Они не принадлежат к нордической расе и не являются, как многие до сих пор считают, потомками монголов. Их язык относится к финно-угорским языкам, как эстонский и венгерский, а национальный эпос «Калевала», которым так восхищался Лонгфелло, основан на устном поэтическом творчестве и мифах финно-угорских народов.

Когда заголовки газет во всем мире впервые начали сообщать о пограничных спорах между Финляндией и Советским Союзом, читатели смутно представляли себе Финляндию и живущий там народ. Финны часто ездили за границу, но лишь немногие западные туристы предпринимали усилия, чтобы посетить эту находящуюся «на отшибе» небольшую республику. Американцы с симпатией относились к народу страны, которая единственная из стран-должников после Первой мировой войны, поступив честно, настояла на возвращении долга Соединенным Штатам.

Меломаны во всем мире восхищались музыкой Яна Сибелиуса, чья симфоническая поэма «Финляндия» столь трогательно отображает особенности его родной страны, политическую напряженность и войны, а также дух народа. На Олимпийских играх 1936 года в Берлине финские атлеты завоевали семь золотых, шесть серебряных и шесть бронзовых медалей, заняв в командном зачете четвертое место вслед за Германией, США

и Италией. Еще раньше, в 20-х годах, бегун на длинные дистанции Пааво Нурми стал легендой трех Олимпиад за свои скоростные качества и выносливость. В 30-х годах голубоглазые и светловолосые финские красавицы с точеными фигурами завоевали множество призов на конкурсах красоты, и многие стали подозревать, что финны не всегда ходили с ножами на медведей или каким-то иным образом проявляли свои варварские наклонности.

Страсть финнов к чистоте была хорошо известна, но консервативные американцы частенько с подозрением относились к их саунам: подумать только, нагишом мыться целыми семьями! Удивительно, но, куда бы ни ехали финны, где бы ни жили и с кем бы ни знакомились, о них всегда складывалось благоприятное впечатление.

Веками Финляндия являлась чем-то вроде «боксерской груши» для могущественных соседей: сначала для Швеции, затем для России. В силу отсутствия у нее четкой политической или общественной структуры, способной объединить раздробленные поселения, в Средние века Финляндия постепенно оказалась во власти шведов. К концу XIV века она фактически превратилась в провинцию Шведского королевства. Шведские политические и культурные устои насильственно насаждались на новой территории, даже шведский язык использовался в качестве официального, на нем велось преподавание в учебных заведениях и издавались книги. Лишь благодаря своему невиданному упрямству финны отказывались забыть свой древний язык, поэтому в расцвет шведского могущества не более 20 процентов финнов использовали шведский язык в качестве родного или выученного. Позднее Финляндия стала двуязычной страной.

В течение трех веков, прежде чем отойти к России, страна была вовлечена в войны, длившиеся в общей сложности более 80 лет, а вызванные ими голод и болезни все сильнее ослабляли ее. Двенадцать крупных войн между Швецией и Россией велись на финской территории, а во время Тридцатилетней войны Финляндия была вынуждена укомплектовать своими гражданами одну треть армии короля Густава-Адольфа. В период между 1710-м и 1721 годами Финляндия была частично или полностью оккупирована русскими армиями, чей вандализм и творимые преступления заставили замереть нормальную жизнь, целые города лежали в руинах, а население Финляндии сократилось на четверть.

Присоединение Финляндии к России в 1809 году явилось частью перекройки карты Европы, происходившей во время Наполеоновских войн. В течение XIX века Финляндия, будучи наделенным самоуправлением Великим княжеством в составе России, дала ее армии около 400 генералов и адмиралов и обеспечивала постоянный приток других офицеров. Наиболее выдающимся среди них был маршал Карл Густав Маннергейм, поступивший на службу в императорскую гвардию в 1890 году. Впоследствии, в 1918 году, он возглавил движение Финляндии за независимость и сражался с русскими во время Зимней войны.

И пусть между народами двух стран существовали вполне теплые отношения, часть финнов испытывала беспокойство, что подобная гармония приведет к полной русификации страны. Лозунг того времени — «Мы больше не шведы, мы не станем русскими, поэтому давайте будем финнами» — звучал долгие годы, но политическое движение в его поддержку так и не окрепло.

После убийства в 1881 году Александра II и воцарения Александра III настало время притеснений. Русские стали осуществлять контроль за финскими университетами, судами и прессой, но самое худшее началось с восшествием на престол Николая II. Новый царский генерал-губернатор Николай Бобриков назначил русских на все административные посты в Финляндии, а русский язык стал официальным языком страны. Право принятия законов Финляндии было передано российскому правительству, финские вооруженные силы вошли в состав императорской армии, а любого финна за неповиновение приказам ссылали в Сибирь. Любимым спортом русских в период правления Бобрикова стало избиение нагайками горожан на площадях Хельсинки. К 1914

году самоуправление, которым пусть и в незначительной степени, но все-таки пользовались финны, перестало существовать. Ненависть к России углублялась и крепла. В этот период небольшие группы активных граждан пытались сбросить правление русских и добиться независимости Финляндии. Не имея собственной армии во время Первой мировой войны, Финляндия использовала это время для создания своих вооруженных сил. Поскольку Швеция заявила о своем нейтралитете, финны обратили свои взоры на Германию, ведущую войну с Россией.

Немцы с радостью откликнулись на мольбу о помощи и в 1915—1916 годах тайно приняли 2 тысячи финнов в находящуюся неподалеку от Гамбурга военную школу, где из них был сформирован 27-й королевский прусский егерский батальон. Первым финским воинским подразделением из 183 человек командовал опытный немецкий офицер — майор Максимилиан Байер, чья суровая выучка выковала из новобранцев первоклассную группу командиров.

Февральская революция 1917 года в России поставила перед Финляндией вопрос: каково будет теперь ее положение? 6 декабря Финляндия официально провозгласила свою независимость, а в последний день 1917 года правительство Ленина признало новое государство. Теперь Финляндия осталась одна лицом к лицу с бурями, бушующими за границей и собирающимися у нее дома.

На практике передача полноты власти Россией Финляндии не вызвала особых проблем, ибо в течение длительного времени в прошлом Финляндия уже была независимым как от Швеции, так и от России государством. Она имела демократическую конституцию и правительство, но не обладала достаточным политическим опытом. За проведенные без нормального правительства годы накопилось немало серьезных социальных проблем, и давно назрела необходимость реформ.

В январе 1918 года волна террора стала предвестником трагической Гражданской войны. Борьбу с террористами повела Белая гвардия, возглавляемая тогда еще генералом Маннергеймом, недавно вернувшимся из России.

И хотя проблемы были в основном внутренними, из Финляндии не были выведены и по-прежнему оставались на ее территории 20 тысяч русских солдат, которые присоединились к Красной гвардии Финляндии. Главной целью Маннергейма стало избавление Финляндии от этих большевистских сил, но финское правительство, испытывая нетерпение, обратилось за помощью к Германии. Вопреки желанию Маннергейма 8 тысяч немецких солдат в апреле высадились в Финляндии, а к середине мая война за независимость полностью завершилась.

Финляндии удалось избежать коммунизма, но она превратилась в государство с четко выраженной прогерманской политикой. У нее было множество нерешенных конституционных проблем, и на устранение существующих политических распрей требовались долгие годы. Заключенное в ноябре перемирие положило конец Первой мировой войне, и Финляндии вплотную пришлось столкнуться со столь желанной для нее в течение многих лет независимостью, перед которой она, наконец обретя ее, начала испытывать страх. В конце концов было достигнуто согласие о республиканской форме правления, и в июле первый президент Финляндии, профессор К.И. Штольберг, вступил в должность.

Тартуский договор официально положил конец господству России, родилась независимая Финляндия, хотя и «не с серебряной ложкой, но с кинжалом в зубах».

В России упорная и непреклонная борьба финнов за право жить собственной жизнью вызвала лютую ненависть коммунистов. Они постоянно сокрушались о «предоставлении» Финляндии независимости, а многие из них были убеждены, что умело проводимая подрывная деятельность, пропаганда и экономическое давление поставят финнов на колени.

В свою очередь, финны воспитали в себе почти фанатичную ненависть к коммунизму и чувство превосходства над русскими. Их знание менталитета русских являлось

результатом длительного общения, а вовсе не объяснялось общностью образа жизни, взглядов или происхождения.

Вдобавок к расхождениям в общечеловеческом плане финны ощущали, что за последние 20 лет им удалось достичь более высокого уровня культуры и жизни, чем русским; им удалось ослабить бремя нищеты и добиться впечатляющих результатов в промышленности и торговле за счет одной из самых успешных в мире систем кооперации. Им вовсе не хотелось опускаться до уровня России, когда забрезжил свет новой жизни. В силу географических особенностей своей страны и истории финны — крайне непростые по своему характеру люди, своенравные, упрямые и зачастую загадочные; корни их происхождения до конца неизвестны, у них собственный язык, масса наречий и лишь им одним присущих странностей. Различий в облике и складе характера среди них значительно больше, чем в странах, в десятки раз -превосходящих их страну по численности населения, поэтому «светловолосых и голубоглазых финнов» из туристических проспектов вовсе нельзя рассматривать в качестве типичных представителей нации.

Несмотря на существование нескольких этнических групп финнов, которые разными путями достигли своей страны, обосновались на одной территории и остались здесь жить, все они обладали национальной чертой характера, именуемой по-фински *sisu*, что в вольном переводе означает «мужество», а также в меньшей степени были наделены упорством. И то и другое достойно восхищения при воплощении в решимость преодолевать трудности, но способно вывести из себя, становясь очевидным проклятием. Данные качества помогали финнам преодолевать препятствия, возводимые на их пути историей и географией. А случись напасть на них врагу, эти черты становились главной опорой народа.

ПРОЛОГ

В ноябре 1939 года небо над Кремлем было холодным, серым и унылым. Люди в Москве, Ленинграде и других частях Советского Союза слегка недоумевали, но тем не менее их взволновал появившийся совсем недавно план «освобождения Финляндии». Мощь непобедимой Красной армии вскоре поможет финскому народу обрести свободу. Советские лидеры были уверены, что задача эта окажется несложной.

В ярко освещенном зале для совещаний стоял генерал К.А. Мерецков, командующий частями русских, выделенными для Финской кампании, и с улыбкой приветствовал Г.И. Кулика и Л.З. Мехлиса, заместителей народного комиссара обороны. Лишь Главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов сохранял серьезность.

Совещание началось, и Кулик обратился к Воронову:

— Вы пришли вовремя. Вам известно об опасном положении в Финляндии? Воронов кивнул. — Вы продумали, какое количество снарядов потребуется для возможных военных операций на Карельском перешейке и к северу от Ладожского озера? Какое артиллерийское вооружение необходимо для поддержки? На что мы можем рассчитывать?

Воронов оглядел горящие энтузиазмом лица своих товарищей и уклончиво ответил:

— По моему мнению, все зависит от ситуации. Вы собираетесь обороняться или наступать? Какими силами и на каких участках? Кстати, сколько времени отводится на операцию?

Последовала небольшая пауза.

— Дней десять—двенадцать.

— Я буду рад, если все удастся решить за два или три месяца, — сказал Воронов. Все засмеялись.

— Маршал Воронов, — сурово произнес Кулик. — Вам приказано сделать все расчеты исходя из того, что операция продлится двенадцать дней.

Глава 1. «ВАМ В ФИНЛЯНДИИ НЕВОЗМОЖНО СОХРАНИТЬ НЕЙТРАЛИТЕТ»

Холодный ветер дул над заснеженными полями и лесами Карельского перешейка. Он поднимал поземку, и летевшие с земли и деревьев льдинки покалывали подставленные ветру лица людей. Но русские солдаты, сидя вокруг костров, согреваясь щедро выдаваемой водкой и распевая песни под аккомпанемент аккордеонов и балалаек, были веселы и беззаботны. Через несколько дней они освободят Финляндию от ужасов капитализма; как только они перейдут границу и цели их станут известны, они станут героями.

Генерал Мерецков, 42-летний командующий 7-й армией, на которую возлагался главный удар, остался доволен проведенной днем проверкой. Покинув штабную машину, он подумал, что наброшенная меховая накидка, щеголевато облегавшая его зелено-коричневый китель из легкой ткани, пришлась очень кстати. Войска в летнем обмундировании, похоже, не испытывали никаких неудобств. Шинели не понадобятся, ибо кампания рассчитана всего на несколько дней.

Сотни танков стояли на обочинах дорог, ведущих в Финскую Карелию. Из-за наступивших холодов их двигатели периодически прогревали. Танки находились в полной готовности проложить путь крупным силам пехоты, когда Мерецков отдаст приказ начать движение. К сожалению, короткое светлое время суток в это время года помешает полномасштабному использованию авиации для поддержки начинающегося наступления, но базирующимся в Эстонии советским самолетам вполне хватит времени бомбардировками парализовать жизнь городов. 3 тысячи советских бомбардировщиков и истребителей нейтрализуют военно-воздушные силы Финляндии, имеющие на вооружении 162 устаревших биплана и «фоккера». К тому же за последние недели воздушная разведка проделала отличную работу. Дороги, порты, промышленные районы и укрепления были должным образом сфотографированы, несмотря на протесты финнов за нарушение их воздушного пространства. В докладах разведки указывалось, что финны имеют всего несколько устаревших легких танков и, вероятно, менее 100 противотанковых орудий небольшого калибра.

Стояла ночь 25 ноября 1939 года, и, хотя война официально не была объявлена, а фактически этого так никогда и не произойдет, оставалось ждать последнего слова для претворения в жизнь намеченных планов. Ожидаемый «инцидент» должен произойти на следующий день, и четыре дня спустя непобедимые войска под командованием Мерецкова хлынут в Финляндию. Только на Карельском перешейке в переполненных казармах находилось 250 тысяч солдат. Вдоль всего 90-мильного фронта, куда ни кинь взгляд, были видны солдаты Красной армии. Здесь было сосредоточено столько войск, сколько способна отмотобилизовать, включая стариков и подростков, вся Финляндия. Несмотря на то чтодвигающиеся в северном направлении к границе войска несли потери от холода и обморожений, генерал не предвидел настоящих трудностей в Финской кампании. Быстрая победа наверняка вызовет одобрение Сталина, Молотова и коммунистов во всем мире.

Мерецков прошел долгий путь от простого крестьянина до генерала. В мае 1917 года он, рабочий одного из московских заводов, стал секретарем РСДРП(б). В следующем году он уже стал комиссаром Красной армии. Он неуклонно поднимался по иерархической лестнице системы и к 1938 году занял пост командующего Ленинградским военным округом.

В этот важный вечер он изучал висящую на стене в его штабе карту. На всем протяжении 800-мильной советско-финской границы единственные серьезные фортификационные сооружения, которые ему придется штурмовать на линии фронта в 90 миль, находятся на Карельском перешейке между Финским заливом и Ладожским озером. Мерецков имел крайне смутные представления о мощи этой линии Маннергейма, но успешное выполнение задачи по ее прорыву представлялось ему весьма заманчивым. В прессе ее сравнивали с линией Мажино во Франции, и газеты наверняка раструбят о его победах здесь. 600-мильный фронт на всем протяжении к северу от Ладожского озера до Северного Ледовитого океана окажется практически беззащитным перед 20 мощными дивизиями, дислоцированными на этих ключевых участках.

Карельский перешеек будут упорно оборонять, но с падением второго по величине города Финляндии, Виипури (Выборг), намеченный русскими график завоевания окажется почти выполненным. Путь к столице, Хельсинки, будет открыт, а с ее взятием все закончится. Согласно отданным приказам, по достижении границы со Швецией следует немедленно остановиться. Нейтралитет этой страны нельзя нарушать.

Да, перешеек надо взять как можно скорее. Масса доводов свидетельствовала в пользу планов Мерецкова. При такой погоде, например, земля промерзла и затвердела, а снега пока почти не было. Реки и озера начинали замерзать, и вскоре лед на них станет достаточно прочным, чтобы выдержать советскую технику. Дороги на перешейке день ото дня становятся прочнее, да и строительство новых дорог, пока снежный покров остается тонким, не представит особого труда. Карельский перешеек считался у финнов чем-то вроде Фермопил, потому что его ширина в самой узкой части составляла всего 45 миль. Озера и болота на этой территории ограничивали пространство для маневра, а грунт в виде сплошного камня делал местность непригодной для строительства окопов и блиндажей. Танкам будет легко действовать, ибо холмов тут практически нет; замерзшие поля пшеницы и картофеля представляют собой отличное место для действий тяжелой артиллерии и бронемашин.

Генерал Мерецков и не подозревал, что так обрадовавшая его в тот вечер погода вскоре изменится и зима 1939 года в Финляндии будет одной из самых холодных с 1828 года. Его войскам предстояло окунуться в замерзший ад.

По другую сторону границы жители Финляндии готовились к зиме. В ноябре небо заволочило серыми тучами. За несколько недель низко нависшие тяжелые тучи выстудили все вокруг, и люди с нетерпением ждали снега, который белым ковром укроет землю до самой весны. Лоси и красные белки, чьи жилища располагались почти рядом с порогами домов в городах и селах, тоже готовились к долгой зиме. На севере и востоке рыси, куницы, медведи, волки и россомахи устраивались в своих берлогах и норах. Зима, с сохраняющейся отрицательной температурой, продлится до середины апреля. Долгими зимними месяцами дни будут короткими, но люди привыкли к этому. Сосновые, еловые и березовые леса скоро согнутся под тяжестью снега; 60 тысяч озер покроются толстым слоем льда; вдоль южного побережья, где бесчисленные узкие каменистые фьорды омываются водами Финского залива, лед станет твердым, как гранит.

В ноябре 1939 года наступающая зима не очень беспокоила финнов. Но их глубоко волновало то, что затевают русские. После 21 года шаткой независимости отношения с гигантским по размерам соседом ухудшились до такой степени, что переросли в войну нервов. Русских бесило, что Финляндия отвергла коммунизм и предпочла войти с другими Скандинавскими странами — Норвегией, Швецией и Данией — в созданную в Осло группу, провозгласив при этом, как и они, свой нейтралитет. Эти страны, даже перед

лицом усиливающейся вокруг них подготовки к войне, были убеждены, что коллективные меры безопасности не потребуются.

Шло возрождение немецких военно-воздушных сил, и Гитлер вновь ввел призыв в армию. Вторжение Италии в Эфиопию могло быть предотвращено, будь Великобритания и Франция по-настоящему против и имей мужество применить санкции. Существовал и польский вопрос. Британский премьер-министр Невилл Чемберлен, дав гарантии помочь Польше в случае нападения на нее, но не выполнив своих обязательств в силу сложностей географического порядка, вручил России ключ к успеху в политике отношений и с Западом, и с Германией. Без содействия России Франция и Великобритания не могли оказать помощь Польше. Германия могла безнаказанно нанести удар по Польше, заручись она согласием России. К чему бы ни склонилась Россия, Финляндия не получала от этого никаких выгод.

Пакт о ненападении между Гитлером и Сталиным, заключенный в августе 1939 года, стал настолько явным предостережением, что лишь слепой не видел этого. Две страны поделят Польшу на части по своему усмотрению, что они и намеревались сделать с момента заключения Версальского мирного договора. Россия получит возможность «поглотить» государства Прибалтики, а Гитлер сможет беспрепятственно начать свою первую военную кампанию. Западным державам не удастся ни остановить, ни сдержать его.

Эстония, Латвия и Литва были вынуждены смириться с договорами, подготовившими их к прямой аннексии Советским Союзом; в сентябре, когда началась война между Великобританией и Германией, русские разместили в этих странах свои военно-морские и авиационные базы. Сталин, очевидно, приберегал Финляндию напоследок, так как с этой республикой могли возникнуть сложности. Не следует забывать, что между Россией и Финляндией существовал подписанный в 1934 году сроком на десять лет пакт о ненападении и он должен был действовать еще в течение пяти лет. Многие финны видели в этом договоре свое спасение, хотя осенью 1939 года Сталин и заявил во всеуслышание: «Я прекрасно понимаю, что вам в Финляндии хочется сохранить нейтралитет, но могу заверить вас, что это невозможно. Великие державы просто не позволят этого».

Тревогу финнов вызывали и непрекращающиеся оскорбительные радиопередачи, газетные статьи и речи. Менее чем в 200 милях к востоку от Хельсинки первый секретарь Ленинградского обкома КПСС А.А. Жданов публично успокаивал своих «взволнованных» слушателей: «Мы, ленинградцы, сидим у окон и смотрим на мир. Прямо вокруг нас расположены малые страны, которые мечтают о великих приключениях или позволяют искателям великих приключений строить тайные планы внутри своих границ. Мы не боимся этих малых стран.

Возможно, нам придется пошире распахнуть наши окна... призвать Красную армию защитить нашу страну...»

Примерно в это же время финны стали слышать радиопередачи «московской Тилту», финской коммунистки, бежавшей в Россию после поражения красных в Гражданской войне 1918 года. Ее программы транслировались круглосуточно и состояли из новостей, печатаемых в «Правде» и «Известиях», а также отредактированных «пикантных» слухов из Кремля. Если она не говорила, то звучали записи старинных народных песен «Калинка», «Березонька», «Эй, ухнем» в исполнении Ансамбля песни и пляски Красной армии, а для разнообразия отрывки из произведений Брамса и Баха. Музыка финнам нравилась, но их бесило, когда Тилту прерывала их любимые произведения «дружественными» сообщениями. Обычно Тилту говорила о «поджигателях войны из банды Таннера—Маннергейма», имея в виду министра финансов Финляндии Вяйнё Таннера (ставшего впоследствии министром иностранных дел) и маршала Маннергейма. Среди эпитетов, адресованных премьер-министру Финляндии А. К. Кайяндеру, были: «паяц», «каркающий петух», «извивающаяся подколотная змея», «марионетка» и «слабосильный хищный зверек без острых зубов, но с отменной хитростью». Кайяндера обвиняли в том, что он «стоит на голове», «перевирает факты», «размазывает

крокодиловы слезы по грязному лицу» и «льет омерзительные слезы паяца, изображающего крокодила». Финны считали подобные злобные нападки на своего премьер-министра отвратительными и тревожными, но типичными. Еще большую тревогу вызвала редакционная статья в «Правде» от 3 ноября, где говорилось: «Мы пойдем своим путем, куда бы он ни привел. Мы позаботимся, чтобы Советский Союз и его границы были защищены, преодолеем любые препятствия ради достижения своей цели».

Фактически переговоры между двумя странами начались 14 апреля 1938 года, когда к тогдашнему министру иностранных дел Финляндии Рудольфу Холсти с неофициальной просьбой о встрече обратился второй секретарь советского представительства в Хельсинки Борис Ярцев. Ярцев уже несколько лет находился в Хельсинки и обзавелся значительным кругом знакомств. В случае необходимости он становился довольно приятным собеседником, и, поскольку не занимал высокого поста, с ним было легко обсуждать самые разные вопросы. Ярцев являлся агентом ГПУ, советской тайной полиции, он и его жена, представляющая советское туристическое агентство, необычайно хорошо чувствовали себя в различных слоях хельсинкского общества, в особенности среди крайне левых. Тем не менее Холсти был удивлен, что звонок с официальной просьбой о встрече исходит от второго секретаря, а не от советского посла.

На состоявшейся в обстановке секретности встрече между этими двумя людьми Ярцев пояснил, что две недели назад в Москве получил полномочия обсудить вопрос улучшения отношений между Советским Союзом и Финляндией. Далее он особо подчеркнул, что, хотя в СССР уважают независимость Финляндии, руководители в Москве убеждены: Германия вынашивает планы нападения на Советский Союз. Если Германия начнет нападение с территории Финляндии, это вызовет крайне негативную реакцию Советского Союза. Как позднее вспоминал в своих мемуарах Вяйнё Таннер, Ярцев дал понять, что в этом случае Россия введет свои войска в глубь Финляндии и главное сражение, скорее всего, произойдет на финской территории.

— Если же сейчас, — заявил Ярцев, — Финляндия выступит против германской армии, Россия окажет вашей стране всестороннюю экономическую и военную помощь.

Холсти вежливо объяснил, что не уполномочен принимать решений по данному вопросу без получения инструкций от своего правительства. Затем он спросил:

— Пошлет ли Россия войска против Финляндии, если Германия нападет на нашу страну?

— Да, если Финляндия не станет сражаться вместе с Россией.

Прошло два месяца, переговоры Холсти с Ярцевым не дали результатов. Позднее стало известно, что представитель России, вопреки требуемой секретности, обсуждал тот же вопрос с другими занимающими ключевые должности в Хельсинки людьми, в том числе с генералом Аарне Сихво и госпожой Хеллой Вуо-лийоки, известной своими левыми взглядами. Он также несколько раз встречался с премьер-министром Кайяндером и обсуждал действия Германии в отношении Финляндии и России. В конце концов финское правительство отправило Советскому Союзу письменную ноту. Позиция Финляндии состояла в том, что она не даст разрешения на размещение иностранных войск на своей территории и она верит, что Советский Союз будет уважать ее суверенитет и независимость.

Россия ответила на финскую ноту предложением. Москва заявила, что если Финляндия согласится на заключение военного соглашения с Россией, то СССР удовлетворит письменное обещание Финляндии противостоять любому нападению иностранного государства. Подвох здесь, конечно, заключался в том, что в случае нападения на нее Финляндия должна будет принять помощь России.

Москва также хотела усиления военной мощи Аландских островов для защиты Финляндии и Ленинграда. Участие России в этом процессе будет заключаться в поставках оружия и осуществлении наблюдения за укреплением Аландов. Далее Москва просила

разрешения Финляндии на строительство военно-воздушных и военно-морских баз в Суурсаари, всего в 70 милях к востоку от Хельсинки.

Ответом финского правительства на эти предложения стало твердое «нет». Это являлось прямым посягательством на политику нейтралитета Финляндии, соблюдать которой она обязалась вместе с другими Скандинавскими странами.

После этого отказа советские газеты с новой силой возобновили нападки на финнов.

«Московская Гилту» находила еще более оскорбительные фразы, вставляя их в промежутках между выступлениями ансамбля Красной армии и Лондонского филармонического оркестра. В этот период пост Максима Литвинова занял Вячеслав Молотов, с которым отныне пришлось иметь дело финским дипломатам. Именно Молотов пригласил представителей Финляндии в Кремль для возобновления переговоров по «конкретным политическим вопросам».

Юхо Кусти Паасикиви, занимавший в тот момент пост посла Финляндии в Стокгольме, был выбран в качестве главы направляемой в Москву делегации. Это стало мудрым решением, ибо Паасикиви, которому тогда было почти 70 лет, являлся весьма опытным политиком. Мало кто в Финляндии так хорошо, как он, знал Россию и русских, он учился в Санкт-Петербурге и в 1920 году принимал участие в переговорах о заключении Гартуского договора. На его объективное отношение к Советскому Союзу не влияли ни симпатии, ни ненависть к коммунизму. Он твердо верил, что интересы России в Финляндии являются чисто стратегическими, а не экономическими или идеологическими. Эту яркую личность отличала непоколебимая твердость, и можно было рассчитывать, что Паасикиви будет пользоваться уважением и финнов, и русских. В бесконечных утомительных переездах в поезде из Хельсинки в Москву и обратно его сопровождали Йохан Ньюкопп и полковник Аладар Паасонен.

Данные Паасикиви инструкции оставляли ему мало возможностей для маневра. Он не мог отдать в аренду так пришедшийся по сердцу русским Суурсаари, но мог предложить три небольших острова в обмен на кусок Карелии. Он не имел права подписывать никаких пактов о взаимопомощи и должен был настаивать на праве Финляндии укрепить Аландские острова. Дополнительно он должен был сообщить, что любая концессия должна быть ратифицирована финским правительством, большинством в пять шестых. На встрече с финской делегацией в Кремле 12 октября 1939 года присутствовал лично Сталин, а также яйцеголовый Молотов в своих очках, его помощник, носивший знаменитую в русской истории фамилию Потемкин, и посол в Хельсинки Деревянский, о котором весьма презрительно отзывался Ярцев. Встреча со столь выдающимися личностями была назначена на 17 часов. Журналист-дипломат Макс Якобсон позднее отмечал в своем отчете об этих встречах: «В постоянно существующей российско-финской повестке дня есть только один вопрос: как примирить упорное стремление финнов к независимости с амбициями России как великой державы».

Сталин начал обсуждение с различных территориальных требований. Он особо настаивал на Ханко, полуострове к западу от Хельсинки, который он требовал отдать в аренду на 30 лет для размещения там военной и военно-морской баз. Он также требовал уступить несколько островов в Финском заливе и отодвинуть границу еще на 5—6 миль к западу от Ленинграда.

Сталин повторил и свои требования в отношении российско-финской границы на Карельском перешейке. В обмен на финскую территорию Россия уступит участок территории в Восточной Карелии, в два раза превышающий по размерам теряемые Финляндией земли. «Мы просим 2700 квадратных километров, — сказал в заключение Сталин, — а взамен предлагаем вам 5500. Сделала бы что-нибудь подобное другая великая держава? Нет. Только мы такие глупые».

Встреча завершилась после принятия Паасикиви решения о возвращении в Хельсинки для консультаций со своим правительством. Русские снова встретились с финской делегацией в тот же вечер в 21.30 для передачи письменного меморандума со своими предложениями.

В ответ на эти требования Финляндия заявила, что не может подписать пакт о военной взаимопомощи ни с одной из стран, в том числе и с Россией. Кроме того, Паасикиви сообщил Сталину, что не уполномочен обсуждать подобные вопросы без консультаций со своим правительством.

Двумя днями позже состоялась еще одна встреча, на которой Паасикиви представил свои контрпредложения, но Сталина они не заинтересовали. Русские вновь настаивали на том, что российско-финская граница проходит слишком близко от Ленинграда и что она должна находиться на расстоянии 45 миль, а не 20, как сейчас.

— Предлагаемая вашим военным командованием граница совершенно невозможна из экономических соображений, — сказал Паасикиви.

Сталин ответил:

— Солдаты никогда не мыслят подобными категориями. Вход в Финский залив должен быть перекрыт с целью предотвращения проникновения в него любой страны. Именно поэтому различные острова и военные базы на Ханко включены в наши предложения.

Паасикиви спросил:

— Кто собирается нападать на Россию?

— Возможно, это будет Германия или Англия. — Затем советский лидер упомянул пакт о ненападении. — Сейчас мы находимся в хороших отношениях с Германией, но в этом мире все может измениться.

Финны вторично отправились в Москву, прибыв туда 23 октября; на этот раз в состав делегации был включен Вяйнё Таннер, вскоре ставший министром иностранных дел. В Кремле повторилось примерно то же самое, что и раньше. О размещении советской военной базы на Ханко не могло быть и речи, ибо это противоречило политике нейтралитета Финляндии. Участники переговоров также заявили официальный протест о нарушении советскими военными самолетами воздушного пространства своей страны, но Сталин и Молотов оставили это без внимания. По прошествии двух часов не давшая никаких результатов встреча закончилась. Позднее Таннер в своих мемуарах вспоминал эту сцену. Молотов выглядел осунувшимся и был встревожен и удивлен смелостью финнов.

— Вы пытаетесь спровоцировать конфликт? — спросил он Паасикиви.

— Мы не хотим его, но вы, похоже, стремитесь именно к этому, — ответил пожилой дипломат.

Таннер вспоминает, как Сталин улыбался одними губами, но глаза его оставались серьезными. Вести подобную игру было нелегко.

Участники переговоров поехали в представительство Финляндии, рассчитывая на следующий день вернуться в Финляндию. Тем же вечером звонок секретаря Молотова вызвал участников переговоров на новую встречу в Кремль к 10.30. Опять пришлось видеть пепельно-серые лица русских, которые находились на работе день и ночь, но обычно работали с полной отдачей в предрассветные часы и редко видели солнце и дневной свет.

— Вот наш ультиматум, — заявил Таннер.

Сталин и Молотов возобновили дискуссию так, словно она и не прекращалась.

— Относительно наших сил на Ханко: мы можем сократить их до 4 тысяч человек, — сказал Молотов.

— Но мы не можем изменить границу на Карельском перешейке, — парировал Паасикиви. — Тем не менее мы передадим данные вопросы на рассмотрение нашему правительству.

Паасикиви и Таннер вернулись в представительство Финляндии для составления телеграммы в Хельсинки с просьбой о дальнейших инструкциях.

Когда второе обсуждение закончилось без всяких перспектив на достижение согласия, Паасикиви заметил своему коллеге: «Какая польза от нейтралитета и скандинавской

ориентации? Наше географическое положение связывает нас с Россией. Сейчас мы должны выбирать между войной, которая может превратить Финляндию в большевистское государство, или смириться с жизнью внутри советской сферы влияния, что, возможно, позволит сохранить нашу независимость, как это уже было в XIX веке». Со своей стороны, Таннер обратился с письмом к премьер-министру Швеции П.А. Ханссону, который был его старым другом и, как и он, членом социал-демократической партии. В письме он просил Ханссона твердо решить, сможет ли Финляндия рассчитывать на военную помощь Стокгольма. Он отмечал, что Ханко является камнем преткновения, но о компромиссе не может быть и речи; в концессии должно быть отказано. Ответ Ханссона не заставил себя ждать: «В своих расчетах вам не следует надеяться на шведскую интервенцию, ибо она приведет к расколу кабинета министров. Лично я хотел бы сделать намного больше, но мне приходится иметь дело с народом, который крайне щепетильно относится к сохранению мира».

Тем временем русские теряли терпение. Они считали, что проявили должное уважение к национальной гордости финнов, но вскоре придет время прибегнуть к военным действиям. В конце октября, когда финская делегация готовилась к своей третьей, и последней, поездке в Москву, Молотов в своем выступлении перед Верховным Советом сообщил о полном наборе требований России; его речь публиковалась в прессе по всему миру. «От кого Финляндия надеется получить помощь? — спросил депутат от Ленинграда. — У Польши тоже была гарантия».

Компромисс для России без потери престижа стал невозможен, и финны всерьез подумывали об отмене поездки. Тщательно все взвесив, они решили продолжать в надежде найти приемлемое решение.

Как и ожидалось, состоявшаяся 3 ноября встреча закончилась ничем, и, когда ее участники расходились, Молотов сказал:

— Мы, гражданские, похоже, больше ничего не можем сделать. Теперь все зависит от военных. Пришла их очередь сказать свое слово.

На следующий день членов финской делегации телефонным звонком вызвали в Кремль к 18.00. На встрече Сталин заявил:

— Советское правительство — единственное правительство, способное терпеть независимую Финляндию. Ни царское правительство, ни правительство Керенского не стало бы ее терпеть. Но советское правительство требует, чтобы границы государства были защищены. По этой причине проблема Финского залива является важной. Советское правительство не откажется от мысли о Ханко.

— С юридической точки зрения Финляндия может считать Ханко концессией, сдачей в аренду, обменом... как ей будет угодно, — добавил Молотов.

— Боюсь, мы не сможем отказаться от Ханко ни при каких обстоятельствах, — заявил Паасикиви.

Вскоре финны были удивлены, услышав от русских новые требования в отношении ряда островов в заливе к востоку от Ханко. Указав на карте несколько островов, Сталин спросил:

— Они вам нужны?

Опешивший Паасикиви ответил:

— Это совершенно новая проблема, и нам потребуются инструкции из Хельсинки.

Дискуссия продолжалась еще какое-то время. По ее окончании финны заявили:

— В своих предложениях мы пошли настолько далеко, насколько могли. Когда на карту поставлены основополагающие принципы, мы знаем, каким курсом нам двигаться.

Тем не менее встреча закончилась вполне дружелюбно. Сталин воскликнул: «Всего хорошего», а Молотов произнес: «Au revoir».

Финны задержались в российской столице до 13 ноября и затем вернулись домой. Их встречали в атмосфере небывалого оптимизма и уверенности в том, что, пока переговоры

продолжаются, существующие между двумя странами проблемы могут быть решены. Покинувшие из опасений Хельсинки жители стали возвращаться обратно. Министр иностранных дел Эльяс Эркко был убежден, что русские перед лицом мирового общественного мнения и благодаря упорству финнов пойдут на попятную³. Многие занимающие ответственные посты лица внутри страны и за границей всерьез придерживались мнения о мирных намерениях русских.

Тем временем в Карелии генерал Мерецков тщательно придерживался составленного графика. Совсем скоро он получит ожидаемое им сообщение.

Днем в воскресенье 26 ноября 1939 года находящиеся на своих постах финские пограничники занимались тем, чем обычно занимаются люди, ожидающие, что что-то должно произойти. Они играли в карты, пили кофе, слушали радио, чистили и смазывали оружие. Они думали о своих семьях, женах, детях, о своих любимых, и все говорили о предстоящих сражениях. Какими они будут? Никто не мог себе представить полномасштабного удара русских, и все сходились на том, что всю тяжесть первого удара придется выдержать пограничникам.

Кое-кто из молодых солдат поговаривал, что уж лучше бы скорее все начиналось, потому что ожидание хуже любых предстоящих им сражений. «Русский есть русский, даже если его пожарить на масле», — насмехались они. Солдаты постарше говорили: «Поживем — увидим».

На майнильской заставе на Карельском перешейке Матти Йокеля патрулировал участок, прилегающий к мосту. В этот воскресный день смена запаздывала. Они наверняка попивают кофе вместе с другими солдатами в бревенчатой избе в нескольких сотнях ярдов от него, решил он. А может быть, режутся в покер, снимая тем самым напряжение от надоевших наблюдений за действиями русских по другую сторону границы.

Йокеля повернулся и побрел к узкому обветшавшему каменному мосту через реку Раяйоки, разделяющую городок Майнила с российской стороны и Яппиля с финской. В этом месте ширина реки едва превышала 12 футов, но значительно увеличивалась дальше по течению вдоль границы. За мостом дорога шла вверх по холму к Майниле и зданиям русской заставы. Йокеля понятия не имел, какое там у них имеется вооружение, но с финской стороны на границе разрешалось держать лишь пехоту с легким вооружением. Внезапно тишину дня разорвал звук пушечного выстрела. Йокеля повернулся и, внимательно вслушиваясь, стал наблюдать за русской стороной. Раздался еще один выстрел, и финн решил, что русские, вероятно, практикуются в стрельбе по мишеням. Гроыхнул новый выстрел. За ним еще и еще...

Когда все стихло, Йокеля, четко выполняя предписания, внес запись о своих наблюдениях в журнал. Затем, просто желая убедиться в верности своих записей, он прочертил линии на карте от трех разных наблюдательных постов на финской стороне и тем самым установил, что выстрелы были произведены из точек, находящихся на удалении мили с четвертью к юго-востоку от мест разрывов снарядов.

В Москве посол Финляндии Ирье-Коскинен был вызван в Кремль, где ему заявили, что финны открыли артиллерийский огонь по советской пограничной заставе в Майниле, убив четырех и ранив девять человек. Ирье-Коскинен предложил провести расследование в соответствии с давно принятой обеими государствами процедурой, но это оказалось бесполезным. Москва собственноручно позаботилась о *casus belli* (повод к войне). На следующий день Молотов заявил финскому послу, что его правительство больше не считает себя связанным договором о ненападении, и в конце месяца русские развернули крупномасштабные военные действия превосходящими силами на земле, в воздухе и на море. Теперь всем стало ясно, что народу Финляндии придется вести борьбу за выживание. Создавалось такое впечатление, будто русские решили повторить германский сценарий блицкрига в Польше. Был опущен занавес в советско-финляндских переговорах, длившихся 20 месяцев с того самого момента, когда Борис Ярцев впервые обратился к Рудольфу Холсти в марте 1938 года.

Согласно второй версии, «финны открыли огонь первыми, и мы были вынуждены открыть ответный огонь: Так происходит всегда, когда люди начинают войну. Существовал ритуал, который вы иногда можете видеть в операх, кто-то бросает перчатку, тем самым вызывая противника на дуэль; если перчатку поднимают, то это означает, что вызов принят. Но в наше время бывает не всегда ясно, кто начинает войну».

Глава 2. 30 НОЯБРЯ 1939 ГОДА: «НАШИ ГРАНИЦЫ ГОРЯТ!»

В 7.57 карельские леса и поля, воспетые в симфонической поэме Яна Сибелиуса, спали в морозной тиши тусклого зимнего утра. В небе летел самолет, и финны знали, что он чужой. Всю ночь солдаты, столпившись у радиоприемников, слушали новости, потому что в 0.45 пограничники поняли, что русские нарушили пакт о ненападении.

Ожидание закончилось. Теперь они находились в состоянии войны.

Едва пробило 8.00, воздух внезапно наполнил свист снарядов, сопровождаемый эхом разрывов, громовыми раскатами залпов гаубиц и приглушенным гулом тяжелых орудий. Со стороны Кронштадта, русской крепости в заливе, доносилось эхо залпов береговых орудий. Через 30 секунд горизонт стал похож на стену огня. Вся финская граница пылала. Заснеженные деревья взлетали в воздух; валуны, комья грязи, обломки домов фермеров разлетались во все стороны на фоне багрово-синего предрассветного неба. Изрытые воронками извилистые проселочные дороги исчезли, словно земля разверзлась и поглотила их.

Вскоре послышался треск пулеметных очередей и ответные очереди финнов. С финской стороны в этом адском хоре принимали участие скорострельные автоматические винтовки системы «Лахти-Салоранта», а с русской — легкие автоматы меньшей скорострельности. В течение 30 минут перестрелка продолжалась по всей линии фронта длиной в 90 и глубиной в 11 миль. Зеленые ракеты, взвившись в холодное зимнее небо, подали русской пехоте сигнал к наступлению, и солдаты бросились вперед с криком «Ура!». Попрыгав в ледяную воду реки Райяоки, они тут же стали наводить понтонную переправу. В 9.15 часть сил первого батальона пересекла границу и, миновав мосты, двинулась в глубь Финской Карелии.

Дальше на север леса, спавшие в тишине за час до нападения, наполнились ревом танковых моторов, лязгом гусениц и воем сирен движущихся по заснеженным дорогам машин. Поля и леса сотрясались от разрывов мин и снарядов, на всем протяжении 800-мильной границы финны оказались атакованными со всех дорог. Даже у крошечной деревушки Мюлльярви, к которой вела всего лишь узкая тропинка, русские большими силами под прикрытием артиллерии устремились через границу. Трескались и валялись в глубокий снег деревья, чье падение сопровождалось облаками взметавшихся в воздух льда, веток и камней. Над верхушками деревьев с ревом проносились самолеты, ведя пулеметный огонь и сбрасывая бомбы. Даже в самом страшном ночном кошмаре финнам не могло привидеться такое. Ни память, ни воображение не подготовили их ни к чему подобному.

По различным оценкам, в составе четырех русских армий в начале вторжения было 600 тысяч человек; 7, 8, 9 и 14-я армии нанесли удар Финляндии по всему фронту от Карельского перешейка до Петсамо на севере. Вторжение шло по четырем направлениям; 9-я армия должна была расчлнить Финляндию пополам в самой ее узкой части. Огромные танки, лязгая гусеницами и поливая огнем своих пушек малочисленные силы финских пограничников, продвигались вперед по узким обледеневшим дорогам,

прокладывая путь следовавшим за ними в колоннах ордам солдат. Один из финнов с округлившимися глазами в ужасе промолвил:

«Как много русских — где мы их всех похороним?» Его товарищи мрачно засмеялись, наблюдая, как их пули отскакивают от брони ползущих на них танков, не причиняя им никакого вреда.

К северу от Ладожского озера финны завершили так называемую фазу отхода, точно таким же порядком, как и силы на Карельском перешейке: короткий бой, передышка, а затем отступление в небольшие траншеи и укрепления, расположенные в этой пустынной местности. Здесь, на севере, не существовало ничего похожего на «роскошь» линии Маннергейма; солдаты, хорошо зная местность и передвигаясь на лыжах, чувствовали себя в пятидесятиградусный мороз в родной стихии. Почти все они были бойцами национальной гвардии и резервистами, они вместе росли, учились в школе, проходили военные сборы и являли собой образчики физической выносливости. Они знали, что защищают свои дома и фермы, и потому сражались яростно и решительно, почти фанатично. Они были опытными охотниками и меткими стрелками, им не нужно было приказывать, когда нажать на курок или куда целиться.

Партизанская война всерьез разгорелась почти с момента нападения русских, лыжные патрули в белой маскировочной форме совершали набеги, нанося урон колоннам противника. Их самодельные пьексы — сапоги с загнутыми носками — позволяли в доли секунды вынимать ноги из креплений и освобождаться от лыж. Передвигаясь ползком по снегу и стреляя, они тянули за собой лыжи на кожаном ремне.

Появляясь ниоткуда, лыжники, вооруженные автоматами системы «Суоми», открывали ураганный огонь по скоплениям русских и снова исчезали в морозной белизне.

В арктической части Финляндии, у Петсамо, 104-я и 52-я советские дивизии при поддержке береговой артиллерии своих арктических портов начали захватывать города, села и промышленные предприятия. Они рассчитывали выйти к Рованиеми в Лапландии к 12 декабря, не ожидая встретить серьезного сопротивления дислоцированных здесь частей. На одного обороняющегося финского солдата здесь приходилось 42 русских. На участке Салла—Савукоски раздвоенное острие 88-й и 122-й русских дивизий было направлено на небольшую лапландскую деревню Салла, где русские предвкушали быструю победу и соединение с силами из Петсамо у Рованиеми.

В 70 милях южнее Салла, в Куусамо, «финской Швейцарии», с ее бескрайними заснеженными болотами и замерзшими озерами, финны оставили несколько постов для защиты дороги на Рованиеми, но, когда крупномасштабного наступления на этом участке не последовало, эти силы на лыжах направились к югу на помощь защитникам Суомуссалми.

Суомуссалми расположен в самой узкой части Финляндии, кратчайшее расстояние отделяет его от Оулу, и в этом районе Мурманская железная дорога могла снабжать припасами Красную армию. Более того, дороги на финской стороне были хорошими, и вслед за хлынувшими через границу войсками шла тяжелая дорожно-строительная техника, а также танки, грузовики, артиллерия, лошади, полевые кухни, везлись листовки пропагандистского характера, подарки, ехали духовые оркестры и личный состав 163-й дивизии в количестве 17 тысяч человек.

Тем временем проводилась поспешная эвакуация гражданского населения. Часть бежала в Норвегию или укрылась в более безопасных глухих районах сельской местности. Другим повезло меньше. В Кухмо, в 65 милях от Суомуссалми, пограничники Кимпимяки и Тауриайнен подъехали на лыжах к расположенной в 2,5 мили от шоссе ферме, носившей название Лаама-сенваара, с тем чтобы организовать эвакуацию живущей здесь семьи.

— Русские на подходе, — сообщили они. — Вам придется уезжать!

— Но не выпить ли вам сначала кофе? — спросили пограничников.

— Kiitos, спасибо. — Они решили выпить горячего кофе, чтобы согреться, и поесть черного хлеба, батоны которого были развешаны на шесте над огромным камином.

Пограничники повесили свои меховые накидки на олени рога в прихожей и направились к камину, чтобы сесть у огня.

Внезапно раздался стук в дверь. Дверь распахнулась, и человек шесть русских ворвались внутрь. Тауриайнен схватил свою винтовку и ударил шедшего первым русского по голове прикладом. Остальные русские отступили в прихожую и стали бросать в гостиную гранаты. Финские пограничники быстро хватали их и бросали обратно. Раздались взрывы, и началась перестрелка, в которой шальная пуля попала в ребенка, сидевшего у матери на коленях за столом. Оба финских пограничника выбрались наружу через окно в задней части дома в надежде добраться до своих и предупредить о появлении русских, но во дворе их поймали и расстреляли¹.

У Кухмо 54-я дивизия русских под командованием генерал-майора Гусевского продвигалась вперед по дороге от Репола до Хюккяярви, имея в своем составе 12 800 человек, 120 артиллерийских орудий и 35 танков. 1200 финских резервистов под командованием лейтенанта Каарьяла провели несколько атак и контратак, прежде чем покинуть поле неравной битвы.

Повсюду на северном участке границы подразделения 139-й дивизии русских продвигались по всем проходимым дорогам, ведущим к Толваярви, замершему озеру длиной в 10 миль с находящейся на его берегу деревушкой, где имелась церковь и кооперативный магазин. 20 тысяч солдат Красной армии под командованием генерала Беляева имели на вооружении 147 артиллерийских стволов и 45 танков, которые были брошены против 4200 местных жителей.

Лейтенант-резервист Тойвиайнен отмечал в то утро свой сорок пятый день рождения на пограничной заставе около местечка Артахухта. Его подчиненные пришли поздравить его и преподнесли ему в подарок авторучку. Едва командир успел поблагодарить их, как из Мюллияярви до них докатилось эхо залпов тяжелых орудий. После паузы Тойвиайнен заявил своим притихшим от ужаса подчиненным: «Товарищ Молотов, видимо, приказал произвести салют в мою честь. Пошли!»

Тойвиайнен во главе своего кавалерийского отряда галопом помчался на помощь 15 защищавшим Мюллияярви пограничникам, но они не смогли сдержать нападения. Отступив к Артахухте, они натолкнулись на шквальный огонь русских пулеметов. Погибли многие, ибо войска кое-где разделяло расстояние всего в несколько ярдов. Одному из кавалеристов удалось пробраться в стан противника и убить пулеметчика. Он занял его место и вел огонь по русским почти всю ночь, прежде чем это обнаружилось. Ему удалось спастись и добраться до своих, но полученные ранения лишили его возможности владеть левой рукой. Он нашел выход и стал перезаряжать винтовку, прижимая ее к колену и груди, а затем стрелял, положив оружие на твердую опору. Артахухта держалась два дня и две ночи, пока не был получен приказ об отступлении на новые оборонительные позиции.

Большинство живущего в деревнях и на фермах вдоль границы гражданского населения было заранее эвакуировано, практически сразу после выстрелов у Майнилы четыре дня назад. Трагическим исключением стала Хюрсюля — кусок финской земли, с трех сторон окруженный советской территорией, где жители отказывались всерьез относиться к войне. Кроме того, им были даны заверения национальной гвардии, что о них не забудут, случись действительно что-либо серьезное. Теперь, наблюдая за горящими домами своих соседей, им стало понятно, что в спешке и неразберихе сражений они оказались полностью отрезанными от своих наступающими русскими. Несколько населенных пунктов с населением более 1000 человек были захвачены. Лишь десяти жителям удалось через леса пробраться к западу. В плен были взяты Матти Пайюнен, в прошлом школьный учитель, в тот момент выполнявший функции командира национальной гвардии в Хюрсюля¹, а также многие «лоттас», женщины из вспомогательных отрядов². Брошенный скот был обречен на замерзание, а все имущество уничтожено либо отходящими финнами, либо наступающими русскими.

Дальше к северу, в Ликса, 6400 русских при поддержке 40 артиллерийских орудий и 12 танков атаковали 12-й и 13-й отдельные батальоны финской армии, имевшие 3200 человек личного состава и 4 артиллерийских орудия.

Отрезанные от всего мира жители севера понятия не имели о том, что творится на Карельском перешейке; к тому же небольшие отряды лыжников, выполняя каждый-свое задание, редко встречались друг с другом. Потребовалось время, чтобы любящие единение финны привыкли к столь интенсивному движению в своей стране.

Глава 3. ХЕЛЬСИНКИ В ОГНЕ

Для жителей Хельсинки вторник 30 ноября 1939 года начался вполне обычно. Он стал еще одним днем в войне нервов, и многие жители заставляли себя не думать обо всем этом.

Все знали, что Россия разорвала дипломатические отношения и в любое время можно ожидать чего угодно. Но несмотря ни на что, надо продолжать жить и работать.

С начала недели установилась ясная и морозная погода. Ранние покупатели отправились по магазинам, люди спешили на работу.

Вскоре, без всякого предупреждения, в 9.25 утра завывали сирены воздушной тревоги.

Изумленные прохожие глазели на русские самолеты, разбрасывающие листовки на финском языке. Никто не был уверен, что на головы им не упадет что-нибудь еще, и люди заторопились в оборудованные в подвалах убежища. Паники не было, было лишь сменившее шок нежелание верить, что это действительно происходит с ними.

Когда объявили отбой воздушной тревоги, финны прочитали обращение к ним советского правительства: «Вам известно, что у нас есть хлеб, — вы не будете голодать. Советская Россия не причинит вреда финскому народу. Правительство ведет вас к катастрофе.

Маннергейм и Кайяндер должны уйти. После этого наступит мир».

В тот же день в 14.30 в небе послышался шум моторов русских бомбардировщиков. За три сокрушительных налета на ошеломленных жителей было сброшено большое количество зажигательных бомб. Рушились здания, и по всему городу возникали пожары. Дневной налет происходил в часы, когда на улицах было много машин и пешеходов, по разным оценкам, от взрывов и под обломками зданий погибло 200 человек. Удар русских бомбардировщиков, по всей видимости, был направлен на железнодорожный вокзал, гавань и аэропорт, но вскоре стало ясно, что прицел оказался далеко не точен.

Клубы дыма окутали верхушки деревьев, силы гражданской обороны пытались тушить пожары и вытаскивать из-под обломков домов убитых и раненых.

По меньшей мере 50 бомб упали на Фредериксгатан, огромное здание технологического института было полностью разрушено. Несколько пяти- и шестиэтажных жилых домов по соседству также были разрушены, улицы оказались засыпанными осколками стекла и обломками кирпичей. Горели автомобили, повсюду чувствовался запах обгоревшей человеческой плоти и слышались стоны раненых. На железнодорожном вокзале, где тысячи горожан ожидали поезда для отъезда в сельскую местность и считали себя в безопасности, произошла страшная давка. Жителям Хельсинки теперь не было необходимости выполнять тщательно отрепетированную процедуру по светомаскировке — пылающая линия горизонта была видна за многие мили.

Небольшие военно-воздушные силы Финляндии делали в этот злосчастный день все, что могли. Но кроме демонстрации мужества, иных возможностей проявить себя у них почти не было. Следует отметить, что в последние дни ноября всем финским летчикам было приказано находиться в полной боевой готовности. Установленные на «фоккерах» двигатели марки «Меркурий» были проверены и отрегулированы. Проверялись и перепроверялись пулеметы, пополнялся боезапас, укладывались парашюты, все пилоты и техники находились в полной готовности.

На военно-воздушной базе в Иммола, неподалеку от жизненно важной электростанции «Иматра», в 30 милях от Виипури, на боевом дежурстве находилась 24-я истребительная эскадрилья, в составе которой было восемь истребителей марки «Фоккер-Д», три имеющих офицерские звания пилота и пять летчиков в звании сержантов. За несколько последних дней необстрелянная молодежь в процессе усиленных тренировок приобрела необходимые навыки, прежде всего в ведении огня по самолетам противника и наземным целям. Свободное от тренировочных полетов время находящиеся на боевом дежурстве пилоты проводили в палатке, слушая граммофонные пластинки с популярными финскими эстрадными песнями или обсуждая последние новости о войне.

Ранним утром 30 ноября капитан Эйно Лююкканен и остальные летчики играли в покер. Лююкканену как раз пришли хорошие карты, когда к входу в палатку подбежал полковник Рикку Лоренц и, выстрелив в воздух из своего табельного пистолета, прокричал: «Вот и все, парни! Сегодня утром, в 6.15, русские войска перешли нашу границу». Вскоре поступило сообщение о нескольких приближающихся к Виипури русских бомбардировщиках. Лююкканен схватил свой шлем и бросился к выходу. Механик его самолета уже запустил мотор. Лююкканен взобрался на крыло своего «фоккера» и влез в кабину. Через пять минут он и три других летчика были уже в воздухе и направлялись к Виипури. Фактически Лююкканен возглавил первый боевой вылет Зимней войны.

Осуществляя полет на высоте 2000 футов при скорости 186 миль в час, эскадрилья должна была прибыть к месту назначения через 20 минут. Но этих 20 минут вполне хватило бомбардировщикам противника, чтобы выполнить задание и повернуть назад. В 9.45 финские пилоты различили под собой знакомые очертания старинного города. Увидев открывающуюся по правому борту его самолета картину, Лююкканен понял, что его наихудшие опасения подтвердились: несколько зданий депо железной дороги на Мааскола были уже охвачены огнем. Русские сбросили бомбы и улетели.

Лююкканен повернул к югу и заметил два уже почти скрывшихся в облаках советских бомбардировщика. Финн поднялся выше облаков на высоту в 5000 футов, но противника не обнаружил. После часа патрулирования над районом, не видя никаких других самолетов, кроме своих, разочарованные финские летчики направились на свою базу. Полет проходил в снеговых облаках, плотность которых увеличивалась по мере приближения к Иммола, и в конце им приходилось лететь, буквально задевая верхушки деревьев. На базе они узнали, что Виипури подвергся бомбардировке в 9.42, всего за три минуты до их прибытия.

Это расстроило и взбесило пилотов. Но завтра будет новый день. Появится масса возможностей вступить в бой с советской авиацией¹.

Военно-морские силы двух стран вели в этот день боевые действия, и русским удалось захватить несколько незащищенных островов у южного побережья. Русский крейсер «Киров» и два миноносца вели огонь по крепости Руссарё на Ханко. В коротком бою один из миноносцев был поврежден и покинул строй кораблей, на берегу потерь не было. Два финских броненосца — «Вяйнямейнен» и «Ильмаринен» — водоизмещением 4000 тонн каждый, имевшие на вооружении по восемь 40-миллиметровых и восемь 105-миллиметровых пушек, направились к Турку для организации противовоздушной обороны этого жизненно важного для Финляндии порта. Пять финских подводных лодок — «Икутурсо», «Весихииси» и «Ве-техинен» водоизмещением по 500 тонн и «Вессико» водоизмещением в 250 тонн, а также «Саукко» водоизмещением в 99 тонн, — начав патрулирование вод Финского залива и совершая рейды до Рижского залива, препятствовали движению советских судов и выполняли разведывательные задания. В боевых действиях также участвовали четыре канонерки: «Ууси-маа» и «Хамеенмаа» водоизмещением 450 тонн каждый, а также «Карьяла» и «Турунмаа» водоизмещением по 370 тонн и легкие торпедные катера.

Когда море замерзло, из 13 тысяч человек личного состава финских военно-морских сил под командованием генерал-майора В. Валве было сформировано равное по численности двум батальонам специальное подразделение, получившее название «батальон Аалтонен». В Хельсинки, а также в Виипури, Ханко, Котке и других городах, подвергшихся бомбардировкам, в действие вступили силы финской противовоздушной обороны. Было сбито несколько бомбардировщиков, но это вряд ли могло служить утешением защитникам неба. Там, откуда прилетели эти бомбардировщики, были сотни других. Войска Красной армии рвались на Карельский перешеек и наступали в других местах к северу от Ладожского озера на всем протяжении до Петсамо. В этих условиях президент Финляндии Кюэ-сти Каллио провозгласил страну в «состоянии войны».

Это был один из самых трагических дней в истории молодой республики. Улицы Хельсинки находились под постоянным пулеметным обстрелом самолетов, и финское правительство перенесло свою штаб-квартиру из здания парламента в более безопасный район в пригороде. В ту ночь парламент на своем секретном заседании выразил правительству Кайяндера вотум доверия, но премьер-министр и его кабинет ушли в отставку в надежде, что новому правительству лучше удастся поладить с русскими. Новое правительство, возглавляемое Ристо Рюти, президентом Банка Финляндии, сразу заявило о своих намерениях искать пути к миру. И пусть Рюти был готов начать переговоры, он сказал: «...мы не согласимся пожертвовать нашей независимостью ради сделки».

Тем временем «где-то в Финляндии» неизвестная радиостанция сообщила, что Коммунистическая партия Финляндии сформировала «демократическое правительство Финляндии» во главе с товарищем Отто Куусиненом. Штаб-квартира этого марионеточного правительства находилась в Терийоки, первом городе, «освобожденном» Красной армией. На самом же деле Терийоки — курортный город на берегу Финского залива в нескольких милях от советско-финской границы — был оставлен пограничниками без боя. Советское правительство сразу же установило дипломатические отношения с правительством Куусинена. Молотов, по-видимому, был очень доволен своими переговорами с финским марксистом Куусиненом, ибо в один из дней ему удалось убедить главу нового «народного правительства» отдать в аренду полуостров Ханко, уступить часть территории на Карельском перешейке и продать один из островов в Финском заливе и финскую часть полуострова Рыбачий за 300 миллионов финских марок. Куусинен, возглавлявший красный мятеж во время Гражданской войны, после победы белофиннов бежал в Россию, и есть предположение, что он вообще не покидал Россию, пока Кремль не поручил ему «дело» в Терийоки¹.

Реакция финнов оказалась диаметрально противоположной той, на которую рассчитывал Советский Союз. Марионеточное правительство стало не только посмешищем для всего мира, но его создание еще теснее сплотило финнов. Если финны хотели продолжать существовать как независимое демократическое государство, этот смехотворный замысел не оставлял им иного выбора, кроме борьбы.

В Терийоки не нашлось местных жителей для назначения «членами кабинета», так как всех эвакуировали на запад. Впоследствии весь кабинет был сформирован из советских граждан, финнов левых взглядов, бежавших в СССР после Гражданской войны.

Глава 4. МАРШАЛ МАННЕРГЕЙМ И «БЛИЦКРИГ» НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ

На Карельском перешейке, где 7-я армия русских, имея в своем составе девять дивизий, перешла границу, с обеих сторон царил полная неразбериха. Пока советская артиллерия вела обстрел с юго-востока и снаряды взрывались на фоне окрашенного пламенем

пожарищ неба, тысячи финских беженцев со скотом, повозками, санями, детьми и стариками наводнили дороги, по которым силы финской армии двигались к фронту. Узкие проселочные дороги едва могли вместить движущиеся в одну сторону колонны, поэтому им постоянно приходилось уступать место друг другу.

Машинам русских приходилось следовать почти вплотную друг за другом, и на извилистых дорогах образовывались огромные пробки, когда грузовики застревали в канавах или выходили из строя. Препятствовал движению и обильный снегопад, поэтому русским понадобилось несколько дней, чтобы доставить свою артиллерию на позиции, откуда она могла вести эффективную стрельбу. Но снегопад оказался на руку финским беженцам, ибо советские самолеты были прикованы к земле; однако когда небо очистилось, самолеты начали бомбить и обстреливать несчастных людей,двигающихся по глубокому снегу.

Тяжелые советские танки, то и дело вязшие в болотах, добавляли неразберихи. Там, где лед был непрочным, танки просто исчезали под снегом и глыбами треснувшего льда. Минные поля и заграждения были устроены на всех путях подхода. Русские путались в хитроумно натянутых через дороги нитях и проволоке, соединенных с взрывчаткой. Стоило кому-нибудь из них открыть дверь сарая или вступить на мост, они приводили в действие мины-ловушки. Случись русскому солдату пнуть ногой мертвую свинью, она взрывалась, попытка померить меховую накидку тоже заканчивалась взрывом. Даже кучи навоза финны с дьявольским хитроумием превращали в мины.

Николай Вирта писал в «Правде»: «Что за скоты! Они [финны] не могут сражаться и улепетывают от нас сломя голову, но как ловко они умеют пакостить. На это они мастера... Когда нашим усталым солдатам хочется пить, все колодцы в деревне оказываются засыпанными землей. Наш враг труслив и вероломен, но отличается изощренной хитростью. Едва первые красные бойцы вступили на землю Финляндии, воздух задрожал от взрывов. Мины повсюду. Двигаясь по дороге на Виипури к деревне Яппинен, откуда только что выбили финнов, мы заметили, что деревня, подоженная отходящими финнами, горит». Советский писатель сообщал читателям, что, когда русские пытались засыпать вырытые финнами противотанковые рвы, первый же брошенный лопатой ком земли вызывал взрыв. «На каждой тропинке и дороге поджидает невидимая опасность, устроенная варварски жестокими бандитами. Прямо на глазах мины взрываются под днищами танков, даже кучи навоза, копны сена и сугробы превращены в мины».

Неподалеку от границы на финской стороне, где заминированные участки были наиболее плотными, местные жители наблюдали, как советские солдаты, взявшись за руки и распевая песни, продвигаются вперед, не обращая внимания на взрывы, стоны искалеченных товарищей и выстрелы финских снайперов. Солдатам, нагруженным пропагандистскими листовками, подарками, деньгами и одеждой для финского населения, которое они были призваны освободить, и со следовавшими за ними по пятам политруками, готовыми стрелять в любого, кто вздумает повернуть назад, не оставалось иного выбора, как продолжать двигаться вперед. Станным это вторжение выглядело еще и потому, что, как становилось очевидным, каждая из сторон оставалась в неведении относительно действий другой стороны. Доклады разведки о потенциале и тактических планах наступающих и обороняющихся сил почти сразу устаревали; полученные до войны из учебников знания о тактике становились бесполезными сразу после начала атаки.

Заголовки газет во всем мире сообщали о «бегущих финнах» и приписывали крупные успехи русским. Но репортеры черпали информацию для своих статей в гостинице «Камп» в Хельсинки. Маршал Маннергейм не позволял им ехать на фронт, потому что «...это война, а не Голливуд». Мало кто из западных репортеров умел изъясняться по-фински или по-русски, уж не говоря об умении передвигаться на лыжах по заснеженным просторам в лютые морозы. Поэтому журналистам приходилось удовлетворяться

фрагментарными, но в основном честными сообщениями, получаемыми от финнов. Остальное они оставляли их творческому воображению.

Что касается репортажей русских, то либо их не было вообще, либо в них содержались лишь хорошие новости, зачастую представляющие собой «шедевры» вымысла. Одна советская газета жаловалась, что одетые в белую маскировочную форму стрелки из отрядов финских лыжников прибегают к «бандитской тактике» во время неожиданных атак на колонны русских. «Враг не идет на открытое столкновение. Прячась под белыми маскхалатами, финны неожиданно выскакивают из леса и обстреливают наши наступающие части. А потом поспешно улепетывают, частенько сняв ботинки и скользя на лыжах в одних носках».

В своем штабе, расположенном в здании начальной школы в Миккели, в 85 милях к северо-западу от Вии-пури, маршал Карл Густав Маннергейм, Верховный главнокомандующий силами обороны Финляндии, мало вникал в смысл газетных репортажей о нападении на Финляндию. Для него оно не стало неожиданностью, ибо, занимая долгие годы пост председателя Совета обороны, он предостерегал свое правительство относительно возрастающего потенциала русских. Он не верил в коллективную безопасность для защиты малых стран, но все его доклады с просьбой о совершенствовании обороны государства встречали прохладное отношение. Ему неоднократно задавали вопрос: «Какой смысл тратить деньги на армию, если никакой войны не будет?»

Будучи крайне разочарованным, Маннергейм в 1937 году решил уйти в отставку со своего поста, поскольку, как он писал позже, его «работа не заслужила благодарности, а высказываемые идеи не получили поддержки ни со стороны президента, ни со стороны правительства». Лишь неоднократные просьбы нового президента Кюэсти Каллио убедили его остаться. Летом 1939 года премьер-министр А.К. Кайяндер был готов принять отставку Маннергейма и начал поиски кандидата на место председателя Совета обороны. Во время решающих переговоров осенью 1939 года лидеры Национальной коалиционной партии в частных беседах критически отзывались о маршале как о слишком старом человеке, испытывающем слишком сильный страх перед Советским Союзом, а также — и это прежде всего — как о человеке, на чье слово нельзя полагаться. Всего за несколько дней до начала Зимней войны президент Каллио выразил принципиальное согласие на отставку Маннергейма. Но начавшаяся война спутала все карты, и в возрасте 72 лет Маннергейм взял на себя сложнейшую задачу возглавлять силы обороны Финляндии в борьбе против Советского Союза.

Карл Густав Маннергейм являлся одним из двух известных образованных людей на Западе финнов (второй — Ян Сибелиус). Обладатель чрезвычайно непростого и вовсе не типичного для финна характера, он никогда не был настоящим националистом. Родившийся в шведскоговорящей семье, он выучил финский язык, когда ему было уже за пятьдесят; произношение его при этом было сродни знаменитому произношению Уинстона Черчилля, когда тот говорил по-французски. В 1918 году, возглавляя борьбу Белой гвардии с русскими за независимость Финляндии, ему для командования войсками требовался переводчик; зато он говорил на основных европейских языках. И все же для народа Финляндии маршал Маннергейм являлся величайшим героем войны. Высокий, сильный и по-прежнему красивый человек, чья карьера стала легендой, он символизировал собой единство, государственный строй и все самое дорогое для народа Финляндии. Любой школьник знал о его службе в царской армии, когда Финляндия и Россия не питали вражды друг к другу. Мало кто знал, что его исключили из финского кадетского корпуса за плохое поведение, но всем было известно, что молодым офицером он участвовал в Русско-японской войне 1904—1905 годов и воевал в Корее и Маньчжурии, а затем долгие годы занимался исследованием малоизученных районов Азии: Самарканда, Кашгара, пустыни Гоби и Великого шелкового пути. Он пять лет прослужил в Польше, входившей тогда в состав России, и во время Первой мировой

войны сражался в рядах русской императорской армии. Он женился на девушке из богатой и знаменитой в России семьи, Анастасии Араповой, чей отец был генералом царской армии. Он искренне и глубоко любил ту старую Россию, которую узнал во время своей службы в царской армии.

Маннергейм ненавидел большевиков. Вовсе не ненависть к России стала причиной его возвращения на родину в 1918 году для командования белофиннами в борьбе с красными во время Гражданской войны. Вернуться его заставила ненависть к коммунизму и пропагандируемым им идеям.

Примечательно, но Маннергейм никогда не служил в финской армии. Во время Гражданской войны он был командующим Белой гвардией; финской армии тогда просто не существовало, ибо в так называемый «период русификации» она была распущена. В соответствии с конституцией страны Маннергейм занимал положение «над» финской армией. Великолепно проявив себя в период Зимней войны, он так никогда и не принял ни демократии, ни парламентского правительства, являющихся воплощением демократического строя Финляндии. Он отказался вступить в какую-либо партию; методы его руководства всегда были авторитарными. Своими присущими ему больше, чем любому финну, непреклонностью и индивидуализмом он заслужил прозвище Рыцарь Европы.

Истинный аристократ, Маннергейм всегда вызывал благоговейный трепет и уважение как у знаменитостей, так и людей, никому не известных. В августе 1939 года, еще будучи председателем Совета обороны, он удостоился сомнительной чести провести инспектирование 100 тысяч финских резервистов, большинство из которых носили гражданскую одежду и лишь недавно освежили свои навыки хождения строем. Учения проходили неподалеку от Виипури; среди знаменитостей, принимавших длившийся четыре часа парад, были премьер-министр А.К. Кайяндер, министр обороны Швеции Эдвин Скольд, финский министр обороны Юхо Нюкканен и генерал Е. Линдер. Но взгляды марширующих нестройными рядами резервистов были прикованы лишь к одному являвшемуся для всех них героем человеку — маршалу Маннергейму, восседавшему на коне и отдающему честь проходящим войскам. Позже, в тот же день, Кайяндер произнес речь, о которой ему потом пришлось пожалеть. За три месяца до войны со страной с населением в 180 миллионов человек премьер-министр Финляндии сказал: «Мы гордимся тем, что у нас мало оружия, ржавеющего в арсеналах, мало военного обмундирования, гниющего и покрывающегося плесенью на складах. Но у нас в Финляндии высокий уровень жизни и система образования, которой мы можем гордиться...»

Находившийся в своем штабе Маннергейм трезво оценивал положение Финляндии. Судя по всему, русские давно облюбовали часть финской территории. Еще в августе 1935 года Жданов совершил путешествие по Мурманской железной дороге, проложенной параллельно границе с Финляндией на всем протяжении от Петсамо до Карельского перешейка. Жданов также объехал на машине дороги, ведущие от железной дороги к финской границе, после чего он начал строительство ответвлений железнодорожных путей в западном направлении. 50 миль железной дороги были проложены неподалеку от районов Кусамо и Суомус-салми, 40 миль — в направлении Кухмо и Лиекса. Даже после вторжения русских войск в Финляндию 30 ноября 1939 года шло завершение работ по строительству железнодорожной ветки рядом с участком границы в районе Ладожского озера.

Однако тут было не все так просто, и финнам повезло, что они живут в бедной стране. Стоило Красной армии ступить на финскую землю, она оказывалась без железнодорожного сообщения до тех пор, пока ей не удастся продвинуться в глубь страны; хороших автомобильных дорог здесь тоже было мало. Вся хитрость заключалась в том, чтобы остановить противника до того, как он достигнет хороших железных дорог и автострад.

Особую тревогу у Маннергейма вызывали участки, где находились железнодорожные станции Суомуссал-ми, Салла и Хиринсалми, откуда железная дорога обеспечивала противнику легкий доступ к Оулу, расположенному в 150 милях к западу. К тому же именно в этих районах советские агенты в течение 20 последних лет вели подрывную работу среди финского населения. С недавних пор результаты голосования тут указывали на явное предпочтение кандидатам от коммунистов; Сталин и его приспешники благодаря своей прошлой популярности могли рассчитывать на легкую победу в районе Суомуссалми—Салла.

Другим вызывающим тревогу участком был Карельский перешеек, откуда железная дорога шла прямо до Финляндского вокзала в Ленинграде. Также вблизи от территории России проходила Суоярвская железная дорога, проложенная севернее Ладожского озера. И хотя угроза нависла над всей финской границей, Маннергейм считал эти участки наиболее опасными и в соответствии с этим распределял отправляемые в качестве подкрепления силы.

Но, вырабатывая планы обороны и посылая резервы на наиболее уязвимые участки, маршал понимал, что это будет война, вести которую придется отнюдь не на основе полученных из учебников знаний. Если кое-что и удалось спасти, и даже выиграть время, пока не пришла помощь из Швеции и с Запада, то это результат титанических усилий людей, служивших под его началом. Крамольная мысль, которой он себя отнюдь не тешил, представляла собой твердое убеждение, что с достаточным количеством оружия и самолетов финская армия даже в ее теперешнем состоянии способна изгнать русских обратно на их территорию. Несколько лет назад, когда условия были иными, подобная идея показалась бы нелепой. Выбери русские для своего вторжения начало 30-х годов, они вполне могли бы рассчитывать на поддержку придерживающихся левых взглядов финских рабочих и крестьян. Но к концу 30-х даже беднейшие рабочие и приверженцы левых взглядов прониклись чувством необходимости сохранения независимости Финляндии и с подозрением относились к России. В Советском Союзе либо не знали об этом, либо предпочли не обращать внимания.

Подчиненные Маннергейму офицеры не только получили хорошую военную подготовку, но и принадлежали к интеллектуальной элите страны. Большинство из них были людьми разносторонними, способными переключиться от спокойной жизни ученых или бизнесменов на командование войсками. Начальник штаба Маннергейма, генерал-лейтенант Карл Леннарт Эш, 47-летний ученый-ботаник, славился своим уравновешенным характером и проявлением интереса к научным тонкостям. Вместе с тем он окончил в 1915 году военную академию во Франции, проходил подготовку в 27-м егерском батальоне и отличился в боях за Рауту во время войны за независимость. Он имел степень доктора философии, был до 1929 года директором военной академии Финляндии, а до 1932 года занимал пост министра внутренних дел.

На полях сражений Северной группой войск, зоной ответственности которой являлся 400-мильный участок территории от Петсамо до Кухмо, командовал генерал-майор Е. Вильо Туомпо, сын фермера, ставший специалистом по истории и филологии. Туомпо прошел подготовку в егерском батальоне, имел чин капитана во время войны за независимость; позднее он стал автором выпущенного в Берлине военного наставления финской армии и закончил военное училище в Швеции. Высокий, худой и очень работоспособный, он являлся специалистом по вопросам обороны Финляндии. Подчиненные ему офицеры, и прежде всего полковник А. Виикла, проходившие службу в штабе пограничных войск, занимались разработкой планов и готовились к предстоящей войне задолго до ее начала. В поступающих в штаб Маннергейма докладах указывалось, что силы Туомпо противостоят двум русским армиям, 14-й и 9-й, ведущим наступление из Коллаа и Вьенана в Карелии. Командовать так называемой Лапландской группой Маннергейм 13 декабря направил генерал-майора К.М. Валлениуса, получившего военное образование в Швеции, специалиста, сражавшегося в Лапландии в 1918 году и хорошо знавшего эту часть страны.

В этой дикой северной местности нужен был человек, способный творить чудеса с небольшими и плохо вооруженными отрядами. И хотя Валлениусу предстояло противостоять 104-й и 52-й дивизиям русских, имея на вооружении всего четыре пушки, использовавшихся для церемониальных салютов аж еще в 1887 году (только половина выпущенных из них снарядов разорвалась), Маннергейм надеялся, что советские войска удастся остановить за счет использования отрядами лыжников разумной тактики партизанской войны.

4-м армейским корпусом, дислоцированным на участке в 275 миль от Лиексы до Сортавалы, командовал генерал-майор И. Хейсканен. Через несколько дней Маннергейм заменил его генерал-майором Й. Волдема-ром Хегглундом, прославленным офицером, служившим в егерском батальоне, отличившимся во время Гражданской войны и хорошо знавшим местность к северу от Ладоги. Хегглунд был крепким темноволосым финном, пользовавшимся любовью у офицеров и солдат; ему предстояло защищать Коллаа, Толварви, Эг-ляярви и другие жизненно важные районы, наступление на которые развивали около десяти русских дивизий. Как показали последующие события, выбор оказался верным.

Под командованием Хегглунда находилась так называемая «группа Т», получившая название по имени своего командира, полковника Пааво Талвела, который в свой 41 год имел за плечами выдающуюся военную карьеру. В 20 лет он начал службу в егерском батальоне в Германии, а год спустя уже командовал батальоном во время Гражданской войны. После войны он стал командиром полка пограничных войск. В качестве бизнесмена он занимал посты вице-президента компании «Суоми Фильми» и вице-президента Государственного управления по спиртным напиткам. В 1939 году ему вновь пришлось оказаться на войне. Под его началом в «группе Т» служили еще двое знаменитых военных — полковник П.О. Экхольм и подполковник Ааро О. Пайяри. В стратегически важный район Суомуссалми Маннергейм посылает 47-летнего полковника Ялмара Си-иласвуо. У того за плечами тоже был егерский батальон и командование батальоном во время войны за независимость. Сын редактора газеты, он изучал юриспруденцию, работал в министерстве образования и впоследствии возглавлял Бюро по мобилизации. Ман-нергейму этот небольшого роста крепкий блондин был известен своим своеволием, и в то же время он был расчетливым и изощренным командиром. Если кто и мог остановить русских у Суомуссалми, то это был Сииласвуо¹. Маннергейм был доволен, что распределил нужных офицеров по нужным местам. Теперь вставал вопрос о тактике действий. Маршал хорошо знал финских генералов; хорошо известны ему были и русские, командовавшие наступающими частями. Благодаря своей долгой службе в царской армии он мог буквально читать мысли русских и предвидеть их действия. Он был прекрасно знаком с учебниками, по которым они учились, за много лет он проштудировал их.

Размышляя о военном опыте обеих армий, Маннергейм пришел к выводу, что и той и другой свойственны недостатки. Финская армия, состоявшая главным образом из поспешно призванных на службу резервистов, не вынесла практически никаких уроков из Гражданской войны, когда сражения проходили в основном на дорогах и рядом с деревнями и зданиями, где можно было укрыться. В тот период не существовало основополагающих правил или наставлений по ведению войны, уровень подготовки солдат был низким; офицеры, пусть и яркие личности, находились под сильным влиянием российской, шведской и немецкой школ тактического искусства. Известные им тактические приемы требовали больших армий и тяжелого вооружения, а ни того ни другого у финнов не было. Не обладали они и опытом ведения партизанской войны, не существовало критериев, которые можно было бы использовать для ведения военных действий на сложном рельефе местности Финляндии. Офицерам и солдатам Маннергейма предстояло учиться сражаться уже в ходе военных действий.

В отличие от финнов русские армии обладали огромным опытом ведения войны. Даже катастрофическое поражение в Русско-японской войне 1904—1905 годов наделило их знаниями, использовавшимися в ходе Первой мировой войны. К несчастью для Красной армии, этим опытом нельзя было воспользоваться после революции; офицеров и солдат царской армии уничтожали буквально тысячами. Теории и практики командования не существовало, ибо красные презирали все старое, в особенности царя и его армию. Доклады, поступающие в штаб Маннергейма на раннем этапе войны, укрепили его мнение, что уровень подготовки молодых офицеров Красной армии довольно низок. Маннергейм был невысокого мнения о тех, кого большевики называли офицерами; для него, потомственного аристократа, эти люди навсегда останутся крестьянами вне зависимости от количества звезд на погонах. Любые полученные тактические преимущества были результатом грубой силы, фанатизма и беспрекословного подчинения, которое обеспечивали пистолеты политруков, направленные в спины солдат на поле сражения. Командование войсками по-прежнему будет осуществляться на основе полученных из старых учебников знаний, как бы красные ни старались искоренить их. Маннергейм был убежден, что советские войска окажутся неспособны успешно действовать в замерзших лесах и на покрытых льдом озерах Финляндии, во всяком случае в самом начале.

Для такого человека, как Маннергейм, с его огромным опытом, финская армия представлялась довольно странным конгломератом, чтобы участвовать в подобной войне. Большинство резервистов носили свою гражданскую одежду, лишь кокарды на шапках и пряжки ремней позволяли узнавать в них своих. Маршировали они неуклюже, плохо выполняли строевые приемы и мало интересовались повышением по службе. Частенько резервисты называли офицеров по именам, особенно во время боев; они приветствовали старших по званию из дружеского расположения и когда им это было удобно. Но, рассуждал маршал, эта армия по-прежнему придерживается воспитанной с детства веры в свою способность защитить страну, даже при отсутствии оружия и техники.

Оценивая противоборствующие силы, Маннергейм понял, что единственная его надежда — растянуть силы финнов на протяжении сотен миль на севере. Опытные лыжники получают приказ совершать перемещения большими кругами по пустынной местности, неся с собой все необходимое, и атаковать колонны русских с флангов и тыла. Они будут действовать без всяких указаний, кроме требования проявлять гибкость и решать проблемы по своему усмотрению.

Финны будут атаковать без артиллерийской подготовки (поскольку у них все равно для этого мало возможностей) и наносить удары в темное время или в метели и туман. Маннергейму предстояло перегруппировать свои резервы таким образом, чтобы они могли быстро контратаковать и сохранять мобильность для перемещения на многие мили туда, где возникнет необходимость.

Организация обороны в лесах будет зависеть от имеющегося в запасе времени. Идеальный вариант предусматривал устройство финнами главных оборонительных порядков в глубине лесов с использованием вырубленных просек для стрельбы пушек. При наличии достаточного количества людей и времени они проложат еще одну линию обороны, неподалеку от первой, а в отдельных случаях и третью, где будет находиться резерв. Теоретически это должно связать главные силы противника, а тем временем совершающие круговые маневры патрули будут рассылаяться для нанесения ударов с флангов и тыла.

Такими выглядели тактические схемы исходя из теории. Но тогда Маннергейм понятия не имел, окажутся они жизнеспособными или нет. Этого тогда не знал никто.

Глава 5. РУССКИЕ ТАНКИ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО СПИРТНЫМ НАПИТКАМ ВСТУПАЮТ В ВОЙНУ

Генерал-лейтенант Хуго Виктор Эстерман, командующий финской армией на Карельском перешейке, стряхнул снег с сапог и повесил на крючок меховую шапку. С мрачным лицом он опустился на стоящий у печки стул и взял из рук адъютанта чашку с горячим кофе. Проведенная проверка положения дел с танками русских показала, что дела обстоят намного хуже, чем он, профессиональный военный, представлял себе.

Ему доводилось видеть танки (состоящие на вооружении в армиях других стран), но мало кому из его солдат приходилось иметь дело с огромным количеством лязгающих гусеницами тяжелых машин, ползущих по снегу и стреляющих во всех направлениях. Даже прошедшие подготовку солдаты регулярной армии, готовые встретить врага теми скромными средствами борьбы с танками, которые у них имелись, чувствовали, как мурашки бегут по спине при виде десятков грохочущих двигателями чудовищ, ползущих вдоль занятых ими позиций. Психологически это действовало на солдат так, словно они уже обречены на гибель, — неизвестный враг воспринимался отнюдь не как человек, а как внушающее ужас огромное вместилище смерти. Танки с легкостью могли двигаться по грязи и снегу и без труда сметали заграждения из колючей проволоки. Пули отскакивали от их брони, а огонь их пушек гнал пехоту из окопов. Финны, бессильные противостоять танкам, вскоре стали называть их *romuauta* (металлолом) и *surmanloota* (гробы), но этим они лишь пытались заглушить свой страх.

Для действующих в пешем порядке русских солдат танки символизировали мощь, защиту и крохотную часть России-матушки, идущую с ними в бой. Танки вселяли уверенность и морально поддерживали солдат, чьим иллюзиям относительно военных действий зимой в Финляндии вскоре предстояло рассеяться. Пока танки участвуют в боевых действиях, они отвлекают на себя огонь артиллерии, который иначе был бы направлен на пехоту. В Красной армии были убеждены, что танки обеспечат им победу; Эстерман, наблюдая за поспешным отходом своих сил, решил, что русские, по-видимому, правы в своих расчетах.

Вначале казалось, что справиться с угрозой, которую представляли собой танки, невозможно, и за это финны могли винить свое правительство с его наивностью, ибо никто всерьез не принимал угрозу большой войны. При обсуждении бюджета шли серьезные споры, выделять ли деньги на здравоохранение и образование или на приобретение оружия, которое, по всей видимости, окажется устаревшим к тому времени, когда возникнет необходимость его использования. В 1936 году военные предложили закупить противотанковые орудия, но их стоимость составляла 27 миллионов финских марок; проголосовали против, и приказ, который дал бы финской армии возможность иметь по меньшей мере шесть противотанковых орудий и запасных частей к ним на каждый батальон, был отменен.

Лишь к 1939 году, когда переговоры уже буксовали и по обе стороны границы бряцали оружием, финнов заинтересовало, как у них обстоят дела с противотанковым вооружением. Так называемые «слоновые» пушки были наконец-то одобрены и должны были поступить на вооружение армии, но, как оказалось, поздно. Когда началась война, части финской армии получили по одной или две 37-миллиметровых противотанковых пушки на батальон, что составило 100 орудий на всю армию.

Почти сразу Эстерман стал получать доклады о действиях танков, и в них, как правило, отмечалось, что русские подчас находятся в замешательстве, как им использовать свою технику. Иногда танки действовали попарно, за средним танком следовал легкий, позднее они стали действовать группами от трех до десяти танков, когда идущий первым прокладывает путь, а остальные старались не дать возможности обороняющимся

подняться. Танки действовали на открытой местности, поблизости от обочин дорог, а иногда совершали марши вдоль фронта, периодически останавливаясь, чтобы вести огонь по позициям противника. Прежде чем снег стал препятствовать их движению, они могли проходить до 18 миль в час, но позднее, при снежном покрове глубиной от 5 до 18 дюймов, их движение замедлилось до 5 миль в час. Странно, но они редко пытались проникнуть за линии обороны, предпочитая двигаться перед ними. Когда атака пехоты захлебывалась, танки окружали ее и брали под свою защиту.

Едва прошел шок от первых атак русских, действующие в приграничной зоне финские солдаты стали проявлять свою смекалку. Заметив, что русские избегают действовать в темное время суток, финны стали высылать ночные патрули для набегов на места стоянок противника. Войска Эстермана использовали свою полевую артиллерию для стрельбы прямой наводкой по наступающим танкам, а лыжники тем временем наносили удары с флангов, финские стрелки выводили из строя сотни сбивающихся в кучи солдат противника. За пять дней, по подсчетам Эстермана, его войска уничтожили 80 танков на Карельском перешейке; неплохое количество, окажись его противником страна поменьше, чем СССР. Предстояло сделать еще больше, и Эстерман сообщил об этом в штаб Маннергейма. Русские танки, безраздельно хозяйничающие на полях сражений, должны быть остановлены. Рвов, минирования дорог и завалов из валунов уже недостаточно. Финнам предстояло придумать что-то еще.

Первым делом финские инженеры (из саперных батальонов) высказали идею изготовления мин из обрезков стальных труб. Запал воспламенялся от прикосновения к растянутой проволоке, идущей к трубе, которая взрывалась на высоте примерно трех футов над землей. Во фронтовых частях могли изготавливать такие мины, набивая обрезки труб смесью, которую называли klo-riharsti (хлорид канифоли).

Позднее полковник Арво Салоранта придумал мину в деревянном корпусе, которую практически нельзя было обнаружить с помощью миноискателя. Вскоре русским пришлось высылать солдат со шупами для разминирования полей и дорог, прежде чем туда входили танки.

Но было сделано и стало делаться еще больше, когда из штаба Маннергейма поступил приказ о формировании специальных подразделений истребителей танков на уровне рот, батальонов, полков и дивизий. «Коктейль Молотова» появился тогда, когда

Государственное управление по спиртным напиткам (Alko-hoolilike) приняло участие в войне. 40 тысяч обычных поллитровых бутылок было выделено для наполнения их смесью сырого керосина, дегтя и бензина. На ранних этапах войны солдаты оборачивали горлышко бутылки смоченной бензином тряпкой, поджигали ее и бросали бутылку. Позднее воспламенение обеспечивала укрепленная на горлышке бутылки ампула с серной кислотой.

Хотя бутылки с бензином использовались в войнах и раньше, именно финские солдаты во время Зимней войны назвали их «коктейлем Молотова». В то время финская армия использовала 70 тысяч бутылок, 20 тысяч из которых были изготовлены непосредственно на линии фронта. Экипажи русских танков ждала ужасная участь, когда финны поджигали и бросали бутылки, целясь, как правило, в воздухозаборники или открытые люки. При этом гибло до 60—70 процентов финских солдат. Но они думали лишь о том, как подороже продать свою жизнь, а если удастся, то и выжить.

Мрачная драма противостояния человека танку разворачивалась по всей заснеженной границе. Начиналась она с доклада о появлении танков, и истребители танков заползали в заранее отрытые по обочинам дорог щели и окопы. Окопы тщательно маскировались еловыми ветками или ветками других вечнозеленых деревьев и обильно присыпались снегом, потому что находящиеся в башнях танков русские постоянно ожидали подвоха. Вскоре генерал Эстерман смог доложить, что танки русских больше не являются хозяевами положения. Пока истребители танков на дорогах вели с ними схватку, солдаты других частей финской армии тоже включались в борьбу с этими смертоносными

чудовищами. Повара, интенданты, саперы и стрелки вскоре обнаружили, что можно втолкнуть бревно или лом в гусеницы наступающего танка и тем самым лишить его возможности двигаться. Стоило экипажу танка вылезти для проведения ремонта, их встречал огонь финских пулеметчиков.

Экипажи танков, пытавшиеся передвигаться по льду замерзших озер, вскоре поняли, что до наступления морозов противник установил ряды мин под водой, приспособив к их взрывателям с обоих концов веревки. В этих водонепроницаемых минах, лишь частично снабженных взрывчаткой, оставалось достаточно воздуха, и они вмёрзали в лед. Плавающие металлические контейнеры также помогали сохранять минам положение, при котором они наносили наибольший урон. Мины взрывали, когда танки находились непосредственно над ними или когда они уже прошли, чтобы отрезать им путь к отступлению.

Русские также наталкивались на противотанковые заграждения на льду, в тех местах, где финны проделывали полыньи. На тех участках, где они не могли сохранить «водяные рвы» из-за сильных морозов, они укладывали широкие полосы целлофана на поверхности заснеженных озер, надеясь таким образом ввести в заблуждение воздушную разведку русских, которые могли посчитать, что озеро не замерзло и танки там не пройдут.

Устраивались и ложные противотанковые укрепления, изготавливаемые из картона, в которых даже размещали сплетенные из соломы чучела людей и лошадей, с тем чтобы бомбардировщики русских тратили свой боезапас на эти «скопления» финнов.

Изобретательность финнов казалась неисчерпаемой, но для каждого «трюка» требовался человек, обладающий незаурядным мужеством, и потому даже штабные офицеры, лишь кивком головы одобрявшие эффективность столь грубых и неординарных методов борьбы, с уважением относились к солдатам, опровергающим поговорку «один в поле не воин».

Направляющийся к линии фронта истребитель танков Каарло Эрхо слышал гул артиллерийских залпов и задавал себе вопрос: каково же там на самом деле? Он знал, что на этом участке силы противника превосходят финнов в десять раз и многие солдаты из его взвода погибнут. Кто из них станет первым?

Подразделение Эрхо расположилось вблизи линии фронта; людей уже развели по палаткам, подали кофе, и все выглядело достаточно спокойным.

Внезапно у входа в палатку прозвучал голос часового: «Истребители танков, готовьте свои бутылки и боеприпасы. У вас две минуты!»

Эрхо и его товарищи выскочили из палатки и присоединились к группе из 10 человек.

Командир группы, сержант Оути Хелас, приказал им окопаться по обочинам дороги в пяти местах: солдаты с «коктейлем Моло-това» — по одну сторону, а с взрывчаткой — по другую.

«Вот мы и готовы, — подумал Эрхо, — теперь пусть идут».

Юному финну сообщили, что 10 русских танков прорвались через линию фронта и приближаются к его участку. Со своей замаскированной позиции он видел, как лейтенант распределял по местам пулеметчиков, которым предстояло позаботиться о том, чтобы экипажи русских танков не смогли скрыться.

В поле зрения появилось первое чудовище, стреляющее во всех направлениях; оно так уверенно приближалось, что, казалось, ничто не в силах его остановить. Вслед за ним следовали остальные, ведя ураганный огонь. И Эрхо подумал: «Неужели мы должны сражаться с этими стальными чудовищами при помощи пары бутылок с бензином и нескольких ручных гранат?» Мысль эта казалась абсурдной. Намного разумнее было бы сейчас осторожно встать и, отступив, покинуть это безумное столпотворение.

Три танка уже миновали его позицию, но приказа атаковать все еще не было. Наконец прозвучал сигнал. Эрхо освободил запал, досчитал до трех и бросил мешок с динамитом под днище третьего танка. От нескольких громких взрывов земля заходила ходуном, но когда он поднял глаза, то заметил, как его танк вместе с остальными медленно поворачивает туда, откуда пришел. Испытав горькое разочарование от того, что танк не

лежит беспомощно на боку, он ткнул локтем своего приятеля, Кививирта, и сказал, что у него вышли все боеприпасы.

«Давай угостим их вот этой последней бутылкой», — сказал юный воин. С этими словами он спокойно поджег запал и швырнул бутылку в идущий последним танк. Она попала прямо в щель для забора воздуха и тут же воспламенилась, освещая все вокруг желтоватым пламенем. Вскоре весь танк был объят пламенем, и Кививирта произнес: «Мы наверняка поджарили русских».

Тем временем лейтенант Каарто, связав две трехкилограммовые тротилловые шашки, метнул их под гусеницы второго танка, который остановился. Вскоре запылал и третий танк, подожженный самим командиром отряда; остальные танки были уже вне пределов досягаемости. Экипаж второго танка пытался скрыться в лесу, но стал легкой добычей автоматчиков

Глава 6. ЛЕДОВЫЙ АД ЗИМНЕЙ ВОЙНЫ

Поначалу русский солдат ничего не имел против холода. Он полз в атаку на животе, и его боевой дух поддерживала мысль о скорой победе. У него было мощное новое оружие, частенько прямо с завода, а летняя форма доставляла лишь легкие неудобства. Но все изменилось, когда температура упала сначала до 10, а потом до 20, 30, 40 градусов ниже нуля; вот тогда-то и начался настоящий ад, ад Зимней войны.

В такие морозы оружие солдата Красной армии замерзало, замерзали продукты питания, мерзли руки и ноги. Если он слишком обильно смазывал оружие, оно становилось бесполезным. Стоило ему прикоснуться к стволу винтовки голыми руками, а потом убрать руки, на металле оставались следы его крови. Водители танков и автомашин заметили, что, если не прогревать двигатели в течение 15 минут каждые два часа, аккумуляторы выходят из строя. Войскам требовалось больше, чем обычно, продуктов питания; чтобы выжить и сражаться, солдатам был нужен обильный и сытный рацион, а не черствый хлеб и чай без сахара.

В лютые морозы человеческая кровь остывала, и ее плазма переставала выполнять свои функции. Да, холод способствовал остановке крови у раненых, но если человек долго оставался на морозе без перевязки, то его истерзанная и окровавленная плоть вскоре начинала темнеть, из нее сочилась зеленоватая жидкость, свидетельствующая о начинающейся гангрене. Финские санитары, отправляясь на помощь раненым, набивали рот ампулами морфия, чтобы он оттаивал. У русских, похоже, ничего подобного не делалось, так как военных медиков у них было мало, а частенько они вообще отсутствовали. Большинство раненых солдат Красной армии замерзали, напоминая собой статуи, сохранившие позы, в которых их настигла смерть.

Финнам также приходилось жить в эти морозы, и им было отнюдь не легко, особенно когда, вместо того чтобы греться вокруг костра в лагере, они совершали ночью многокилометровые круговые марши. Но мало кто из них жаловался на погоду; они привыкли к ней, и более того, подчас мороз спасал им жизнь.

Энсио Никуда рассказывает о случае, произошедшем у местечка Сумма в морозный январский день после массированного артиллерийского обстрела русских. Он вдруг заметил, как на нейтральной полосе с земли поднялся человек без головного убора и без оружия и побрел к финским позициям. На плечах у этого человека виднелись обрывки белой маскировочной формы, поэтому командир роты отдал приказ не стрелять, но прежде чем солдат успел добраться до окопов, русские открыли по нему ураганный огонь.

— Мы расстегнули его форменную куртку и увидели под ней овчину... Мы насчитали шесть бескровных отверстий от пуль у него в груди.

Кто-то сказал:

— Отнесите его в палатку к убитым. Он наверняка

мертв. Санитары через пару часов заберут его.

Солдата оставили в обогреваемой палатке, а часа в два в палатку вернулись сменившиеся часовые, расселись, закурили и собрались выпить горячего кофе. Внезапно послышался голос:

— Эй, дайте-ка мне сигарету.

Мы поняли, что говорит «мертвец». Я прикурил для него сигарету, и он стал курить, бормоча себе под нос: «Похоже, ноги у меня целы...»

— Да, но у тебя шесть дырок в груди, — сказал я ему.

— Пожалуй что так. Я почувствовал, как меня обожгло несколько раз, когда полз к вам в окопы

Фамилия этого солдата была Лааксонен; его контузило во время артобстрела, и он довольно долго пролежал на земле без сознания. Когда же, очнувшись, он направился к своим, в него сзади попали несколько пуль и вышли через грудь.

Лааксонена быстро отправили на пункт первой помощи, где медики объяснили, что морозная погода спасла этому человеку жизнь. В обычных условиях он бы истек кровью и умер.

Финнам была привычна такая погода, и, что более важно, они были соответствующим образом одеты. Одежду они носили «слоями»: теплое белье, свитер, брюки и теплая куртка, а поверх всего этого маскировка из белых простыней. Британский военный наблюдатель сэр Уолтер Ситрин описывал накидки и капюшоны лыжных патрулей «очень похожими на форму американского ку-клукс-клана».

Любой из предметов одежды можно было в случае необходимости легко снять. В экипировке финнов имелось множество самых разнообразных вязаных вещей с «домашнего фронта»; вещи эти были с любовью связаны пожилыми дамами, домохозяйками, молодыми девушками — всеми, кто умел держать в руках спицы. Вязались нагрудники, подшлемники, шарфы, перчатки и носки, подчас не очень элегантные, зато очень теплые и удобные. Эти подарки заслужили огромную благодарность солдат. Один из них писал незнакомке, приславшей ему посылку: «Спасибо вам за лыжный костюм, и пусть я не знаю, как вы выглядите, может быть, договоримся об условном знаке, который я подам вам во время парада победы в Хельсинки. Тогда вы лично сможете убедиться, как я благодарен вам за подарок. Он лучший во всей Карелии, и мне не стыдно отправляться в нем на патрулирование. Что касается наколенников, то я могу стоять на колене и стрелять часами, не ощущая холода». Сшитые из легкой ткани зелено-коричневые гимнастерки русских были ненамного теплее простых хлопчатобумажных комбинезонов. Нижнее белье у них было очень тонким, легче того, что финны носили летом. В самом начале войны солдаты Красной армии были даже без шинелей.

В отличие от финнов, имевших теплые блиндажи и палатки, единственными убежищами для русских являлись выкопанные в снегу ямы, где они разводили костры, чтобы не замерзнуть насмерть. Еще они имели обыкновение тесниться большими группами вокруг костров на привалах, что делало их легкой добычей финских снайперов.

Хотя финнам раньше не приходилось вести войну зимой, их тела настолько быстро адаптировались к холодам, что, заходя в теплую палатку или блиндаж, они часто жаловались на духоту. Они приспособились сохранять свое оружие в рабочем состоянии, смазывая его смесью бензина и оружейного масла, тем самым не давая ему замерзнуть. В отсутствие антифриза они использовали спирт и глицерин для системы охлаждения своих пулеметов.

И вот в таких условиях «передвижной зоопарк» — так финны прозвали атакующих их солдат противника — сражался, страдал и погибал. Ко времени, когда им пришлось столкнуться с главной линией обороны финнов, их мечта пройти без всяких помех маршем до Виипури и Хельсинки растаяла как дым. Вместо счастливых лиц людей, вышедших встречать своих освободителей, они обнаружили на месте деревень лишь

пылающие руины, непроходимые леса, убийственный огонь финнов и отчаяние в собственных рядах. Противник был повсюду; если не на лыжах, то за стволом ели, скрытый ветками, он преподносил им очередной сюрприз, поливая огнем из автомата. Для опытных солдат Красной армии продолжительные бои в лютые морозы при скудном рационе питания и отсутствии возможности соблюдать элементарную гигиену стали борьбой за выживание. Для простых же призывников, практически незнакомых с оружием и воинской дисциплиной, это стало катастрофой. Они сражались лишь потому, что не могли отступить; большинство из них понятия не имели, почему они оказались в Финляндии. Им говорили, что, если они попадут в плен, их расстреляют. Если они повернут назад, то политруки будут стрелять в них. Дезертировать было практически невозможно, ибо, даже если бы им удалось ускользнуть от политруков, они бы заблудились и замерзли насмерть. Стоило им пожаловаться на плохое питание, отсутствие смазочных материалов, на вшей, раны или обморожения, политруки брали на заметку их «предательские» разговоры. Иногда у солдат была возможность писать домой, они выводили свои каракули на вырванных из блокнотов листах и запечатывали письма кусками размоченного хлеба. Тысячи таких писем были найдены на телах убитых и замерзших русских. «Интересно, много ли по эту сторону фронта найдется людей, верящих, что финны напали на русских? — писал один солдат. — Зачем нас повели воевать с этой страной?»

Глава 7. РУССКИЕ БОМБЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ В ПОДДЕРЖКУ ФИНЛЯНДИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Русские рассчитывали подавить сопротивление финнов путем одновременного опустошения страны и расчленения Финляндии пополам в самой узкой ее части; при этом авиация должна была деморализовать Гражданское население и нарушить работу государственных учреждений.

Маршал Маннергейм и его генералы безошибочно распознали в этом тактику блицкрига, заимствованную у нацистов. Русские не шли ни на какие ухищрения; их действия не вызывали удивления, за исключением, пожалуй, варварских способов бомбардировки. Сумей находящиеся в тылу выстоять под убийственными воздушными налетами, и тогда, возможно, друзья Финляндии за границей, устав от возмущения, оказали бы ей помощь. Вероятно, бомбардировки гражданских объектов следует признать главной ошибкой этой кампании, особенно если учесть, что **советская авиация использовала зажигательные бомбы**.

Коммунизм призван отстаивать интересы маленького человека, рабочих и беднейших слоев населения, но большинство бомб падали как раз на те районы городов и деревень, где жили такие люди. Их скромные жилища были построены из дерева, а стены заполнялись опилками для защиты от холода. При бомбардировке зажигательными бомбами эти дома вспыхивали, как свечи, и отремонтировать их уже было невозможно. Если рабочие когда-то и тешили себя мечтами о «прелестях» коммунизма, их мечты исчезли как дым вместе с их домами и пожитками.

Маннергейм оказался прав в своих оценках побочных результатов таких бомбардировок. Они вызвали не только массовые протесты по "всему миру, предложения помощи Запада и последовавшее исключение Советского Союза из Лиги Наций, но и разочарование набирающих силу во многих странах мира социалистов и коммунистов, искренне веривших в любовь Советов к рабочим и крестьянам. Вместе с тем бомбардировки гражданских объектов отнюдь не способствовали повышению морального духа войск противника на фронте, не перестающих задаваться вопросом: где же хваленая советская

авиация? Почему самолеты не прикрывают их во время атак? Где боеприпасы, питание, хлеб?

Солдатам и населению СССР не сообщали о бомбардировке гражданских объектов. В одном из январских номеров «Правды» даже говорилось, что ни один из гражданских объектов не пострадал. Но в отсутствие фотографий разрушенных городов и западных газет для сравнения с печатающимися сообщениями как могло население Советского Союза распознать разницу?

Бессмысленные бомбардировки продолжались день за днем, и финны вскоре стали с ненавистью относиться к прогнозам погоды, сообщающим о «хорошей погоде и ясном небе», ибо это означало вой сирен, необходимость бежать в бомбоубежище, где стены буквально сотрясались от разрывов бомб вокруг. Это всегда означало гибель и увечья знакомых им людей; в небольшой стране «чужих» бед не бывает.

Спасения от бомб и обстрелов практически не существовало ни для кого, исключением стали лишь совсем маленькие дети, которых собрали и, повесив им на шею жетоны с именами, отправили в Швецию. Многие из них не вернутся в Финляндию после войны, поскольку у них не останется родителей. Приемные родители в Швеции воспитают их, как своих собственных детей.

Поезда на маршруте Виипури—Хельсинки, везущие женщин и детей на запад, стали излюбленной целью для бомбардировок и обстрелов русских. Стоило появиться в небе советскому самолету, поезд останавливался, а люди бежали в лес или прятались за огромными валунами. От Хельсинки до Тампере и на всем пути до Оулу бомбардировки поездов стали обычным делом. Убийство мирных граждан не давало очевидных военных преимуществ, хотя вывод из строя поездов и железнодорожных станций нарушал поток военных поставок, идущих из Швеции.

Олимпийский чемпион Пааво Нурми в свои 42 года не был призван в армию.

Принадлежащий ему магазин мужской одежды в Хельсинки был полностью обшит досками для защиты от налетов. Ян Сибелиус, которому исполнилось 74 года и который давно отошел от общественной жизни, сообщал из своего дома, находящегося в лесу в Туусула, одном из пригородов Хельсинки: «Две мысли волнуют меня больше других. Я воистину горжусь своим народом и тем, что он делает в эти дни. И я счастлив снова быть свидетелем того, как великая американская нация выступает в поддержку Финляндии». В Соединенных Штатах не было сомнений по поводу отношения к Финляндии, но вскоре стало очевидным, что слова, моральная поддержка и подарки не в состоянии изменить положения.

Нападение России на Финляндию стало для американцев полной неожиданностью; они пытались разобраться, как наилучшим образом помочь финнам. Первым шагом стал призыв президента Франклина Д. Рузвельта, отправленный им Лоренсу А. Стейнхар-ту, послу в Москве, и Артуру Шонфельду, посланнику в Хельсинки. Оба послания гласили: «Происходящие в ходе возникших в последние годы в разных частях земного шара конфликтов безжалостные бомбардировки с воздуха гражданского населения в незащищенных местах проживания, в результате которых погибли и получили увечья тысячи беззащитных мужчин, женщин и детей, наполнили болью сердца всех цивилизованных людей и глубоко потрясли все прогрессивное человечество... В этой связи я адресую свой призыв советскому правительству [правительству Финляндии в послании, направленном в Хельсинки], точно так же как я уже обращался к правительствам участвующих в конфликтах стран публично подтвердить свою решимость не прибегать при любом развитии событий и ни при каких условиях к бомбардировкам с воздуха гражданского населения или незащищенных городов».

Это на редкость вежливое послание мало чем могло утешить прячущихся в бомбоубежищах финнов. Оно просто давало им понять, что президент Рузвельт не принимает ничью сторону и что Соединенные Штаты выступают против бомбардировок

гражданского населения где угодно. Всем и так было прекрасно известно, что Америка против зла.

Джозеф П. Кеннеди, посол США в Великобритании, сообщал президенту Рузвельту, что вступление США в войну в Европе окажется неоправданным. «Если кто-то выступает в пользу нашего вступления в войну, то общественность Соединенных Штатов должна потребовать обоснованного ответа на вопрос: «Зачем?» Он также говорил, что «боевой дух» американского народа с его «нежеланием мириться с несправедливостью» может втянуть нас в войну, но добавлял, что «это не наша война».

Более примечательны шаги, предпринятые государственным секретарем США Корделлом Хеллом, который обратился с призывом к американским производителям самолетов не продавать свою продукцию державе, использующей их для уничтожения гражданского населения. Для Советского Союза было обычным делом закупать у Соединенных Штатов два-три звена произведенных по последнему слову техники и наиболее дорогих военных самолетов. По всей вероятности, их использовали для изучения и экспериментальных целей, внедряя последние достижения для производства собственных машин.

Бывший президент Герберт Гувер был ярким сторонником финнов, с давних пор вызывавших у него восхищение. Он отзывался о нападении России и бомбардировках гражданского населения как о возвращении к «моральным устоям и кровожадности эпохи Чингисхана» и призывал разорвать дипломатические отношения с Советским Союзом, но конгресс США отверг столь-радикальные меры. Гувер, в отличие от внезапно появившейся целой армии ораторов, с их полными драматизма речами, не ограничился одними словами. Он сразу создал организацию, занимающуюся сбором средств для помощи бездомным в Финляндии, аналогичную созданной им для жителей Бельгии во время Первой мировой войны.

Мэр Нью-Йорка Фиорелло Ла Гардиа сформировал комитет по сбору средств для проведения массового митинга под лозунгом «Поможем Финляндии!» 20 декабря 1939 года.

Американский Красный Крест выделил 25 тысяч долларов для оказания помощи; позднее еще 10 тысяч долларов были отправлены в Лондон для покупки лекарств и последующей доставки их самолетом финскому Красному Кресту. Все отделения Красного Креста в Соединенных Штатах занимались сбором средств для помощи жертвам войны в Финляндии.

В тот же период клубы и ассоциации американо-финляндской дружбы организовали комитет помощи, включавший в свой состав 39 обществ, поставивших себе целью собрать миллион долларов для финского Красного Креста.

В помещении Финского союза за получение образования рабочими упаковывались огромные коробки со старой одеждой и обувью, и после нанесения на них эмблемы Красного Креста их отправляли пострадавшим в ходе военных действий.

Со всех концов Соединенных Штатов и Канады в Нью-Йорк стекались мужчины финского происхождения для отправки за границу и участия в войне на стороне Финляндии. Среди добровольцев были и собиравшиеся отплыть на шведском лайнере «Грипсхольм» женщины, которым предстояло выполнять функции медсестер и работать в тылу. В штате Делавэр группа из 60 фермеров собрала 500 долларов на эти цели. Четверо финских матросов самовольно покинули корабль в Портленде, штат Мэн, и отправились в Нью-Йорк, откуда собирались отплыть на «Грипсхольме» с другими добровольцами. Один американский летчик выступил с призывом записываться в финско-американское авиационное подразделение. Старейшим в первой группе отплывающих был Ялмари Риукула, работавший шофером на Лонг-Айленде. Газета «Нью-Йорк тайме» привела высказывание этого пожилого мужчины: «Я никогда не окажусь слишком старым для сражения за свою страну».

Вероятно, никогда еще в американской истории общественное мнение не было так обеспокоено судьбой небольшого иностранного государства. Герберт Гувер в своей речи в

Калифорнии яростно осуждал Соединенные Штаты за то, что они не отозвали своего посла из Москвы в знак протеста против нападения СССР на Финляндию и «мертвых женщин и детей на улицах ее городов». Он продолжал:

«Откуда эта мягкость по отношению к России? Наше правительство предлагает свои добрые услуги, чтобы предотвратить нападение на Финляндию. Администрация уж больно правильно отреагировала на бомбардировки финских детей и женщин. Мы даже не поинтересовались мнением граждан. Более того, придерживается ли Россия соглашения с Соединенными Штатами не вести на территории Соединенных Штатов пропаганды против ее правительства?»

Нам следует, как это мы сделали в Германии, оставить лишь простого чиновника, чтобы он представлял нас в Москве, и отозвать нашего посла. Господин Рузвельт заключением договора и обменом послами признал коммунистическое правительство. Это поставило СССР в ряды достойных членов семьи наций. С тех пор прошло уже много времени, и мы отозвали нашего посла из нацистской Германии и даже подняли на 25 процентов наши тарифы на немецкие товары. Неужели посягательство на свободу Финляндии и погибшие женщины и дети на улицах ее городов стали для нас меньшим шоком, чем варварские действия нацистов?»

Переданная послом Финляндии просьба о предоставлении займа в 60 миллионов долларов «рассматривалась» в конгрессе Соединенных Штатов. И хотя Финляндия, судя по уплате ею своих долгов после Первой мировой войны, пользовалась наилучшей репутацией у кредиторов во всем мире, решение о предоставлении займа в 30 миллионов долларов было принято лишь в конце февраля 1940 года. Но помощь эта пришла слишком поздно.

Тогда же Корделл Хелл сделал ошеломляющее заявление: «Я против любых ассигнований, поскольку наше правительство станет продавать военные материалы воюющей стране, а это противоречит нормам международного права».

Правда, 10 декабря правительство Соединенных Штатов выделило Финляндии 2,5 миллиона долларов, но эти деньги должны были быть использованы на развитие сельского хозяйства и приобретение продуктов питания. Один из конгрессменов с горечью говорил, что «из-за этих ограничений (деньги не могли быть использованы для нужд обороны) мужественная Финляндия не может купить ничего, кроме пудры и нижнего белья. Финны просят боеприпасы — мы посылаем им бобы. Когда они просят взрывчатку — мы отсылаем им чай. Они просят артиллерию — мы шлем им швабры». Газета «Вашингтон пост» писала: «Финляндии не приходится ожидать никакой другой помощи от США, кроме аплодисментов».

В одной из редакционных статей газеты «Нью-Йорк тайме» говорилось: «По завершении своей работы в Финляндии Советы, помимо всего прочего, навлекут на себя недоверие и презрение американского народа».

Дороти Томпсон писала в газете «Нью-Йорк геральд трибюн» о гневе, вызываемом нерешительностью конгресса США предоставить заем Финляндии для закупки оружия. Она назвала это «невероятной распушенностью и легкомыслием... величайшей бескровной победой, одержанной Сталиным».

Пока в конгрессе и Белом доме шли дебаты, создаст ли предоставление займа Финляндии прецедент для всех воюющих стран обращаться с просьбами о помощи к Соединенным Штатам, Тосканини и Стоковский дирижировали оркестрами, исполняющими музыку Сибелиуса, сборы от этих концертов шли на помощь Финляндии; американские подростки с этой же целью вели сбор средств на улицах. Министр иностранных дел Финляндии Вяйнё Таннер высказался следующим образом: «Нам трудно сдерживать наше разочарование, ибо Соединенные Штаты с легкостью могли бы помочь нам сейчас, но они ведут себя по отношению к нам так, словно речь идет о мирном времени».

Одна из ведущих газет в Хельсинки писала: «Когда горит дом, его хозяин не может терпеливо ждать, пока кто-то принесет ведро воды. Горят наши границы!»

В тот же период, нарушив свое обычное молчание и затворничество, финские предприниматели по собственной инициативе стали выступать с речами и заниматься сбором средств в различных частях мира. За символическую «заработную плату» в одну финскую марку в год они ездили по самым разным странам, где можно было добиться помощи для Финляндии. Особенно красноречивыми они были в Скандинавских странах. Мэр городка Лауритсала, финский еврей по имени Сантери Якобссон, отправился в Швецию за поддержкой еврейского населения этой страны. Ему действительно удалось привлечь раввина Маркуса Эренпрайса к работе по сбору средств для Финляндии. Предприниматель Август Куусисто летал в Соединенные Штаты, где выступал в клубах и общественных организациях.

Подобные усилия начали приносить плоды. Помощь стала поступать, и обычно это происходило без участия официальных лиц той или иной страны. Финны не задавали вопросов добровольцам, выступающим на их стороне. 8 тысяч шведов вызвались помочь, в борьбе против русских. Эскадрилья, чьей эмблемой стали череп и скрещенные кости, была сформирована из поставленных Швецией самолетов, ими управляли шведские летчики; в январе шведы организовали в Финляндии госпиталь Красного Креста. 8 тысяч норвежцев и датчан прибыли на театр военных действий, Венгрия направила батальон для борьбы с красными. Вскоре появились итальянские летчики в своих самолетах; приехали даже один темнокожий житель Ямайки и несколько японцев. Добровольцы из Франции и Великобритании спешили на помощь Финляндии¹. 350 жителей Соединенных Штатов отплыли на «Грипсхольме», но, как многим другим сторонникам, им было суждено прибыть слишком поздно, и они уже не могли повлиять на ход военных действий. Газеты во всем мире почти единодушно выступали на стороне Финляндии. Проблема заключалась в том, что журналисты не имели достаточного количества материалов для написания статей, которые могли бы способствовать оказанию более эффективной помощи Финляндии. Оказавшись затворниками в гостинице «Камп» в Хельсинки, толпы журналистов набивались в одну из комнат, где им сообщали новости, частенько приукрашивая их. Иностранцы корреспонденты были крайне недовольны обращением с ними, хотя министр иностранных дел Финляндии и выделил официального представителя по связям с прессой, который снабжал их новостями с фронта. Финны отнюдь не славилась своим хорошим отношением к связям с общественностью.

Финны присматривались к поступающим со всего мира потокам «соболезнований» и поняли, что являются всего лишь крохотным винтиком в огромной машине политики. Происходящие события выглядели настолько запутанными, что не будь они столь трагичны, то могли бы показаться комичными. «Нейтральная» Россия сражалась с союзниками на Черном море, противодействуя британским планам на Балтике. «Нейтральная» Италия угрожала интервенцией, если Россия двинется дальше на юг. «Нейтральные» страны двух Америк во главе с Соединенными Штатами рассматривали всевозможные меры помощи первой нейтральной стране, подвергшейся нападению. Это была «разрастающаяся» война и война всех; война столь непредсказуемая, - что, когда президент Рузвельт заявил, что США «круглосуточно» занимаются своей международной политикой, он лишней раз подчеркнул шаткость позиций в мире, живущем одним днем. Маннергейм, характеризуя кампанию в целом, сказал: «Я не думал, что мой народ может быть столь хорошим, а русские могут оказаться такими плохими». И мрачно добавил: «У нас есть масло, но нет пушек». В этой связи он и его генералы настоятельно требовали от своего правительства поисков мира. Президент Кюэсти Каллио сообщил парламенту Финляндии, что хотел бы написать личное письмо главам правительств различных стран с разъяснением занимаемой Финляндией позиции и с просьбой стать посредником в переговорах. Идея эта как малопригодная была отвергнута, тем не менее 10 декабря парламент разослал такое послание, в результате чего начались поставки из Швеции, Франции, Великобритании и Соединенных Штатов. Италия стала поставлять самолеты и

присылать летчиков. Великобритания и Соединенные Штаты слали самолеты, военное снаряжение и бензин.

Римский папа был «глубоко потрясен» нападением России. В Будапеште студенты на улицах бурно поддерживали Финляндию и выкрикивали антисоветские лозунги. Премьер-министр Великобритании Чемберлен и французский премьер Даладье публично осудили Советский Союз за нападение. В нейтральных Скандинавских странах, Испании, Японии сформировалось стойкое антисоветское общественное мнение. Даже Германия посылала оружие и снаряжение Финляндии, пока шведские журналисты не опубликовали сообщение об этом в газетах, вынудив таким образом Германию придерживаться рамок советско-германского договора о ненападении. Италия также была вынуждена прекратить поставки после злосчастной публикации в Швеции.

В первую неделю войны Соединенные Штаты предложили свои услуги в качестве посредника для решения проблемы. Предложение было направлено и правительству Финляндии, и правительству Советского Союза. Финны незамедлительно приняли это предложение, СССР ответил холодным отказом. Молотов в своей речи 31 октября сказал: «Соединенным Штатам было бы лучше побеспокоиться о своих отношениях с Филиппинами и Кубой, чем вмешиваться в советско-финские отношения».

Финны, полагая, что это не окончательный ответ Советского Союза, обратились за помощью в оказании посреднических услуг к Швеции; одновременно с этим они просили Швецию проследить за соблюдением интересов финнов, оставшихся в России. Кроме того, также через Швецию они сообщили Советам, что их правительство готово выступить с новыми предложениями позитивного характера. Молотов отверг предложение Швеции взять на себя роль посредника, заявив, что нет необходимости вновь вести обсуждение, так как Советский Союз не признает никакого другого правительства, кроме правительства Отто Куусинена.

В конце концов к послу Финляндии в Эстонии просочились сведения, что Советский Союз станет вести переговоры на условиях уступки ему Ханко и смещения с поста министра иностранных дел Вейнё Таннера. Финны ответили отказом отдать Ханко и заявили, что никто не вправе указывать им, кто должен быть министром иностранных дел или, как в данном случае, кого из официальных лиц следует назначать на этот пост. Казалось, не существует путей положить конец войне, которой никто не хотел. Советский Союз был вынужден вести войну на финской земле, а финны поклялись защищаться до последнего, но не отдавать своих территорий. Другие страны лихорадочно искали пути примирить противников, как правило в своих собственных интересах.

Рикард Сандлер, бывший министр иностранных дел Швеции, предсказывавший, что Советский Союз не нападет на Финляндию, посетил Хельсинки для переговоров с премьер-министром Рюти и министром иностранных дел Таннером и предложил свою помощь в качестве возможного посредника. Он настоятельно убеждал финнов не допускать войска западных держав в Петсамо или Мурманск, потому что это будет означать продолжение войны и повысит вероятность того, что вся Скандинавия окажется втянутой в конфликт мирового масштаба.

В «войне разговоров» посол США уведомил Вашингтон, что «следует поддерживать Финляндию до тех пор, пока «политическая ситуация» не изменится». Финны задали послу вопрос, не обратится ли он к двум нейтральным государствам, Соединенным Штатам и Италии, с просьбой содействовать мирным переговорам с Советским Союзом. Тот обещал сделать это, но, цитируя старинную финскую поговорку, «посеянная идея... не дала всходов».

На данном этапе стало очевидным, что споры, предложения и долгие обсуждения будут преобладать по всему миру в кругах хотя и выступающих в поддержку Финляндии, но пытающихся при этом сохранить «нейтралитет». Эмоции бурлили, и в ряде случаев предлагаемые решения проблемы нависшей над финнами угрозы были весьма нереалистичными. Уинстон Черчилль за завтраком с директором Альпийского клуба

предложил собрать группу людей, умеющих кататься на лыжах. «Даже небольшая группа лыжников была бы почти бесценной», — заявил он. Создавалось впечатление, что лишь одна держава хранит молчание по поводу этого конфликта, и эта держава — Германия.

Глава 8. ВОЙНА В ВОЗДУХЕ

На второй день войны находящийся на авиабазе в Иммола капитан военно-воздушных сил Финляндии Эйно Лююкканен проснулся в 5.30 утра, влез в свое меховое обмундирование и через окутанное темнотой летное поле направился к тому месту, где стояли «фок-керы», накрытые белыми полотнами маскировочной ткани. Они вместе с механиком стянули маскировочную ткань с его самолета, и летчик забрался в кабину. Он проверил пулеметы и ленты к ним, покачал, нажимая на педали, рулем поворота, поработал ручкой управления, наблюдая за элеронами, и подал сигнал механику. Взвыл стартер, двигатель марки «Меркурий» закашлял, пилот прибавил газ, и мотор запел ласкающим слух глубоким басом. Лююкканен проверил приборы, убрал газ и стал ждать.

Темнота начала понемногу рассеиваться, и вскоре небо на востоке окрасилось желтовато-розовым светом. Внезапно громко зазвонил телефон в дежурке. Поступил приказ организовать постоянное патрулирование двумя истребителями в районе Вуоксенлааксо. Лююкканен возглавил второй патруль, его ведомым был Вик Пюотсия.

Пролетая над Энсо во время второго облета патрулируемого района, Лююкканен заметил два бомбардировщика, направляющихся на северо-восток на высоте примерно 3200 футов. Он подал Пюотсия сигнал к атаке и, дав полный газ, попытался пристроиться в хвост ближайшему бомбардировщику. Противник, заметив финна, резко повернул на юго-восток.

Бомбардировщик маячил перед ним, оставалось 400, 300, 200, 100 ярдов. Держа ноги на педалях управления рулем поворота и не отрывая глаз от прицела, пальцами сжимающей рычаг управления руки Лююкканен нажал на гашетку и увидел очереди трассирующих пуль, полетевших вслед бомбардировщику. Одновременно с этим яркие оранжевые вспышки заплескали перед ветровым стеклом его кабины. Стрелок бомбардировщика открыл по нему огонь. Через мгновение цель полностью преградила ему обзор, и он был вынужден резко отвернуть вправо, чтобы избежать столкновения. Развернув свой «фоккер», Лююкканен снова сблизился с бомбардировщиком, хотя пулеметчик противника продолжал поливать его огнем.

Находясь на высоте 500 футов, он вдруг заметил несколько крупных предметов, падающих из бомбардировщика. Летчик решил сбросить свой смертоносный груз с целью облегчить самолет, и маленький «фоккер» затрясло, как соломинку на ветру, от разрывов упавших бомб. Лююкканен еще раз пристроился в хвост бомбардировщику. Немного газа — и вот противник прямо у него перед глазами. Он нажал на гашетку, но пилот бомбардировщика выпустил шасси, замедлив тем самым скорость своего самолета, и Лююкканену тоже пришлось сбросить скорость во избежание столкновения. Он выпустил длинную очередь в правый двигатель с расстояния 50 ярдов; грязно-серый дым сразу повалил из-под кожуха. Самолет закружился на месте, затем застыл в воздухе и вскоре носом вниз рухнул на небольшое поле.

Самолет «СБ-2» с красными звездами на крыльях стал первым самолетом, сбитым Лююкканеном во время Зимней войны, и сейчас он видел, как экипаж, состоящий из трех человек, выбравшись из самолета, начал размахивать кусками белой материи.

Финский летчик был чрезвычайно горд собой и, приземлившись на своей базе, отправился завтракать. Не успел он выпить чашку кофе, как раздался вой сирены — начался налет на аэродром. Атака с бреющего полета десяти самолетов «СБ-2» всего лишь наделала много шума благодаря неумелому прицеливанию русских пилотов. Большинство бомб упали за пределами летного поля, и лишь одно здание оказалось слегка поврежденным. Финны

поднялись в воздух, но только с четвертого захода им удалось сбить четыре бомбардировщика. Появился и первый русский пленный, который неправильно понял сигнал своего командира и, вместо того чтобы сбросить бомбы, выпрыгнул сам. Прыгая с небольшой высоты, он даже не получил повреждений.

После столь бурных событий началась сильная метель, и Лююкканен решил использовать это время для поисков останков своей жертвы. В особенности его интересовали оборонительное вооружение, броневая защита и топливные баки, знакомство со слабыми местами которых могло пригодиться в будущем. Наконец Лююкканен нашел сбитый им самолет, новую, вероятно прямо с завода, машину, но на ее фюзеляже было такое количество пулевых отверстий, что он напоминал сито. Пилот отметил, что фюзеляж имеет толстую броню, но незащищенные топливные баки на крыльях позади двигателей являются ахиллесовой пятой этой модели. Теперь он знал, куда ему целиться в следующий раз.

Что же касается экипажа, то местные жители объяснили, что, когда к русским попытались приблизиться, майор и два старших лейтенанта выхватили свои пистолеты. Завязался бой, и два офицера погибли. Третий выстрелом в голову покончил с собой.

Если советские танки, артиллерию и огромное количество солдат безжалостно посылали напролом сквозь ледяные леса Финляндии, где их ждала массовая гибель, точно так же экипажам 3 тысяч русских бомбардировщиков и истребителей пришлось отправляться в приготовленный для них ад. Наспех обученные советские летчики в подметки не годились своим закаленным в сражениях, опытным противникам; вскоре они поняли, что финские пилоты истребителей такие же цепкие бойцы в воздухе, как и их соотечественники из отрядов лыжных патрулей на земле. Хотя русские имели превосходящие по мощи, как называл их Сталин, «моторы в воздухе», которые они могли использовать против 162 устаревших самолетов финнов, с самого начала стало ясно, что русские будут нести на удивление неоправданные потери. Огонь сил противовоздушной обороны был пугающе точен, но худшим злом были истребители противника. Эскадрильям советских бомбардировщиков вскоре стал внушать стойкую неприязнь вид даже одного финского истребителя, ибо они знали, что его пилот не даст им спуска. Самолеты целыми эскадрильями гибли во время заданий над Финляндией, и ожидавшие их возвращения на базу в Эстонии рядом с Таллином могли только догадываться, что же произошло.

Сталинские «моторы в воздухе» были внушительными; бомбардировщик конструктора Ильюшина «ДБ-3» обладал большой скоростью и мог нести груз бомб весом в тонну на расстояние до 2000 миль. У русских также имелись бомбардировщики Туполева «СБ-2», получившие прозвище «катюшка», они были первыми русскими самолетами, сконструированными внутри страны и изготовлявшимися за границей (по лицензии в Чехословакии. — Ред.). Советские летчики-истребители пилотировали в основном самолеты конструкции Поликарпова «И-15» (прозванные «курносыми»), которые прошли боевое крещение в первые месяцы Гражданской войны в Испании и участвовали в 1938 году в сражениях с японцами в Маньчжурии. Время от времени в хорошую погоду в безоблачном небе появлялись устаревшие бипланы, двухместные разведывательные самолеты конструкции Поликарпова «Р-5».

У их финских противников благодаря политикам, чьи уши остались глухи к рекомендациям Маннергей-ма, имелось мало самолетов, способных противостоять этой демонстрации силы. За те восемь лет, что маршал был председателем Совета обороны (он называл этот период «гонками в шторм»), он вменил себе в обязанность изучение тактики и организации армий других стран. Присутствуя на маневрах в Солсбери-Плейн в Англии, например, он подметил, что французы рассчитывают на мощную броню, тогда как англичане полагаются на мобильность. Позднее он выяснил, что немцев очень интересует экспериментальная модель так называемого независимого танка, производимого компанией «Викерс Армстронг». (Броня этого танка послужила немцам прототипом для

новой брони их танков, одерживавших сенсационные победы в Советском Союзе, Ливийской пустыне и во многих других местах.)

В 1934 году Маннергейм вновь посетил Англию с целью увидеть выставку и демонстрационные полеты авиации в Хендоне, поскольку мысль перевооружить военно-воздушные силы Финляндии не покидала его. Вскоре после этого Герман Геринг пригласил его для ознакомления с формируемыми в тот период военно-воздушными силами Германки. В результате этого пристального изучения Маннергейм упорно отстаивал идею использования современной авиации, в особенности для обороны небольшой страны. В 1938 году он в очередной раз напомнил правительству Финляндии, что военно-воздушные силы страны располагают всего 200 подготовленными летчиками; требовалось "по меньшей мере еще 600, причем следовало незамедлительно начать их обучение. Также необходимо было немедленно начать закупки современных самолетов. Но, как это обычно происходило, чиновники, занимающиеся бюджетом страны, тянули с принятием решения, и рекомендации Маннергейма остались без внимания.

К началу Зимней войны новейшим истребителем финских военно-воздушных сил являлся «Фоккер-D-XXI», одноместный моноплан, производимый в Голландии. Их насчитывалось всего 31, и из них генерал Ю.Ф. Лундквист, командующий военно-воздушными силами Финляндии, сформировал 24-ю истребительную эскадрилью, базирующуюся в Иммола на Карельском перешейке. У финнов также имелись пять самолетов «В-239», одноместных истребителей-перехватчиков, способных нести запас бомб. Эти самолеты входили в состав эскадрильи истребителей военно-морских сил США и базировались на авианосце «Са-ратога», но в декабре 1939 года, когда еще несколько самолетов этой модели должны были поступить в распоряжение военно-морских сил США, их количество сочли избыточным, поэтому их можно было поставить Финляндии в качестве жеста доброй воли. Самолеты быстро отправили в порт Тролльхетен в Швеции, где их собрали механики-добровольцы из Норвегии под наблюдением представителей компании «Брюстер». Хотя при использовании в боевых действиях в других местах судьба «В-239» оказалась несчастливой, в военно-воздушных силах Финляндии она сложилась удачно. Самолет модели «бристоль-бленхейм» являлся единственным современным бомбардировщиком, используемым финнами. В 1937 году финское правительство заказало в Англии 18 таких самолетов и приобрело лицензию на производство еще 12 самолетов на государственном авиационном заводе. Прозванные «Pelti Heikki» («оловянный Генри»), эти самолеты в Финляндии действовали с базы, расположенной в Луоннетяр-ви, неподалеку от Ювяскюля. Их уязвимость перед огнем противника стоила жизни многим экипажам.

Война в воздухе являла собой полную противоположность военным действиям на земле, где русские замерзали, а финны находились в тепле своих блиндажей или, во всяком случае, меньше страдали от погоды благодаря своей одежде и активности. Экипажи русских совершали вылеты с удобных баз в Эстонии или России и возвращались в теплые помещения, где находились в полной безопасности. Финнам же приходилось ночами вести ремонтные работы, когда механики трудились при свете фонарей под полотнами холста, чтобы их не заметил противник. Управление самолетами, летающими в такую морозную погоду, требовало огромного умения и любви к своему делу от людей, которые летали только благодаря стойкости своего духа и испытывали страдания, с опаской наблюдая за самолетами, взлетающими преследовать противника. При пониженной температуре головок цилиндров двигателя не хватало мощности для отрыва от земли, но даже если самолет взлетал, то непрогретый двигатель грозил катастрофическими последствиями и самолету, и летчику. Частенько механики в лютые морозы трудились над самолетом по два и больше часов перед утренними вылетами. Используя в работе паяльные лампы, кожухи двигателя и огнетушители, они закачивали теплый воздух под укрывающее самолет полотно холста, чтобы тепло заполняло блок двигателя, и все его металлические части расширялись, обеспечивая нормальную работу. Огнетушитель

всегда находился под рукой; нельзя было ручаться, что не воспламенятся смазка или бензин, откуда огонь мог перекинуться на холст.

При температуре 20, 30 и 40 градусов ниже нуля масло замерзает, как вода, поэтому финны обычно на ночь сливали масло из самолета и хранили в тепле, а утром заливали вновь.

Некоторые «фоккеры» были снабжены лыжами, что давало возможность их использования в прифронтовой полосе, где самолетам приходилось приземляться на лед. Остальные имели обычные, неубирающиеся шасси, поэтому посадка в глубокий снег была довольно опасным делом.

Финским летчикам редко приходилось возвращаться на удобные, теплые базы. Их базы были такими же мобильными, как базы сухопутных сил, требовалось, чтобы они находились там, где это было необходимо. «Авиационной базой» мог быть покинутый дом у озера, где летчики маскировались до момента вылета, или здание школы, либо быстро натянутая палатка или землянка, громко именуемая «дежурным помещением». В Вяртсиля у пилотов и обслуживающего персонала не было ни зданий, ни телефонов, ни палаток. Они вкопали в глубокий снег телеграфный столб и, натянув провода, подключили полевой телефон. Построить нормальное убежище у них не было возможности, поэтому им приходилось проводить время своего дежурства, стоя в метель под открытым небом или сидя на крыльях своих «фоккеров». Во время дежурств они находились рядом с самолетами; горячая пища являлась редкостью, и им приходилось питаться бутербродами и пить кофе из термосов.

Генерал Лундквист прекрасно знал о трудностях, с которыми приходится сталкиваться его крошечным военно-воздушным силам, и его иногда сместили статьи журналистов, пытающихся запечатлеть подвиги летчиков. Одному дотошному писателю, узнавшему, что лейтенант Тату Хюханантти недавно в одиночку сбил три русских самолета в одном бою, удалось взять у летчика интервью. Получившееся интервью едва ли заслуживает журналистской премии.

Вопрос: Расскажите, пожалуйста, как протекал бой? Что произошло?

Ответ: Ну, сначала я сбил один самолет противника.

Вопрос: А потом?

Ответ: А потом я сбил еще один самолет.

Вопрос: А что произошло после этого?

Ответ: Я снова открыл огонь и сбил еще один.

Вскоре после этого интервью лейтенант Хюханантти был ранен в бою с превосходящими силами противника. Он протаранил русский самолет своей объятый пламенем машиной. Это стало его одиннадцатой, и последней, победой. Его брат Эско, пилотировавший самолет-разведчик, тоже был сбит и погиб.

Хотя военно-воздушные силы Финляндии были небольшими, они, несомненно, вписали славную главу в историю авиации:

лейтенант Сарванто — 13 подтвержденных побед и 4 неподтвержденные, на самолете «фоккер»;

лейтенант Хюханантти — 6 подтвержденных побед, 4 неподтвержденные;

старшина Пюотсия — 7 подтвержденных побед, 2 неподтвержденные;

старшина Вирта — 5 подтвержденных побед, 1 неподтвержденная ;

лейтенант Ниеминен — 5 подтвержденных побед, 1 неподтвержденная;

лейтенант Вюоримаа — 4 подтвержденных, 2 неподтвержденные;

капитан Эрнроот (летчик-испытатель, защищавший город Тампере) — 7 подтвержденных побед, 4 неподтвержденные.

И это было только начало списка.

Финскими военно-воздушными силами был установлен мировой рекорд, когда 6 января 1940 года лейтенант Сарванто в 12.03 вступил в бой с семью русскими бомбардировщиками. К 12.07 финн сбил шесть из них. Все самолеты упали и были

обнаружены. Совершая свой подвиг, он использовал 2 тысячи патронов. Только двум экипажам русских удалось выпрыгнуть на парашютах, они были взяты в плен. Остальные погибли. Другой финский летчик сбил седьмой самолет эскадрильи.

При подведении итогов Зимней войны генералу Лундквисту станет известно, что одни только «фок-керы» сбили 120 русских бомбардировщиков, потеряв при этом 12 своих самолетов и всего 8 человек. А в общей сложности финские летчики-истребители сбили 240 русских самолетов (подтверждено). Общее количество потерь самолетов русскими, включая сбитые силами противовоздушной обороны, составило 684 единицы, а возможно, и 1000. Финляндия потеряла 62 самолета.

Глава 9. ПЕРВОЕ КРУПНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ РУССКИХ В КАРЕЛИИ: ОБУЧЕНИЕ «БЕЗ ОТРЫВА ОТ ПРОИЗВОДСТВА» ДЛЯ КРАСНОЙ АРМИИ

Мы делаем то, что каждый финский солдат с радостью делает в борьбе с ордами варваров. Вчера мы уничтожили около 50 «освободителей». Они раскидывали свои смешные бумажки [пропагандистские листовки], и мы незамедлительно оказали им первую помощь. Иван повсюду вокруг нас сеет свои так называемые пакеты с хлебом [бомбы]. Этот хлеб слегка неудобоварим для финского желудка, и те из нас, кто попробовал его, выжили только благодаря операции.

Из письма финского солдата

Невозмутимые и сохраняющие бодрость финны продолжали изматывать противника даже тогда, когда тот вклинился в их главные оборонительные позиции на линии Маннергейма. Период отступления закончился, наступление Красной армии, похоже, было остановлено, до Рождества оставалось две недели. Пока полевые командиры противоборствующих сторон ожидали приказов своего начальства, бои, если их можно было так назвать, стали выглядеть странно, были беспорядочными, подчас почти безрезультатными. Русская артиллерия день за днем часами вела огонь, финны изредка отвечали.

Русские плохо себе представляли, как им действовать на линии Маннергейма, громко названной иностранными журналистами и самими финнами непреодолимой. Советские командиры поспешили подкрепить эту легенду новыми фактами в качестве оправдания своих первых неудач. На самом деле этот так называемый «непроходимый участок» представлял собой всего лишь линию созданных вручную обычных полевых укреплений, рвов и траншей. Основу ее составляли 66 бетонных пулеметных гнезд устаревшей конструкции, перед которыми находились колючая проволока, валуны, противотанковые ежи и пни вырубленных деревьев. Протяженность линии составляла 90 миль; остальная часть 800-мильной советско-финской границы вообще не имела укреплений.

В западной части Карельского перешейка, простирающейся от реки Вуокса до Финского залива, дислоцировались войска 2-го армейского корпуса (11, 1, 5 и 4-я дивизии). Это был протяженный участок границы, идущей через замерзшие леса и поля ломаной линией, чья длина составляла 43 мили. Дислоцированная в тылу 6-я дивизия являлась резервом маршала Маннергейма; никто не мог использовать эти силы без его особого распоряжения.

В восточной части Карельского перешейка на линии Тайпалеениоки—Вуокса—Суванто протяженностью 35 миль располагались силы 3-го армейского корпуса (10-я и 8-я дивизии).

В центре у финнов было 14 батальонов, один батальон занимал линию фронта протяженностью примерно в 2,5 мили. В основном они были разбросаны по опушкам лесов и располагались зигзагообразно, чтобы пулеметные расчеты имели наилучшие сектора обстрела. В 250 ярдах перед оборонительными позициями находились заграждения из колючей проволоки и противотанковые укрепления из гранитных блоков.

Если и существовали идеальные условия для фронтального наступления русских, то они были здесь, на бескрайних полях центральной части Карельского перешейка. Но из-за отказа финнов вступать в открытое сражение, что служило подтверждением их слабости, перед советским командованием вставала задача попытаться прорвать линию обороны, о которой ему практически ничего не было известно. Там, где ее не должно было быть, всегда оказывалась пушка, а противник вдруг ниоткуда появлялся на участках, считавшихся, согласно данным разведки, покинутыми.

Столкнувшись с подобным нарушением своих планов, красные начали посылать крупные силы для проведения рекогносцировки в непосредственной близости от противника в надежде завязать бой, но это не принесло ожидаемых плодов. У русских не было точных сведений даже о весьма незначительных силах финнов на переднем крае обороны, расположенном в 2 милях перед основной линией. Военные действия велись очень вяло. Утром, когда начиналось обычное «рабочее время», русские, частенько на грузовиках, подъезжали к передовым позициям. Во время поддерживаемых танками атак русских финны отступали на основную линию обороны. Днем, когда «рабочий день» заканчивался, русские отходили примерно на 2,5 мили обратно к своим позициям и отдыхали под прикрытием танков, а финны тем временем возвращались на свои передовые позиции, часто находя здесь оставленные противником снаряжение и боеприпасы.

В течение первых дней декабря военно-морские силы русских постоянно тревожили финскую береговую артиллерию в Койвисто (правый фланг обороны финнов на фронте Карельского перешейка). Сначала они вели разведку и занимались разминированием Финского залива. Затем, 12 декабря, линкор «Октябрьская революция», имевший двенадцать 305-миллиметровых орудий, при поддержке пяти эсминцев подошел к крепости на острове Сааренпяя (Биорке); именно этот остров русские требовали отдать им во время переговоров. В сплошном тумане они открыли огонь из тяжелых орудий с расстояния в 15 миль. Финны отвечали огнем своих пяти 254-миллиметровых орудий, пока четыре из них не вышли из строя. Ночью русские корабли продолжили кружить вокруг острова, а с рассветом появился еще один линкор, носивший название «Марат», который приблизился к побережью и открыл огонь из тяжелых орудий. Финны открыли ответный огонь, и через 30 минут «Марат» скрылся, по всей вероятности получив повреждения. Потери финнов оказались незначительными.

Однако вскоре положение изменилось. С подходом свежих сил противника на Карельском фронте разгорелись яростные бои на подступах к основной линии обороны, хотя русские, похоже, по-прежнему не испытывали особого желания проникнуть за эту линию. В докладах обороняющихся сообщалось о слышанных ими разрывах снарядов и стрельбе далеко позади позиций русских, что указывало на учебные стрельбы и другие виды учебы без «отрыва от производства». Еще задолго до его начала финны были убеждены, что генерал Мерецков начнет крупномасштабное наступление, как только его силы будут достаточно организованы. Генерал Эстерман отдал приказ готовиться к наихудшему: произвести ремонт проволочных заграждений, укрепить позиции пулеметных расчетов, строить новые ловушки и копать противотанковые рвы. Осуществлялся подвоз боеприпасов, и солдаты работали круглыми сутками. Стрелок Вестери Леписто вспоминает о том времени:

«В нашей группе было семь или восемь человек. Отсутствие сна и отдыха сказывалось на нас так сильно, что единственной мыслью было поскорее закончить работу и вернуться назад. Ощущалась постоянная нехватка боеприпасов; имевшиеся у нас ручные гранаты были произведены в семи разных странах и представляли собой реальную опасность. Каждый раз при обращении с ними наша жизнь висела на волоске.

Труднее всего нам было выходить в 40-градусный мороз и возводить проволочные заграждения прямо на глазах у противника. Нам приходилось работать без перчаток, и мы не смели производить лишнего шума. Все происходило ночами... Я постоянно ощущал

голод. Есть снег мы не могли, потому что он был грязным от разрывов гранат и мог вызвать сильные боли в желудке».

Тем временем в Сумме, где 2-й армейский корпус готовился к предстоящему наступлению на основную линию обороны, русским неожиданно удалось захватить одну из передовых позиций финнов. Бой был яростным и мучительным, тяжелая артиллерия русских вела обстрел участка, где связист Никула и капрал Ха-кала, прилагая огромные усилия, пытались восстановить связь. Пехота русских при поддержке 100 танков наступала по всему фронту!

Никула и Хакала, передвигаясь бегом по ходам сообщений, попытались найти наилучшую позицию, но в траншеях уже находились несколько танков, один из которых пылал ярким пламенем. Трое русских бежали от него, но вскоре их настигли пули финнов. Хакала крикнул Никула: «Берегись, танк!» Прямо перед ним грозно маячило покрытое грязной смазкой огромное чудовище, и Никула, рухнув на дно траншеи, замер, пока танк проходил над ним. Финн оказался буквально похоронен под снегом и грязью.

К счастью, траншея была узкой и хорошо укрепленной, ее стены не обрушились под 30-тонной тяжестью танка.

Танк остановился, продолжая вести огонь; вспаханные его гусеницами замерзший песок и гравий почти полностью завалили финна, вдавленный в грудь приклад винтовки не давал дышать. И при каждом новом выстреле нависшего над ним «железного моста», очередная порция песка и гравия сыпалась на Никула. В конце концов ему удалось высунуть голову и втянуть в себя пропитанный гарью и бензином воздух, и тут ему пришло на ум, что в любой момент один из его товарищей может метнуть в танк бутылку с «коктейлем Молотова». Тогда он заживо сгорит вместе с находящимся над ним танком врага.

Никула лихорадочно пытался выбраться, но все попытки оказались тщетными. Ноги не двигались, и он едва мог пошевелить только левой рукой. Танк продолжал гроыхать своим орудием.

Внезапно над его головой послышались другие звуки — выстрелы и крики; затем все стихло. Никула не знал, что и думать: то ли он потерял сознание, то ли русские убили всех находившихся на линии фронта финнов. Он обливался потом от страха и боли, понимая, что в 30-градусный мороз, пропотев, замерзнет насмерть. Он дернулся и почувствовал, что стянул с себя сапоги. Теперь он был уверен, что его положение безнадежно.

Внезапно танк двинулся. Потоки песка, грязи и снега снова посыпались на Никула, но чудовище ушло. Он почувствовал, как кто-то тянет его за руки, а чья-то рука схватила его за ремень. «Могильная» тяжесть исчезла, но теперь Никула боялся открыть глаза, потому что вытянувшие его руки могли оказаться руками русских. Только услышав знакомый говор той местности, в которой жил, он понял, что находится в безопасности. «Эй, старина. Ты жив или умер?»

Никула открыл глаза. Да, перед ним были солдаты его подразделения. Танк ушел, но поблизости стояли без движения и горели другие».

Борьбе с танками отводилось важное место в сдерживании ожидаемого наступления противника. План требовал уничтожения как можно большего количества танков еще до начала главных событий. В приказах из штаба Маннергейма констатировалось, что русским танкам, направляемым на прорыв линии обороны, в первую очередь надо противостоять минированием, устройством ловушек и противотанковых рвов. После этого в дело должна вступить финская артиллерия. Третьим эшелоном предусматривались заграждения из камня, новые противотанковые рвы, а после них борьбу с танками предстояло вести передовым отрядам с помощью тротильных зарядов, ручных гранат и бутылок с зажигательной смесью. Позади этих подразделений будут находиться противотанковые орудия. За ними наступит очередь регулярных пехотных частей, находящихся на линии фронта, и их резервов, имеющих на вооружении средства борьбы с танками. Эти же резервы планировалось использовать позади линии фронта для борьбы с прорвавшимися танками.

Разрабатывая план наступления, генерал Мерецков рассчитывал, что финны ожидают первых крупномасштабных действий его сил у так называемых «ворот в Виипури», между озерами Каук и Муола, где местность и сеть дорог позволяют использовать большое количество войск и техники. Это являлось его истинной целью, но сначала он планировал нанести удар дальше к востоку, с тем чтобы вытеснить резервы финнов из западной части Карельского перешейка. Когда Тайпале окажется в его руках, он начнет наступление на Виипури.

В Тайпале, неподалеку от границы, озеро делает изгиб в южном направлении, вокруг куска суши, представляющего собой прекрасный плацдарм, на котором линия финской обороны проходила вдоль северной части выступа. Здесь, на восточной оконечности линии Маннергейма, окопы и траншеи были ненамного больше дренажных канав, отрытых местными фермерами для отвода болотной воды со своих полей. Во многих местах траншеи были такими узкими, что в них было невозможно разойтись двум солдатам. Именно в районе Тайпале между 6 и 11 декабря финны совершили один из самых заметных подвигов по защите своей земли во время Зимней войны.

Ниило Кеньякка, командир взвода 21-й дивизии, прибыл со своими людьми на смену обороняющимся, находившимся на позициях последние несколько дней.

Позже он вспоминал: «Сообщая своим людям, какие позиции им занимать, я отдал приказ: «Это ваше место, ребята, перед вами враг, и ваша задача — не пустить его сюда». Я не мог не думать о длинных, путаных приказах, которым нас обучали, и о том, как быстро суровая действительность научила нас отдавать короткие и четкие приказы. Мои ребята не задавали вопросов, они просто заняли свои позиции. Кто-то встал на одно колено, другие стояли во весь рост перед бруствером траншеи и почти с детской покорностью вглядывались в темноту, где находился враг. Солдаты постарше, покидая позиции, шепотом советовали молодым: «Будьте готовы к крещению огнем, потому что врагу известно, что вы еще зеленые, и он из кожи вон будет лезть, чтобы прорваться, так что вам лучше удержать эти позиции. В противном случае нас вызовут назад для контратаки».

Как и предвидел Маннергейм, русские по льду и открытой местности пошли на приступ крупными силами, упрямо отказываясь изменить свою тактику вопреки плохой погоде, особенностям ландшафта и убийственному перекрестному огню. Потери наступающей дивизии оказались столь значительными, что ее пришлось отвести и бросить в бой свежие силы. Вторая дивизия начала наступление 15 декабря, но была отброшена, потеряв 18 из 50 имеющихся у нее танков.

На следующий день после восьмичасовой артиллерийской подготовки и четырех часов бомбардировок русским удалось прорвать оборону финнов в двух местах, но к ночи противник был отброшен, а линия обороны восстановлена. На следующий день финны провели массированный артиллерийский обстрел, остудивший наступательный пыл русских и вынудивший их отступить. 17 декабря они бросили в бой третью по счету дивизию, которой, как и двум остальным, не удалось добиться мало-мальски заметных успехов.

Пока в Тайпале шли ожесточенные бои, Маннергейм следил за концентрацией сил противника в районе «ворот в Виипури». Здесь значительно активизировала свои действия воздушная разведка и было проведено несколько атак, в которых русские потеряли большое количество танков. (За две недели только в западной части Карельского перешейка было уничтожено 108 танков.)

Утром 17 декабря был открыт интенсивный артиллерийский огонь на участке между деревней Сумма и железной дорогой. В 10.00 началась первая атака на позиции финнов к востоку от Суммы и непосредственно на саму деревню. Как обычно, наступлению противника предшествовала пятичасовая артиллерийская подготовка, атака проходила при поддержке 200 самолетов и большого количества танков.

Финны рассчитывали принять на себя удар двух дивизий и трех танковых бригад на пяти различных участках. Вскоре стало очевидным, что русские бросили в бой дополнительно

еще четыре пехотные дивизии и две танковые бригады (120 тысяч человек) на двух участках в районе деревни Сумма и озера Муола. В тяжелом сражении, ценой потери 25 танков, русским удалось незначительно продвинуться, но к вечеру линия обороны финнов была полностью восстановлена.

Происходящие события явно указывали на отсутствие творческих начал у командования Красной армии; оно вело войну по учебникам и, похоже, не собиралось отступать от правил, даже если того требовала обстановка. Полки русских группировались один за другим; танковые подразделения получали приказы с указанием конкретного дня их участия в боях. По завершении выполнения полком и танковой бригадой своих задач их отводили отдыхать и зализывать раны.

На смену силам, не добившимся успехов в прорыве обороны, вводились новые. Когда каждый полк и танковая бригада выполняли свою работу, их участие в наступлении прекращалось.

Мужественнее остальных, по всей видимости, были экипажи танков, чьи 30-тонные машины группами от 20 до 50 штук со следовавшими за ними сомкнутыми цепями пехоты бесстрашно приближались к главной линии обороны финнов. Они врзались в заграждения из камня и проваливались в противотанковые рвы; зачастую экипажам приходилось взрывать камень или вести по нему огонь из пушек. К 19 декабря примерно 50 танкам удалось прорваться сквозь оборону финнов к деревне Сумма и, как надеялись танкисты, проложить проходы для пехоты, которая, как оказалось, отступила. Было уничтожено большое количество танков, а уцелевшие стали медленно отходить к своим позициям, оставив на поле сражения по меньшей мере половину своих товарищей.

20 декабря бой продолжался с утра до вечера, и все атаки русских были отбиты.

Длившееся пять дней сражение закончилось, русские войска отошли, исчезнув из поля зрения, а 5-я дивизия финнов получила возможность с радостью доложить, что оборона выдержала натиск и все участки, где противнику удавалось прорваться, теперь надежно прикрыты. Позади и перед линией обороны финнов стояли 48 подбитых танков, 22 из которых были тяжелыми. Тысячи замерзших тел лежали на снегу, кое-где друг на друге, где-то рядами, подобно повалившимся костяшкам домино. Снегопад вскоре скрыл эти ужасающие скульптуры и останки человеческих тел, а финские солдаты стали собирать винтовки, гранаты и патроны павших русских. Они находили письма и дневники, которые передавали в штаб; вскоре стало ясно, что солдаты Красной армии, несмотря на количественное превосходство и лучшее вооружение, испытывали серьезные проблемы: «Мы совершаем марш уже в течение двух дней, не получая пищи, которую полевые кухни не готовят. Стоят страшные холода, у нас много больных и обмороженных. Нашим командирам трудно объяснить нам наше пребывание здесь и определить пути продвижения по этой странной земле... Мы черны от грязи, как трубочисты, и изнемогаем от усталости. У солдат полно вшей. Здоровье ни к черту. У многих воспаление легких. Нам обещают, что война закончится к дню рождения Сталина, к 21 декабря, но кто этому поверит?»

Когда новость о поражении в Карелии дошла до штаба в Ленинграде, она вызвала единодушное удивление. Мало кто из высших военачальников помнил предостережения маршала артиллерии Воронова о возможных трудностях в Финляндии. И даже Воронов ошибся в своей оценке финского автомата «суоми».

Воронов писал: «Только непосредственно после вторжения мы вспомнили, что в начале 30-х годов приобрели несколько автоматов «суоми», которые исследовались комиссией специалистов по стрелковому вооружению. Комиссия пришла к заключению, что это оружие годится для сил охраны порядка, но не подходит для боевых действий. Теперь, столкнувшись с повсеместным использованием этих автоматов финской армией, мы горько пожалели о своем просчете».

Даже больше, чем об оружии, русские военачальники сожалели о недооценке финского солдата. Вице-адмирал И.И. Азаров впоследствии вспоминал: «Решимость финских

солдат и их боевые навыки мы считали аномалией. Открыто говорить об этом феномене считалось неприличным. Презрение к противнику не позволяло командному составу и политработникам, особенно тем, кто не принимал участия в боевых действиях, пересмотреть укоренившиеся в наших кругах представления о быстрой победе и подготовить себя и своих подчиненных к войне более тяжелой и суровой, чем ожидалось на учениях и маневрах».

Никита Хрущев писал в своих мемуарах: «Сталин был страшно зол на военных и на Ворошилова¹ — что, по-моему, справедливо. Однажды Сталин вскочил от ярости и начал ругать Ворошилова. Ворошилов тоже кипел от злости. Покраснев, он вскочил и бросил в лицо Сталину обвинение: «Ты сам во всем виноват! Ведь это ты уничтожил наших лучших генералов!» Сталин осадил его, и Ворошилов, схватив тарелку с куском жареного поросенка, с силой ударил ею по столу»².

Вопреки злобным взаимным упрекам, сожалениям и взрывам ярости считалось, что война к весне должна завершиться победой Советского Союза и главных успехов следует ожидать на самом важном участке фронта — на Карельском перешейке.

Без особых на то причин, кроме разве что спасения престижа Советского Союза, было приказано сформировать новый, Юго-Восточный фронт и направить туда дополнительные, хорошо подготовленные войска. Маршалу Семену Константиновичу Тимошенко, бывшему бондарю, служившему в царской армии унтер-офицером, когда Маннергейм был генералом, поручалось прорвать оборону финнов на перешейке. Преимущество Тимошенко было в том, что он еще молод, ему было всего за сорок, и к нему благоволил Сталин. Он недавно вернулся из Польши, оккупированной советскими войсками. Производивший впечатление своей внушительной фигурой, бритой наголо головой, громовым голосом и суровыми чертами лица, Тимошенко согласился взяться за выполнение порученного ему задания, только получив обещание, что не будет нести ответственности за большие потери. Тимошенко был весьма практичным человеком.

Глава 10. ЗАЩИТНИКИ КАРЕЛИИ ПЕРЕХОДЯТ В КОНТРАНАСТУПЛЕНИЕ

Первое крупное наступление русских с целью овладения «воротами в Виипури» закончилось полным провалом. Финны на основном театре военных действий выстояли против значительно превосходящих сил противника намного удачнее, чем надеялся Маннергейм, и, хотя артиллерия продолжала обстрелы и происходили мелкие стычки, на фронте наступило относительное затишье. Многие финны принялись писать письма домой:

«Здесь сейчас почти ничего не происходит. Обычная каждодневная рутина. Самолеты летают над верхушками деревьев и ведут огонь из пулеметов, но мы находимся в глубоких блиндажах. Кое-кто из солдат постреливает, кто-то спит, кто-то идет в баню, еще кто-то готовит кофе, и повсюду слышны шутки. Деревья вокруг нашего блиндажа повалены снарядами русских, но мы не придаем этому особого значения. У нас не хватает боеприпасов, и мы четко уяснили себе, что стрелять надо только тогда, когда видишь трясущуюся бороду врага».

Солдаты на передовых наблюдательных постах находились в постоянной боевой готовности. Один из таких солдат писал домой:

«Недавно русские включили громкоговоритель, и мы наслаждались музыкой. Тем не менее услышать мы готовились пропагандистские речи. Мы подметили, что каждый раз, когда Куусинен начинает говорить, русские прекращают стрелять, чтобы мы не пропустили ни слова из его речи. Когда же смолкают пушки, мы можем устроить перерыв

своей голове. Все мы с готовностью признаем, что вражеская пропаганда — очень удобная штука».

В пестрой картине декабрьских боев в Карелии и русские, и финны экспериментировали с оружием. Финны выкатили на позицию русскую полевую пушку времен Первой мировой войны, обнаруженную кем-то в деревне. При тщательном осмотре они обнаружили, что, хотя затворный механизм и относится к лучшим образцам начала века, само орудие смонтировано на стационарной платформе и не имеет противооткатного механизма.

Никто не догадывался, что произойдет, когда зарядят снаряд, закроют затвор и дернут за висящий сзади шнур, но соблазн был слишком велик.

Выстрел был оглушительным, орудие отскочило на девять футов назад, оставив в воздухе клуб дыма. За несколько минут солдаты установили орудие на место для повторного выстрела, но на этот раз оставили двух наблюдателей: один должен был проследить, куда приземлится снаряд, другой — куда переместится орудие после отката. Финны остались очень довольны своим «прыгающим Генри», узнав, что по меньшей мере один из тяжелых грузовиков русских разлетелся на куски.

Весь батальон горел желанием увидеть эту реликвию, но на этот раз русские восприняли все всерьез. После каждого залпа орудия они открывали минометный огонь, стараясь заставить его замолчать. Однажды они непрерывно вели огонь по орудью в течение трех часов. Вскоре расчет «прыгающего Генри» принаоровился к обстановке; произведя три-четыре выстрела, бойцы покидали орудие и шли в палатку пить кофе. Спустя несколько дней русские минометы впервые попали в пушку. Сломалась одна из спиц деревянного колеса, спица, стойшая русским 10 тысяч мин.

Пока «прыгающий Генри» развлекал финнов, русские в тылу своих позиций занимались разработкой нового вида вооружения. Финны, наблюдая за противником с передовых позиций, слышали звук пилы, стук молотков и увлекательные разговоры, доносившиеся из «столярно-слесарной мастерской», где русские готовили новое секретное оружие — танковые сани. На деревянные сани был водружен стальной короб, вмещавший 20 человек. Тянуть сани с солдатами предстояло танку.

В этой же «мастерской» готовили стальные щиты, предназначенные для защиты идущих в наступление солдат. В центре средневекового щита находилось отверстие, из которого торчала винтовка.

Финны сгорали от любопытства, и однажды капрал Вермю, увидев в бинокль щиты, воскликнул: «Эй, пошли добудем несколько этих штук. Они нам тоже могут пригодиться».

Вермю получил разрешение от командира своего взвода, отобрал шестерых солдат, и «щитовой отряд» отправился на лыжах через нейтральную полосу к позициям русских. Менее чем через час они вернулись, но без щитов. Капрал обещал через пару дней доставить несколько.

Щиты действительно удалось добыть в одном из боев, но вскоре их выбросили за ненужностью, и финны могли брать их на сувениры, кому сколько захочется. Танковые сани оказались бесполезными — пули с легкостью пробивали металлические короба.

Маршал Маннергейм и генерал-лейтенант Харалд Эквист, командующий 2-м армейским корпусом, прекрасно понимали, сколь высок моральный дух их солдат. В противоположность этому военнопленные сообщали, что войска противника измотаны, многие отказываются идти в атаку и несколько смертных приговоров уже были приведены в исполнение. Также можно было предположить, что поначалу противник будет испытывать нехватку боеприпасов и топлива. Временная слабость русских требовала срочных мер по организации упреждающего контрнаступления; более того, активные наступательные действия должны были еще выше поднять боевой дух финнов, которым уже стало нестерпимо отсиживаться в обороне.

Еще 8 декабря генерал Эстерман, командующий финскими войсками на Карельском перешейке, предлагал начать контрнаступление, но Маннергейм отверг его предложение;

на этом этапе финские войска были слишком разобщены, а сведения о группировке войск противника были недостаточно полными. Кроме того, финские войска нельзя было бросать против мощного бронированного щита русских без надлежащего противотанкового вооружения. «Нет, — ответил Маннергейм, — лучше ожидать наступления, сидя в окопах». Однако, пока кипели ожесточенные бои за Сумму, маршал предоставил Эстерману полномочия по использованию 6-й дивизии для контрнаступления в случае проникновения противника в глубь обороны финнов.

Эта дивизия, усиленная пехотным полком, снятым с прибрежной линии обороны, должна была участвовать в контрнаступлении, в котором отдельные подразделения пяти других дивизий должны были наступать на участке между Куолемяярви и Муолаанярви. Цель наступления — нарушить концентрацию крупных сил красных в этом районе; если эта атака окажется удачной, наступление предполагалось расширить по всей линии фронта. План Эстермана строился на неожиданности, поэтому нельзя было осуществлять крупных перемещений войск в тылу, которые могли бы быть замечены с воздуха. Также не могло быть и речи об артиллерийской подготовке.

Это был чрезвычайно дерзкий план, ибо для первого главного удара требовалось снять солдат с позиций, оголив тем самым линию обороны. Проблема заключалась в том, что каждое наступающее подразделение было привязано к своему участку обороны по принципу «сидения на двух стульях одновременно» — оно должно было оборонять свои позиции и в то же время атаковать.

Час «икс» был назначен на 6.30 утра 23 декабря.

Проблемы у финнов начались практически сразу, когда советская авиация нанесла массированный удар с воздуха. В полном замешательстве они поняли, что часть личного состава, от которого во многом зависел успех наступления, была переведена куда-то еще. И хуже того, они утратили контакт с противником, поэтому плохо представляли себе, где он сосредоточил свои силы. На подготовку было отведено слишком мало времени, и без современных средств связи вся операция была обречена на провал. Усталость после ночного марша стала еще одной проблемой. Один финский командир роты из группы «С» впоследствии объяснял, что произошло:

«Мы прибыли на исходные позиции для атаки с двухчасовым опозданием, и все происшедшее напоминало комедию ошибок. Солдаты, покинувшие свои главные оборонительные позиции для атаки, лихорадочно пытались проделать проходы в своих собственных заграждениях из колючей проволоки и минных полях. Но когда батальон прибыл к месту, где должен был находиться проход в проволочном заграждении, они не смогли его найти. Дальше к востоку они действительно обнаружили проход, но он оказался небольшим, проделанным по плану установки заграждений для выхода патрульных. Батальону потребовалось полтора часа, чтобы пройти сквозь него. Погода была ясной, температура — около 18 градусов ниже нуля, снега немного — солдатам по колено. Полученные накануне лыжи по-прежнему находились в заводской упаковке; крепления — в одной, сами лыжи — в другой. Поэтому мы не стали с ними возиться. По всей видимости, это стало удачным решением».

Средства связи у финнов были никудашные или их не было вообще. Телефонные провода, проложенные вдоль дорог или по земле, постоянно оказывались поврежденными проходящими войсками. В одном из выдвигающихся из глубины батальонов решили, что провода принадлежат русским, и перерезали их. В конце концов финнам для связи пришлось прибегать к помощи посыльных.

Обращения за артиллерийской поддержкой оставались без ответа или доходили не до тех батарей. Командир роты из группы «С» продолжает сетовать:

«Когда мы оказались в открытом поле приблизительно в двух с половиной милях от исходных позиций, было уже 12.30. Перед нами находились 10 русских танков, которые вели ураганный огонь, а по ту сторону реки окопалось большое количество русских солдат. Без поддержки артиллерии нечего было и думать о прорыве. За поддержкой мы

обратились к батарее, находящейся на прямой связи с ротой. Каково же было наше удивление, когда в ответ мы услышали: «Мы не можем туда стрелять. Это вне пределов досягаемости наших пушек». — «Это какая батарея?» Мы поняли, что батареи поддержки групп «С» и «Вуори» во время утренней неразберихи перепутали провода, так что мы были на связи даже не со своей батареей!»

Отдельные батальоны не знали, что происходит на соседних участках, хотя до них доходили звуки сражения с обеих сторон. С юго-востока, где находилась железная дорога, доносились звуки, указывающие на то, что кто-то отступает. Как заметил один финский солдат, «мы стали думать, уж не повернулись ли носки сапог к дому. Мы поняли, что брошенные вперед силы не способны противостоять танкам. Кто-то доложил, что соседний батальон не добился успеха в атаке».

После двух ночей маршей и сражений стали ощущаться потери; в отсутствие дорог полевые кухни не могли добраться до линии фронта, а люди, особенно те, кто был обут в резиновые сапоги, страдали от обморожений. Эвакуация раненых проводилась медленно, как правило на санях и лыжах. Боевой дух упал, менялось и отношение людей к делу. Финны продвинулись на расстояние примерно от одной мили до двух с половиной. Продвижение одних шло легко, другие испытывали трудности, но к полудню 23 декабря силы финнов были остановлены по всей линии фронта. Генерал Эквист, командующий 2-м армейским корпусом, отдал приказ прекратить наступление и отойти на главные позиции.

Хотя наступление не достигло желаемых результатов, неожиданная активность финнов повлияла на противника. Пройдет шесть недель, прежде чем русские вновь предпримут активные действия по прорыву линии Маннергейма; в этот промежуток времени финны станут уделять основное внимание изматыванию противника. В письме одного из солдат так описывается жизнь на фронте в эти недели:

«Сейчас 47 градусов мороза, и русские отплясывают вокруг костров, чтобы согреться. Наша артиллерия доставила большой kapsakki (финны называли снаряды «чемоданами») прямо им в середину. Русские нервничают, потому что застряли в этом районе почти на целый месяц. Накануне ночью они включили громкоговоритель и объявили, что, если финны не сдадутся в течение 48 часов, они приведут немцев и уничтожат нас всех. Что ж, 48 часов спустя мы все еще здесь и рассчитываем, что наши пули убьют и немцев, как они убивали русских».

По-прежнему неся значительные потери в танках, русские усилили свою активность в воздухе, стали больше использовать артиллерию и прекратили практиковать атаки сбивающейся в кучу пехоты. Вместо этого пехота стала прибегать к тому, что финны называли «тактикой сурка». Небольшие группы солдат ползли вдоль рвов в заросли кустов или прятались в воронках от снарядов. Они окапывались в снегу и устанавливали перед окопами подпираемые при помощи воткнутых в снег лыж броневые листы, надеясь таким образом закрепиться внутри финской линии обороны на небольших, слабых позициях, которые они могли использовать в разведывательных целях. Проводимые с таких позиций атаки красных были малоэффективны.

Самая большая из таких «нор сурка» была устроена 20 декабря около озера Муолаа после первого наступления русских. Целый батальон солдат с артиллерией и танками находился здесь все то время, что длилось затишье. Там же окопались несколько «прыщей» (роты), но впоследствии они были уничтожены.

Странные виды вооружения продолжали появляться на Карельском фронте. Один из финских солдат писал: «У русских появилось новое оружие. Ребята называют его «русской кофемолкой». Потому что создается впечатление, будто они засыпают в пулемет патроны целыми ведрами и «намалывают выстрелы. Точность у них очень плохая, всего несколько человек получили ранения».

Другим изобретением были минные «грабли» — штуковина, приделанная к передней части танка. Она должна была взрывать смертоносные мины в деревянных ящиках, не

причиняя урона танку. Действуя, танки находились в относительной безопасности, но металлические «грабли» редко оказывались эффективными.

Существовал еще так называемый пулемет-самострел. Он должен был автоматически открывать огонь, когда перед его стволом появлялся какой-нибудь предмет. По всей видимости, это изобретение пришлось по вкусу боящимся темноты солдатам; устройство позволяло им урвать несколько часов сна в окопе. Очевидным недостатком являлось то, что лучи могли быть направлены только вперед, и финнам легко удавалось обходить их. Русские стали использовать для наблюдения аэростаты, позволившие им значительно улучшить точность стрельбы. Поднимаемые на расстоянии 1,5—2 миль от линии Маннергейма, они находились в воздухе днем и ночью. С высоты в 1500 футов обзор финских позиций с них был превосходным, и финнам теперь приходилось использовать для переброски резервов и подвоза боеприпасов темное время суток.

В этот же период советская авиация начала интенсивные бомбардировки находящейся на линии фронта живой силы. Вполне обычным было, когда самолет гнался за одним-двумя финскими солдатами, находящимися в открытом поле, и тратил боеприпасы на столь незначительные цели. Один из финских солдат писал:

«Однажды я нес караул на мосту, когда русские пытались его разбомбить. Бомбы падали по обе стороны моста, одна упала в двух метрах от того места, где укрывался я, другая разорвалась в пяти метрах с другой стороны. Меня засыпало землей, лицо почернело от грязи, но мост продолжал стоять».

Пусть русским и удалось остановить наступление финнов, ликовать по поводу своего успеха им не приходилось. Казалось, они движутся в никуда, и с каждым днем их состояние становилось все более подавленным. Один из русских солдат писал:

«Дорогой свояк! Вот и тебя тоже призвали на войну, но лично я отдал бы все свое добро, лишь бы не воевать на этой войне. Нам сулили многое, особенно еще на нашей стороне. Мы бросаем против финнов танки, артиллерию и пехоту, и все безрезультатно... наши товарищи погибают. Иногда за одну атаку гибнет до 300 человек, а финнов никак не сломить. Их огонь очень точен, и они косят нас, словно косой. Пару дней назад мы бросили в атаку 147 человек, а вернулись только 23. До сих пор мы не добились практически ничего. Сражаться с финнами очень сложно. Нам не удалось выбить их с оборонительных позиций, а впереди нас ждут еще большие страдания. Нам следует их окружить, поскольку наши бомбы, похоже, им нипочем. Финны впились зубами в свою землю».

В это же время, закрепившись на оборонительных позициях, опечаленные своим унижительным поражением, финны узнали, что русские недавно подвергли артиллерийскому обстрелу город Виипури, в результате чего многие из оставшихся в нем жителей бежали в сельскую местность. Ходили слухи, что орудия вели огонь с позиций неподалеку от Перкярви, в 6 милях от Суммы, и сплетни связывали это с неудачным контрнаступлением. В канун Рождества поползли слухи, что русские танки и моторизованные колонны приближаются к Виипури. Генерал Эквист развеял эти слухи, заявив, что лед на пути к Виипури недостаточно прочен и не выдержит такой тяжелой техники. Но продолжающиеся обстрелы дальнобойной артиллерии держали всех в напряжении. Положение усугубило известие о том, что из одного из штабов дивизии исчезли секретные коды финнов, и требовалось очень быстро разработать новые. Это означало полное радиомолчание на какое-то время, и многих это пугало.

Слухи продолжали циркулировать. 24 декабря береговая охрана заметила неподалеку от Виипури небольшую колонну грузовиков, тех, что имелись только у финнов. Но их приняли за русские машины, и тревога усилилась. Кто-то «видел» русские танки, но потом выяснилось, что это всего лишь валуны, торчащие из-под снега. Подобные слухи плохо влияли на моральный дух солдат и людей в тылу, которые, не понимая, что происходит, просили скорее отправить их на фронт.

Русские не всегда действовали большими силами. Отдельные солдаты занимались сбором разведанных, прежде всего это относится к «десантникам», которых сбрасывали на парашютах за линией обороны финнов и в глубоком тылу. Они были одеты в финскую форму и имели портативные радиостанции, их задачей являлась передача информации на свою сторону. Особых успехов добиться им не удалось, поскольку большинство «десантников» были убиты сразу после приземления. Женщины и пожилые мужчины из вспомогательных отрядов, находившиеся на «небесной вахте», сообщали об этих людях, пока они еще болтались под куполами парашютов, и их неизменно ждала «комиссия по встрече». Кое-кого из них встречали финские крестьяне, вооруженные вилами; другие просто сами сдавались в плен.

Русских, похоже, мало заботила маскировка. В темноте финны видели огромные костры; днем по следам на снегу можно было определить количество, направление движения и места расположения сил русских. Артиллерийские батареи обычно располагались в открытом поле без всякой маскировки; снег перед орудиями был черным от орудийной копоти. Финские самолеты легко находили следы танков. Они часто бомбили советские самолеты, стоявшие без всякого прикрытия на открытых местах.

Финны же старались действовать как можно более скрытно. Артиллерия располагалась в глубине лесов, а не на опушках. Верхушки деревьев закреплялись на крышах фортификационных сооружений, деревьями маскировали траншеи и блиндажи, чтобы их было труднее заметить с воздуха. Отрывались окопы для лошадей с целью их защиты от шрапнели, и только несколько животных оставляли рядом с батареями. С воздуха дороги казались лабиринтами, ведущими в никуда. Если финну предстояло находиться вне своей закопченной палатки или блиндажа, он предпочитал темноту, не рискуя разводить костер. Линия Маннергейма продолжала держаться; с каждым днем у всех крепло убеждение, что это жизненно важно для поддержания морального духа войск. Часто финны вели кровопролитные бои лишь ради того, чтобы отвоевать небольшой кусок своей территории, зачастую не имевший никакого стратегического значения. Постоянно возникали проблемы со связью. Поскольку батареи легкой артиллерии не имели радиостанций, то связь приходилось осуществлять через единую радиостанцию батарей тяжелых орудий. Когда там получали целеуказание от наблюдателей, то времени на вопросы не оставалось, потому что на руках уже находились данные целеуказания для батарей легкой артиллерии. Но вопреки столь неортодоксальной системе финская артиллерия подчас творила поразительные вещи.

Офицер-артиллерист описывает это так: «Внезапно после действий противника у меня оборвалась связь с тылом, и теперь все обращения на вызов огня поступали только на мою батарею. Атакующий противник уже продвинулся на такое расстояние, где вести огонь, чтобы остановить его, могла только легкая артиллерия. Я получил сообщение о прорыве около знака цели № 5197, и мне приказали открыть огонь.

Я не мог отдать этого приказа батареям легких орудий, так как плотного заградительного огня не требовалось. Противник только что захватил передовую позицию финского пулеметного расчета и вел огонь сквозь образовавшуюся брешь. Мы с командиром батареи решили сконцентрировать огонь перед нашей линией обороны, используя орудие, которое до сего момента отличалось наибольшей точностью прицела. Мы сделали два залпа, и спустя две минуты я услышал чьи-то слова: «Вы неплохо потрудились, противник удирает». Я с облегчением вздохнул, потому что при использовании 150-миллиметровых снарядов нельзя себе позволить вести сосредоточенный огонь. Кое-где снаряды разрывались всего в 120 метрах от финских окопов».

На самом деле в бою у знака № 5197 произошло следующее: три русских танка, прорвавшись через заграждение из валунов, приблизились к окопам финнов. Четвертый танк двигался вдоль окопов, извергая языки пламени из огнемета. За танками сквозь пролом в проволочных заграждениях следовали две роты пехоты. В этот момент финская артиллерия открыла огонь. Первые снаряды попали в самую гущу двух наступающих рот,

нанеся им огромные потери. Финнам еще не приходилось видеть такой паники, которая возникла, когда второй залп накрыл то место, куда стремились русские. Потрясенные финны криками выразили свою радость и облегчение. Два танка были подбиты, а огнемёт уничтожен.

Вскоре по радию сообщили о 40 танках, приближающихся к линии обороны, они были хорошо видны офицеру связи артиллерийских батарей. На этот раз они шли широким фронтом, как на параде. Зрелище было захватывающим. Финская артиллерия нанесла точные удары по правому флангу, вызвав замешательство всей наступающей колонны. Танки сразу стали расплзаться в разных направлениях, некоторые повернули назад. Несколько танков были подбиты; в панике один танк направился прямо в болото, застрял там и утонул.

На Карельском перешейке говорили не только пушки. Пропагандистские листовки и речи из громкоговорителей лились как из рога изобилия. Политруки снабжали солдат Красной армии особым чтивом: «Мы сражаемся за землю наших предков, за правительство рабочих и крестьян и за Сталина. Мы помогаем финскому национальному правительству добиться свободы и независимости. Солдаты, офицеры и служащие Красной армии, ни при каких обстоятельствах не сдавайтесь в плен! Вперед во имя Ленина и Сталина!»

Для пропаганды на фронте финны в основном использовали листовки, разбрасываемые патрулями и самолетами. Их основной темой было право Финляндии защищать себя от России, в них также проводилось сравнение финской демократии с политической системой России. Позднее финны стали делать упор на тяготах и ужасах войны и пытались вызвать у русских тоску по родному дому. «У вас есть выбор: отказаться идти в бой и отправиться домой... либо сдаться в плен... либо стать добычей «белой смерти»... замерзнуть в лесах Финляндии». Для пущей убедительности финны стали прикреплять к ветвям деревьев изображения черепов и освещали их лучами прожекторов.

Главной целью для финнов на Карельском перешейке было сохранить в неприкосновенности свою линию обороны и, несмотря на попытки противника измотать их, продолжать держаться, пока не придет помощь или смена.

Русские продолжали тревожить финнов в надежде ослабить линию их обороны еще до главного прорыва, который, по заявлениям их руководителей, был неминуем.

Если целью противника было измотать обороняющихся финнов, то ему это удалось.

Финны смертельно устали. Неделями, даже не участвуя в боях, им приходилось быть начеку по 24 часа в сутки. Тяжелая артиллерия и авиация русских сделали невозможным отход за линию обороны в дневное время; действовать приходилось ночью. Отвод на отдых, транспортировка убитых и раненых, ремонт блиндажей, проверки, патрулирование и перегруппировка войск — все это осуществлялось в темноте. Почта, газеты, посылки, приказы и сообщения о положении на фронте поступали в блиндажи, как правило, в 4 часа утра. А поскольку обстрелы русской артиллерии подчас продолжались всю ночь, спать приходилось мало. Караульная служба отнимала много сил, и даже закаленные спортсмены, такие, например, как чемпион по лыжам Пекка Ниemi, являвшийся начальником караула, падали от усталости.

Из-за хаотичного графика, превратившего день в ночь, в блиндажах постоянно горел свет.

В штабах полков и батальонов люди читали газеты в 4 утра. Некоторые командиры разрабатывали планы действий на завтра в 2 часа дня за своей «утренней» чашкой чая.

Завтракать иногда приходилось в 11 часов вечера.

Находящиеся на Карельском перешейке финны даже сложили песню: «Вчера я пришел домой сегодня, а сегодня я пойду туда завтра».

В то же время к северу от Ладоги на всем протяжении до Петсамо не было ни линии обороны, ни окопов, и финны чувствовали себя в своей стихии. Действуя ротами, а по большей части батальонами, своими быстрыми, гибкими перемещениями на флангах и в тылу врага, они буквально вынуждали наступающего противника вести оборонительные бои. Финские солдаты, среди которых находился, к примеру, олимпийский чемпион по

скоростному бегу на коньках Биргер Васениус, были крепкими, закаленными атлетами и опытными лыжниками. Большинство из них являлись местными резервистами, защищающими свои дома и деревни, привычными к климату и рельефу местности. Именно на севере Красную армию ждало возмездие.

Глава 11. НА СЕВЕРЕ ДИКОМ...

«Тот факт, что зима в северных широтах была более суровой (чем на Карельском перешейке), являлся для нас преимуществом. Мы должны были остановить наступающие колонны противника прежде, чем они смогут продвинуться из приграничной полосы в густонаселенные районы, где развитая сеть дорог обеспечивала лучшее сообщение и давала возможность развивать наступление в направлении железной дороги на участке Сортавала—Нурмес—Оулу.

В этой ситуации я был должен принять наиболее весомые и одни из самых важных решений Зимней войны. Все указывало на то, что вскоре наша основная линия обороны на перешейке станет объектом главного удара... но неожиданно быстрое продвижение противника на этом участке фронта вынудило меня изменить планы. Я направил большую часть своих скромных резервов на восток, к Толварви, Кухмо и Суомуссалми».

(Из мемуаров Маннергейма)

Северная Финляндия славится своей особой, суровой красотой. Здешний ландшафт, с его бескрайними просторами, формировался миллионы лет за счет эрозии льда, в результате чего острые вершины гор стали плоскими, а неровные участки местности трансформировались в равнины. С наступлением ледникового периода, 10 тысяч лет назад, эта местность превратилась в зону вечной мерзлоты, где под покровом льда формировались холмы и долины. С таянием льда часть суши поднялась над уровнем моря, и вдоль побережья и на удалении от него возникли тысячи озер и островов. Эта местность стала страной лесов, воды и камня, делающих ее загадочной и создающих впечатление первобытного безвременья, где изменить что-либо человеку не под силу.

Покрывающие три четверти этой территории хвойные и лиственные леса породили поговорку: «Финляндия без лесов была бы похожа на медведя без шерсти».

Словосочетание «зеленое золото» употребляется для названия лесов ввиду их исключительной важности для экономики страны. В центральной и северной части Финляндии имеющие прозаический вид вечнозеленые деревья с толстыми стволами преобладают над грациозными березами, но дальше к северу, по мере наступления арктической тундры, количество деревьев и их размеры уменьшаются. Кое-кто из финнов высказывал мысль, что если бы Бог создал в Финляндии такие же горы, как в Норвегии, русские никогда бы не осмелились вторгнуться в их страну. Но местность в Финляндии в основном ровная, редко поднимающаяся над уровнем моря более чем на 600 футов, Наивысшей точкой является Лапландия, где среди живописных болот бродят северные олени, а живущий здесь кочевой народ пасет свои стада, не обращая внимания на линию границы.

В таких регионах люди бы никогда не смогли справиться со всеми тяготами жизни и климата, не обладая отличительной чертой, зовущейся по-фински *sisu*, что в вольном переводе означает «мужество». Эта местность наделила жителей севера Финляндии нечеловеческим упорством, долготерпением и храбростью, сделав похожими на ту землю, на которой они живут. *Sisu* в сочетании с жестокостью, которой финны наделены в той же степени, что и добротой, всегда делала из них опасных противников на войне. Теперь,

когда русские вторглись, чтобы захватить их страну, финны стали отождествлять себя с родной землей настолько, что скорее готовы были умереть, чем лишиться ее. Жители Северной Финляндии вставали на лыжи маленькими детьми. Они любили свою дикую землю всю свою жизнь; мало кому из них случалось уезжать более чем на несколько миль от места, где они родились. Юношами они играли в игру, называющуюся *suunnistaminen*, или ориентирование в лесу. Школьникам выдавали компас и список контрольных пунктов в лесу, куда они должны были прибыть в указанное время. Скрывающиеся за стволами деревьев инструкторы проверяли, действительно ли юные финны находили положенные пункты. Эти северные жители были истинными знатоками своей дикой земли, и тактика их действий в войне строилась на простом вопросе: «Зачем выходить в открытое поле и становиться мишенью для врага, когда можно находиться под защитой леса?»

20 русских дивизий, как обычно, «клином» наступающих на север, отнюдь не испытывали восхищения от красот замерзших озер и густых лесов. Большинство из них за 11 дней прошли маршем почти 200 миль от Мурманской железной дороги, потеряв часть личного состава, получившего обморожения. Солдатам редко случалось иметь крышу над головой, а вечерами приходилось заниматься поиском сухих дров для костра. Обычно они большими группами размещались у костра, подставив один бок огню, а другой — морозу. Когда они пересекли границу Финляндии, то лишились даже этой «роскоши».

В тактическом плане эти дивизии рассчитывали собрать свои силы, выдвигающиеся с разных направлений, и по достижении исходной точки продвигаться на запад, используя развитую дорожную сеть внутренних районов Финляндии. Когда все силы окажутся собранными в единый кулак, предполагалось, что всякое сопротивление будет подавлено. План представлялся выполнимым, пока они не перешли границу и не столкнулись с проблемами, не предусмотренными их тактическими схемами ведения боевых действий. Снежные заносы высотой от трех до семи футов вынуждали их направлять в наряд группы численностью в 20—30 человек для утапывания снега, чтобы могла пройти техника. Еще большим злом были не полностью замерзшие болота под снегом. Стоило солдату днем наступить в жидкую грязь, и он полностью промокал, а ночью мороз усиливался. Для прохождения тяжелой техники русские придумали «топчущие наряды», куда входили 30 лыжников, за которыми следовали 200 солдат в тяжелых сапогах. Большую часть времени они разгребали с дороги снег; крайне медленный и унижающий достоинство процесс, усугублявший состояние и без того измотанных солдат и офицеров.

Колонны на маршрутах следования растягивались на 18—25 миль, впереди находилась дивизионная разведка (авангард), затем передовые подразделения (резерв авангарда), за которыми следовали передовые части (полк с полевой артиллерией), после них имевший в своем составе порядка 50 танков танковый батальон и вспомогательные подразделения и, наконец, основные силы, состоящие из двух полков и батарей полевой артиллерии. Этим напоминающим извивающихся змей колоннам полагалось иметь охранение с флангов дозорами, продвигающимися по параллельным дорогам на удалении 2—3 мили.

Очевидно, от советской разведки не было получено нужных сведений; дороги в этой части страны отстоят друг от друга на 30—40 миль, и потому охранение находилось на удалении всего нескольких сотен ярдов от основной колонны.

На границе передовые части наступающих встретили лишь слабое сопротивление пограничных дозоров и мелких отрядов, которые отвлекали и время от времени беспокоили их. Наступающие не обнаружили противотанковых заграждений, как на линии Маннергей-ма в Карелии, не угрожали медленному продвижению колонн и другие средства борьбы с танками. Они могли ликовать, но им было не до того. Вокруг них в молчаливых лесах таилась «белая смерть», и никто, из страха сгинуть навсегда в этих чащах, не осмеливался покидать дорогу, где находился под защитой артиллерии. Эти не имевшие лыж войска были абсолютно не приспособлены для действий в дикой лесистой

местности; без компасов или других средств ориентирования пешие солдаты плохо себе представляли свое местонахождение на этой странной, мрачной земле.

Зловещая тишина длилась недолго. Вскоре дороги, которые русские из соображений безопасности боялись покидать, превратились для них в замерзшие кладбища, ибо финские патрули поодиночке или небольшими группами начали наносить им смертельные удары во время привалов. Появляясь ниоткуда на лыжах и в белых маскировочных халатах, они терзали фланги наступающих русских в полной уверенности, что противник одновременно способен выделить лишь небольшие силы для настоящего боя. Использующие партизанскую тактику финны также знали, что танки, артиллерия и авиация в лесах практически бесполезны.

Даже те дивизии, которым повезло найти оставшиеся целыми дома финнов, навлекали на себя беду, когда пытались устроить в них свои штабы. Патрульный Тойво Марттинен описывает произошедшее в деревне Айттийоки.

В предрассветной темноте он вместе со своими товарищами стоял на лыжах, оперевшись на палки, и ждал. Лейтенант Перьяла, медленно проехав на лыжах перед строем бойцов, остановился перед ним. Борода лейтенанта покрылась корочкой льда, под ремнями у него на груди были пистолет и планшет с картой. Он прошептал на ухо Марттинену:

— Так это твоя родная деревня. Ты знаешь этот район... противник устроил штаб в крайнем слева доме.

Марттинен кивнул:

— Это — мой дом.

— Мы тайком проберемся к дому и уничтожим столько врагов, сколько сумеем. У нас приказ сжечь этот дом вместе с остальными. Но штаб — важнее всего. Мы с тобой пойдем первыми, — сказал лейтенант.

Марттинен продолжает свой рассказ:

«Я нагнулся проверить крепления лыж, снял автомат с предохранителя и повесил его на грудь. Затем, миновав баню, где я столько раз мылся, мы быстро направились на лыжах к моему дому. Вокруг дома лежал свежесвыпавший снег. Сквозь окно я заметил огарок свечи и коробок спичек; чувствовался запах древесного угля и подгнивших березовых веников. Мы остановились и издали осмотрели здание. Было тихо, только из сарая доносился стук лошадиных копыт. Лейтенант схватил меня за руку и указал на стоящего в тени у входа в дом часового. Он был вооружен автоматической винтовкой, во дворе находились несколько составленных из винтовок пирамид, давших нам понять, что по меньшей мере взвод солдат находится в доме.

Я отдал автомат лейтенанту, вытащил свой пистолет и расстегнул крепления лыж.

Часовой направился в нашу сторону, и я замер. Он нас не заметил, и мы поползли по снегу, как я это делал в детстве, играя в войну. Я чувствовал, как от страха по спине у меня катится пот, и старался не дышать, потому что находился прямо позади часового.

Медленно поднявшись с земли, я схватил его сзади за шею и ударил по голове пистолетом. После этого мы быстро втащили его в небольшой проем между домом и сараем.

Лейтенант подал сигнал остальным окружить здание; были розданы ручные гранаты и бутылки с зажигательной смесью... я незаметно пробрался на крыльцо, где почувствовал странный запах. Бросая гранаты и бутылки с зажигательной смесью в кухню, мы слышали, как храпят спящие в доме люди. Не успели мы покинуть крыльцо, как раздались взрывы, языки пламени вырывались из окон. Послышались громкие крики, кое-кто пытался вырваться из горящего дома, но попадал под смертоносный огонь.

Я добрался до своих лыж и направился в лес, пули свистели у меня над головой... я заметил поленницу дров, которые нарубил осенью, и вспомнил, как ел свой обед рядом с этой поленницей... я ехал на лыжах и вспоминал свое детство, едва замечая оставленный кем-то кровавый след, по которому я ориентировался... раненого тащили на небольших санях».

После неудачных попыток прорвать линию Маннергейма на Карельском перешейке русские решили усилить нажим в не имеющем укреплений районе к северу от Ладожского озера. План состоял в выдвижении из района Салми к Койоринойя—Кителя 168-й дивизии под командованием генерала Бондарева на соединение с 18-й дивизией под командованием генерала Кондрасева, которая продвигалась по дороге на Уомаа к пересечению дорог в Леметти. Русским удалось успешно выполнить этот маневр. Однако уже к 9 декабря в штабе 56-го армейского корпуса поняли, что остальные дивизии, выдвигающиеся к Коллаа, отстали и не смогут соединиться со 168-й и 18-й дивизиями, как планировалось. Вместе с уже находящимися в районе Толваярви 139-й и 75-й дивизиями 18-я дивизия повернула на север к озеру Сиски, находящемуся примерно в четырех милях к северу от Леметти, имея приказ обеспечить безопасность северных флангов 168-й дивизии и атаковать финнов, обороняющих Коллаа у нее в тылу.

Именно тогда Маннергейм понял, что его расчет на то, что русские станут концентрировать свои силы между Ладожским озером и Лапландией, был слишком оптимистичным. Он полагал, что трудности со снабжением не позволят русским использовать более трех дивизий на Северном фронте. Теперь же выяснялось, что благодаря проведенным в 1939 году работам по строительству новых дорог в направлении границы с Финляндией и продолжением Ленинградской железной дороги до Суоярви в приграничных районах были созданы крупные запасы боеприпасов и топлива. Вот почему на ранних этапах войны противник удивил финнов, когда ввел в район к северу от Ладожского озера 7 дивизий, а позднее по мере разрастания конфликта увеличил их количество до 10.

Перед Маннергеймом теперь вставала проблема принятия одного из самых важных решений Зимней войны. Понимая, что в конце концов главный удар Советский Союз нанесет на Карельском перешейке, он, тем не менее, расстался со своими скромными резервами и разместил их на севере. Усилил мощь 4-го армейского корпуса созданием группы «Талве-ла», Маннергейм отдал приказ по достижении русскими участка Толваярви—Иломантси не просто остановить или отбросить их, а уничтожить. Командование войсками в этом во многом решающем сражении возлагалось на полковника Пааво Талвела, защитившего в военной академии диссертацию по теории боевых действий, которые могли вестись в районе Толваярви. Этот высокий, худощавый сын фермера был реалистом, упорно отстаивающим принятые им решения. Теперь ему предстояло увидеть, что произойдет с его небольшими силами, бросившими вызов 139-й и 75-й дивизиям русских, имевшим более 45 тысяч человек личного состава, 331 артиллерийское орудие, 90 танков, 50 бронемашин и тяжелые минометы.

Его заместителем был подполковник Ааро Пайяри, энергичный широкоплечий блондин, бывший командир сил национальной гвардии в Тампере. Он отличался независимым мышлением и прославился тем, что всегда находился на позициях со своими войсками. Талвела прибыл в район боевых действий с 16-м резервным пехотным полком и вспомогательными подразделениями, а 10 декабря подтянулись несколько взводов истребителей танков. К середине декабря около 9100 финнов находились в районе Толваярви, имея на вооружении 20 артиллерийских орудий.

Солдаты Талвела, старые резервисты, хотя в большинстве своем были городскими жителями, хорошо знали местные условия и могли успешно действовать в сложных ситуациях. Русские же солдаты, в особенности находящиеся в составе 139-й дивизии генерала Беляева, были новобранцами, 60 процентов из них не получили вообще никакой военной подготовки, и лишь 30 процентов до отправки в Финляндию какое-то время прослужили в Красной армии.

Впервые попав на фронт, полковник Талвела увидел царивший в войсках хаос. С самого начала войны они практически ежедневно отступали; многие находились в состоянии, близком к панике. 7 декабря полковнику Пайяри пришлось столкнуться с паническим бегством от русских танков 7-го велосипедного батальона, покинувшего свои позиции в

районе Куйккярви, которые у них был четкий приказ удерживать. Солдаты скрывались в лесах за много миль от того места, где им положено было находиться, и потребовалось время, чтобы собрать их вместе. Кое-кто из них был обнаружен за 18 миль от своих позиций, где они оставили свое оружие и снаряжение.

Противник захватил участок в районе Маткайлумаия и Котисаари и теперь мог угрожать деревне Толваярви. В отчаянии Пайяри бросил недавно прибывший 3-й батальон 16-го пехотного полка на защиту участка на линии Толваярви—Хирвасярви, и на следующий день усилил оборону 9-м и 2-м батальонами и одной артиллерийской батареей.

Положение было крайне тяжелым. Неподалеку, в районе Иломантси, дела обстояли так же плохо.

Требовалось немедленно что-то предпринять для остановки стремительно наступающего противника. Нужно было добиться некоторого паритета, выиграть время в коротком оборонительном бою, после чего финны могли перегруппировать свои силы и контратаковать.

Полковники Талвела, Пайяри и Стевен проанализировали ситуацию и разработали план, который, по их расчетам, должен был помочь перехватить у противника инициативу и сломить его наступательный порыв. В полной неразберихе, царившей в этом районе, противники подчас не знали, кто в какой деревне или у какого озера находится. В таких условиях даже организация обороны по шаблону была спорным вопросом, если ее вообще можно было организовать. Финны приступили к выполнению своего плана с проведения двух одновременных атак, которые в случае успеха помогали им выиграть время, необходимое для наращивания инициативы.

В ночь на 8 декабря полковник Пайяри выслал примерно полторы роты для окружения противника около Тайваллампи и нанесения удара по батальону русских на месте их дислокации. В это же время капитан Эрикссон со своим 7-м велосипедным батальоном, который к тому моменту был собран, атаковал русских у Котисаари. Капитан Эрикссон погиб в этом бою, но его батальон, вполне успешно выполнив задачу, отошел на лыжах назад. Ночная атака полковника Пайяри завершилась полным успехом. В царившей в темноте неразберихе два батальона русских вели бой друг с другом в течение двух часов. Но эти небольшие достижения лишь на время нарушили планы 139-й дивизии русских, которым не терпелось двигаться вперед. 10 декабря дивизия начала наступление по всему фронту. Батальон русских вскоре занял позицию для нанесения удара в тыл группе Талвела с севера. Прибывший из штаба дивизии Пайяри застал финнов в этом сложном положении и принял решение немедленно контратаковать силами 100 артиллеристов и поспешно собранными людьми из штаба. Одновременно он приказал 1-й и 4-й ротам 16-го полка, находившимся в резерве, нанести удар с востока в направлении дороги, по которой продвигались русские. Позже финны назовут этот странный бой «колбасной войной», потому что русские после долгого марша по дикой местности изголодались и были крайне измотаны. Захватив полевую кухню финнов с еще не остывшим супом, они, вместо того чтобы сражаться, принялись за еду. Многие из них погибли с кусками финской колбасы во рту.

Дальше к югу 364-й пехотный полк русских с приданным ему дополнительным батальоном по льду озера у Толваярви всеми своими силами ударил по 9-й роте 16-го пехотного полка финнов. Тучи снега повисли над озером, видимость была очень плохой, в яростной схватке погибли 180 русских. Собирая оружие и минометы противника, финны обнаружили 110 своих раненых и 10 убитых, в том числе и своего командира, старшего лейтенанта Пурасмаа.

В тот же день шли и другие бои с тяжелыми потерями с обеих сторон, но теперь финны смогли увидеть, что еще недавно напористые батальоны противника сейчас рассыпались по всей обширной территории. Их позиции были уже не столь надежны, как раньше. Финны были полны решимости еще больше рассеять их.

Полковник Пайяри решился на дерзкую, неожиданную атаку, с тем чтобы добиться победы, — требовалось любой ценой перехватить инициативу. 12 декабря войска под командованием Пайяри начали трудное продвижение через замерзшие поля на Котисаари. В конце концов все финские силы вышли на заранее намеченные позиции. Сражение было яростным; потери русских огромны. Среди погибших был командир 609-го пехотного полка. Была захвачена вся полковая документация, и финны с удивлением узнали, что русским не было ничего известно о прибытии их 16-го пехотного полка. Они считали, что сражаются лишь против четырех батальонов финнов.

Дивизии русских в этот день действительно было нанесено сокрушительное поражение, большая часть ее вооружения досталась противнику, погибли около 1000 красноармейцев. Наступление финнов продолжилось на следующий день. Около Ристинсалми оборона русских продержалась какое-то время, но уже на следующий день и эти позиции были захвачены.

Теперь финнам предстояло встретиться со свежими силами 75-й дивизии. Измотанные преследователи, неся тяжелые потери, в конце концов были вынуждены остановиться, но штаб Маннергейма потребовал» продолжать наступление.

На следующий день три финских батальона возобновили наступление в восточном направлении и захватили позиции спасавшихся бегством сил 75-й дивизии. У Толварви русские закрепились. Как только была взята эта линия обороны, преследующие отходящих к востоку русских финны через 2 мили натолкнулись на сильное сопротивление перешедшего к обороне противника. Позднее выяснилось, что сюда прибыли свежие силы выпускников Ленинградской школы красных командиров, и бои были самыми кровопролитными за все время боевых действий. Атаки сменялись контратаками, и наконец одному батальону русских удалось проваться в тыл силам финнов. Лейтенант Мартти Си-укосаари, командир одной из рот, получил от полковника Пайяри приказ сдерживать противника и не дать ему возможности закрепиться. Для выполнения этой задачи Сиукосаари был вынужден собрать всех, кого только мог, включая артиллеристов, интендантов и саперов.

К 17 декабря, нанося отступающему противнику тяжелые потери, финны вышли к полуострову между Сёркиярви и Эглярви. Здесь русским удалось надежно закрепиться, а сильный снегопад затруднял действия даже привычных к таким условиям финнов. Их лыжи проваливались в глубокий снег, и маневрировать было крайне трудно. Массированные бомбардировки русской авиации заставляли сотрясаться от взрывов Юлярви, Толварви и Хаукиваара. Возникла такая неразбериха, что русские иногда случайно бомбили свои войска.

Полковник Пайяри понимал, что его люди устали, но упорно придерживался взятой им за основу тактики — продолжать движение ради уменьшения кровопролития. Он позволил себе и своим людям отдохнуть один день; они перегруппировали свои силы для атаки на деревню Эглярви вечером того же дня, 21 декабря. К 15.30 следующего дня финны овладели деревней.

На следующий день русские были отброшены к восточному берегу реки Айтто, рядом с Суоярви, где они оставались в окопах в продолжение всей войны.

Теперь измотанные финские солдаты и офицеры могли получить небольшую передышку. Было бы неразумно преследовать русских, продвигаясь дальше на восток, тем более что противник получил подкрепление из свежих частей. Уставшие финны были не способны вести с ними борьбу.

Полковник Талвела смог теперь доложить маршалу Маннергейму, что за период с 12 по 23 декабря несколько финских батальонов оттеснили 36 тысяч русских вместе с имеющимися у них танками и остатками 335 орудий на 25 километров к их границам. Финны потеряли 630 человек убитыми и 1300 ранеными, а противник, хотя и не уничтожен полностью, понес очень тяжелые потери. Русские потеряли 4 тысячи человек убитыми, а 600 человек были взяты в плен. Финны отбили у русских 59 танков, 3

бронемашины, 31 артиллерийское орудие, 220 тяжелых пулеметов, 142 ручных пулемета и более 3 тысяч винтовок. Еще было захвачено 150 единиц легкого автоматического оружия, легковые и грузовые машины, а также лошади. Легкое оружие было незамедлительно передано финским частям на всех фронтах, а тяжелая техника отправлена на заводы для ремонта. Большая ее часть впоследствии окажется на Карельском перешейке.

Победа у Толваряви была очень важна. Если бы 139-я дивизия русских не встретила сопротивления и смогла продвинуться, то это бы обернулось катастрофой для всей обороны финнов в Карелии. Умелые действия Талвела по вытеснению 75-й дивизии противника в труднопроходимую местность, где русские были вынуждены сражаться в невыгодных для себя условиях, предотвратили участие этих сил в боях на юге.

Эта победа стала столь необходимым толчком для поднятия морального духа финских войск на всех фронтах. Она придала новые силы ведущим неравную борьбу людям; теперь они убедились, что их жертвы не напрасны.

По мнению русских, поражение 139-й и 75-й дивизий у Толваряви, наряду с известиями о случившемся со 163-й и 44-й дивизиями у Суомуссалми и на дороге в Раате, крайне плохо сказалось на действиях двух русских дивизий у Петсамо. Отборным силам 104-й и 52-й дивизий русских было больше не суждено продвигаться в глубь Финляндии, риск разделить участь других дивизий оказался слишком велик. Они закрепятся на достигнутом рубеже и перейдут к обороне. Отныне положение в районе Петсамо станет тоже считаться стабилизовавшимся.

Глава 12. В КЛЕЩАХ

Население деревни Суомуссалми до прихода русских составляло 4 тысячи человек. Здесь жили в основном светловолосые и голубоглазые финны, зарабатывающие на жизнь трудом лесорубов, фермеров, охотников и рыбаков. Здесь не было ни природных богатств, ни тяжелой промышленности, даже дороги находились в далеко не идеальном состоянии. Трудно себе представить более красивые места, с их великолепными, огромных размеров соснами, чьи ветви укрывал искрящийся на солнце снег. К 7 декабря население деревни было эвакуировано, бойцы местного подразделения национальной гвардии и резервисты отошли за озеро Нисканселкё, а все в округе было предано огню. Здесь не найдется ни пищи, ни крова для наступающей с севера 163-й дивизии генерала Зеленцова и выдвигающейся с юга по дороге на Раате 44-й дивизии русских. Справедливости ради следует отметить, что 44-я дивизия и так ни в чем не нуждалась, она должна была доставить все необходимое для 163-й дивизии еще к 3 декабря. Но обе дивизии находились на большом удалении друг от друга, и финны получили приказ не дать им сблизиться.

План Зеленцова предусматривал разгром финских войск у деревни Суомуссалми, позади которой находились замерзшие озера Хаукиперё и Нисканселкё. Предполагалось сбросить обороняющихся в озера мощным натиском наступающей с юго-востока 44-й дивизии.

На льду озер, где негде укрыться, их можно было легко уничтожить. Сама 163-я дивизия не должна была занимать деревню, так как два узких озера по обе стороны полуострова могли оказаться ловушкой.

Финны знали об этом и намеренно отошли на более выгодные оборонительные позиции. Как показали дальнейшие события, 163-я дивизия, воодушевленная своим столь удачным продвижением к сожженной деревне, не устояла перед соблазном занять ее, хотя здесь не

осталось ни припасов, ни жилья. Разумеется, она могла продержаться, пока с ней не соединится 44-я дивизия.

Обе русские дивизии обладали значительной мощностью. В общей сложности их личный состав насчитывал 48 тысяч человек, они доставили в этот район около 335 артиллерийских орудий, более 100 танков и 50 бронемашин. Силы получивших подкрепление обороняющихся финнов насчитывали 17 тысяч человек, которым впоследствии было выделено 11 орудий.

Солдаты 163-й дивизии были в основном бурятами и монголами, не имеющими достаточной подготовки, но вполне способными выполнять поставленные перед ними задачи. Костяк 44-й дивизии составляли отборные подразделения украинцев, проходивших службу в Московском военном округе. Эта введомая генералом А.Е. Виноградовым дивизия, с ее духовым оркестром и парадной формой, по планам командования, должна была возглавить военный парад в городе Оулу, расположенном в 150 милях к западу.

Офицером, отправленным Маннергеймом в район Суомуссалми—Раате, был полковник Ялмар Сииласвуо, стойкий и находчивый командир, имевший прекрасную военную подготовку и послужной список. Должность начальника штаба занимал отличавшийся недюжинными способностями капитан регулярной армии Алпо К. Марттинен. Маннергейм выделил в распоряжение Сииласвуо 27-й пехотный полк из состава находящейся в его личном резерве 9-й дивизии.

По прибытии на место первым делом Сииласвуо устроил себе штаб в доме местного лесника в деревне Хиринсалми и приступил к изучению обстановки и разработке своей стратегии. В первую очередь, решил он, позиций финнов надо укрепить, а поскольку артиллерии в его распоряжении пока не было, то вместо нее следовало использовать пулеметы и минометы. Он знал, что его войскам не удастся добиться успеха в боях, а русские за счет свежих сил постоянно наращивают свою мощь. В случае соединения 163-й и 44-й дивизий для обороняющихся все будет кончено. Поэтому был отдан приказ действовать против каждой дивизии в отдельности.

Большое беспокойство вызывали незащищенные северные фланги в заснеженных лесах. Полковник А.В. Виклунд, представитель штаба генерала Туомпо, разработал план, в соответствии с которым предполагалось задействовать военную полицию для охранения и ведения разведки. Эти хорошо подготовленные подразделения, в отличие от пехотных частей, с их тяжелой техникой, будут весьма мобильны. Они, забыв о старых правилах, ограничивающих зону кругового маневрирования тремя милями, смогут удалиться на лыжах на расстояние 20—30 миль от линии фронта. Трех-пятичасовой лыжный переход будет выдающимся спортивным подвигом, особенно учитывая, что им # после него придется вступить в бой, но возникающий элемент неожиданности стоит подобных усилий. Использование военной полиции стало остроумным решением неразрешимой иным способом проблемы.

Даже в ходе тяжелых боев со 163-й дивизией противника полковник Сииласвуо постоянно имел сведения о 44-й дивизии, медленно продвигающейся по дороге на Раате. Дорогу было необходимо немедленно перерезать; наиболее удобным местом для этого являлся перешеек шириной в милю между озерами Куивасярви и Куомайрви, примерно в 6,5 мили от деревни Раате. Полковник понимал, что если на других участках обороняющимся помогали леса, то на этом перешейке замерзшие озера Финляндии дадут стратегическое преимущество отправленным им для блокирования этого ключевого участка двум ротам из состава 27-го пехотного полка под командованием подполковника Й.А. Мякиниemi. Любое движение русских по льду озера, будь оно замечено даже одиночным пулеметным расчетом, грозит противнику тяжелыми потерями. Единственной альтернативой для привыкших к действиям на равнинной местности украинцев станет отход в леса, для чего им придется бросить свою тяжелую технику, а это они вряд ли захотят сделать. В случае

выполнения этого плана открывались хорошие перспективы, но смогут ли 350 финских солдат, которым предстояло блокировать перешеек, противостоять целой дивизии? После целого ряда кровопролитных рукопашных боев план Сииласвуо сработал, и перешеек был блокирован. Финский военный историк полковник Ю.А. Яр-винен так объяснял действия против 44-й дивизии в тот период: «Обычно перед хирургической операцией применяют анестезию, чтобы пациент во время операции не испытывал лишних мучений и не дрыгал ногами. Вот и до начала операции [в которой финны сражались со 163-й дивизией] была применена легкая анестезия [к 44-й дивизии], целью которой было отнюдь не уменьшить страдания больного, а лишить его возможности дрыгать ногами. Для того чтобы обездвижить огромную русскую змею, были проведены многочисленные операции по окружению ее тела». Парализованная 44-я дивизия была остановлена, да так и оставалась в клещах финнов до того момента, пока силы Сииласвуо не предприняли «последнюю хирургическую операцию».

Тем временем в 6 милях к северу у деревни Суомус-салми 163-я дивизия предпринимала отчаянные попытки отеснить финнов дальше к западу своими атаками по льду озер. Измотанные, мерзнувшие и не получающие горячего питания финны находились под постоянным натиском русских. Одежда и обувь промокали, и войска той и другой стороны сильно страдали от обморожений. Бои часто переходили в рукопашные схватки, когда в ход шли штыки, гранаты и ножи; костры считались непозволительной роскошью. Силы обеих сторон не снабжались продуктами питания: русские — из-за задержки 44-й дивизии, а финны — в силу того, что их мобильные действия лишали возможности интендантскую службу угнаться за ними. Сражались все, включая «начальство». В качестве примера таких сражений можно привести столкновение у деревни Суомуссалми. Леса здесь редели, и на открытой местности укрыться финнам было практически негде. Появились два танка, ведущие огонь из пушек. Финны незамедлительно укрылись за пнями и стволами деревьев. Лейтенант Хюовинен, адъютант капитана Сивонена, подготовил связку из пяти гранат и пополз с ними к танкам. Младший лейтенант Виркки последовал за ним и, оказавшись на расстоянии трех десятков метров от танков, поднялся и разрядил свой пистолет в смотровые щели машин. Танки открыли пулеметный огонь, и младший лейтенант упал на землю.

Его товарищи были уверены, что Виркки погиб, но через несколько секунд они увидели, как он тяжело поднялся и снова стал стрелять из пистолета. Пулеметы танков вторично открыли огонь, и Виркки снова распластался на земле. Сцена повторилась вновь, и танки, развернувшись, поползли обратно к деревне.

Тем временем лейтенант Хюовинен подобрался сзади к танкам достаточно близко, но не настолько, чтобы бросить гранаты. Когда танки повернули, он побежал за ними, но стоило ему приблизиться на достаточное для броска расстояние, танки увеличили скорость. В конце концов лейтенант бросил их преследовать, но наблюдающие за ними солдаты были воодушевлены бесстрашными действиями своих офицеров. Вскоре после боя еще один младший лейтенант по фамилии Ремес, раненный в бою в руку, направился в медсанбат. На следующий день его тело нашли среди шести убитых русских солдат. В конце концов русские прекратили свои безуспешные попытки отеснить финнов к западу и отошли в деревню ждать подхода 44-й дивизии. 11 декабря финны почувствовали себя вполне созревшими для начала контрнаступления, продлившегося без перерывов 17 дней. Они атаковали Суомуссалми и нанесли удары на всем протяжении 50-мильной дороги на Юнтусран-та, тем самым окончательно сжав клещи и уничтожая по частям колонны противника. Финны наблюдали, как русские, один за другим, покидают свои позиции. Вскоре сотни их собрались на льду озера Кьянтаярви. Они строились в колонны, собираясь отступать к северо-востоку по льду озера, длина которого составляла 22 мили. Оружие они побросали, и колонны проигравших битву, растянувшись, двинулись по покрытому глубоким снегом льду. На обочинах дорог, во временных укрытиях, в блиндажах — везде лежали тела замерзших русских, похожие на плохо

сработанные восковые фигуры. Повсюду были разбросаны газеты, журналы, водочные бутылки, карты, школьные тетради и даже грампластинки.

В небе бесцельно кружили русские бомбардировщики и истребители, время от времени открывая огонь по лесам в надежде попасть в финнов, которые могли помешать этому странному «исходу». На подмогу этим солдатам полковник Мякинен отправил два взвода пулеметчиков на восточный берег озера. Еще одна мобильная партизанская рота, действовавшая по обе стороны озера Кьянтаярви, напоминающего своими очертаниями паука, вскоре получила указания подготовиться к «теплой» встрече находящихся на марше русских. По прошествии недели финны все еще наталкивались на русских солдат, поодиночке бродящих по лесам в поисках дороги.

Одного из таких солдат нашли рядом с его погибшими товарищами у пулеметного гнезда. Он получил контузию и пролежал здесь три дня. На допросе солдат сообщил, что он рыбак из Архангельска. «Я ездил по делам в Кемь и даже купил жене пару туфель. Они до сих пор лежат у меня в вещевом мешке. Я уже собирался уезжать из города, когда неожиданно нос к носу столкнулся с комиссаром, который схватил меня за лацканы пиджака и спросил, почему такой молодой и здоровый мужчина, как я, болтается без дела, когда у армии в Финляндии каждый человек на счету».

Финны угостили солдата сигаретами и снабдили парой носок, которых у него не было. После этого они взяли его с собой в блиндаж и держали там несколько дней в качестве талисмана, кормили его; угощали спиртным, водили в баню и любовались его исполнением русских танцев. Впоследствии его отправили в лагерь для военнопленных. Можно считать, что 163-я дивизия русских, по существу, перестала существовать как боевая единица. Она потерпела сокрушительное и унижительное поражение, оставив на поле сражения 5 тысяч человек убитыми, а остатки дивизии рассеялись по замерзшей дикой местности, питая призрачные надежды добраться до России-матушки. 44-й дивизии полагалось прийти ей на выручку, но она даже не попыталась этого сделать. Ее планируемое на 28 декабря наступление, по всей вероятности, могло бы спасти обе дивизии, но, как стало потом известно, приказ по каким-то загадочным причинам был отменен. Пока у Суомуссалми шли ожесточенные бои, у 44-й дивизии был шанс одержать победу, но по их окончании, если бы ей даже удалось прорваться через перешеек на озере Куивасярви, это лишь изменило бы место гибели дивизии.

После боев у Суомассалми главные силы финнов на лыжах устремились по льду озер на юг для устранения возникшего по вине 44-й дивизии «затора» на дороге в Раате.

Поскольку финны заранее расчистили себе пути подхода на направлении главного удара, они легко справились с транспортировкой своих трофеев, недавно захваченных в боях: грузовиков, лошадей, артиллерийских орудий, полевых кухонь и всего того, что, по их мнению, могло им пригодиться. Сразу бросая в бой победителей в сражении у Суомассалми, полковник Сииласвуо в первую очередь рассчитывал на рожденное недавним успехом воодушевление, которое должно было помочь его войскам, несмотря на их усталость. Солдаты и офицеры теперь обладали несокрушимой верой в себя и были убеждены, что добьются новой победы, если только отправятся за ней. Воплощая в жизнь его планы, считал Сииласвуо, его войска на данном этапе способны атаковать и с севера и с юга одновременно.

Главные силы 44-й дивизии русских находились на отрезке дороги протяженностью в пять миль между Куивасярви и Коккоярви. Они «перекрыли» дорогу взводами, находящимися на расстоянии околки мили друг от друга на всей 15-мильной протяженности дороги до советской границы. Промежутки между взводами постоянно патрулировались танками.

Одним из первоочередных мероприятий по достижении финнами дороги стало строительство противотанковых заграждений из поваленных деревьев и колючей проволоки. В случае прорыва танков через заграждения в дело должны были вступить недавно полученные противотанковые орудия.

Вскоре финны ударили в голову растянувшейся колонны русских силами двух батальонов численностью примерно в 800 человек, и результат оказался именно таким, каким его предвидел Сииласвуо. Противник стал строить оборонительные сооружения, окапываться, отказался от активных действий и всех своих наступательных планов. Это дало финнам время перегруппировать свои силы для решающего удара по 44-й дивизии.

1 января четыре финские роты атаковали хорошо укрепившийся батальон русских у деревни Хаукиля. На следующий день они повторили атаку, на этот раз силами двух батальонов, и после тяжелого боя вышли к восточной и южной окраинам деревни. На восточной стороне финны сразу перерезали дорогу и соорудили полевые укрепления вокруг наиболее уязвимых пунктов дороги. Удерживая эти позиции, несмотря на яростные контратаки русских, финны «отрубили голову» гигантской змее.

Но змеи живучи, даже без голов. Тем не менее финны были убеждены, что русские, несмотря на превосходство в живой силе и технике, не смогут добиться успеха за то время, что было необходимо для подготовки к проведению последней «хирургической операции». Они намеренно старались создать у противника впечатление, будто обладают значительно большей мощностью, чем было на самом деле. Командование 44-й дивизии допускало, что только крупные силы противника способны одновременно сражаться со 163-й дивизией и с ними. Финны надеялись, что подобное предположение еще сильнее охладит воинственный пыл 44-й дивизии.

Сииласвуо тщательно заботился о замене своих участвовавших в боях войск свежими. Бои почти всегда заканчивались рукопашными схватками, и в этом виде боевых действий финны преуспели. В темноте своих от чужих часто приходилось отличать по остроконечным головным уборам русских или умению пропеть первую строчку государственного гимна Финляндии. Тяжелая артиллерия была бесполезна; батареи на конной тяге, пытавшиеся отходить, лишь усиливали заторы и царящую неразбериху. Составляющие костяк дивизии украинцы не получали поддержки своих танков, особенно после того, как дороги были перерезаны и заминированы. Финны, использующие в качестве укрытий пни, вскоре начали понимать, что подбитый танк представляет собой превосходное укрытие. Они с ужасом наблюдали, как, отступая, эти стальные чудовища давили на своем пути собственное имущество; даже пехоте русских приходилось, уступая им дорогу, жаться к заграждениям и грузовикам.

Ни один командир не был способен покончить с царящей неразберихой; зачастую команд просто нельзя было расслышать. Экипажи советских самолетов, кружащих в небе, могли лишь беспомощно наблюдать за творящимся на земле. Бомбардировками или обстрелами с бреющего полета легко можно было уничтожить своих же солдат; 17 тысяч русских, мечущихся на 5-мильном отрезке дороги в разные стороны, представляли собой плачевное зрелище для не верящих своим глазам советских летчиков. Возможно, советская авиация и могла уничтожить часть линий, по которым осуществлялось снабжение финских войск, но даже это уже ничего бы не дало. Финны намеренно рассеяли свои силы на большой территории и тщательно маскировались. Кроме того, отдельные перебои в снабжении они могли с лихвой компенсировать недавно захваченными трофеями.

Три небольших советских разведывательных самолета попытались сбрасывать продовольствие войскам 44-й дивизии, сильно страдающим от голода и холода. Каждый самолет нес по два мешка галет, то есть шесть мешков с продуктами питания на целую дивизию.

Русские офицеры неоднократно просили генерала Виноградова отдать приказ об отступлении; войска были больше не в состоянии сражаться. Но генерал отказывался, заявляя, что для этого ему требуется указание «сверху». В конце концов, под непрекращающимися ударами финнов, 6 января Виноградов по радио уведомил все штабы полков, что отход начнется не ранее 9.30 вечера сегодняшнего дня. Но приказ этот пришел слишком поздно.

У солдат уже не было ни физических, ни моральных сил что-либо предпринимать. Они в панике бежали либо даже не пытались спастись, и их уничтожали в укрытиях и блиндажах. Впоследствии стало известно, что советские войска в 30—40-градусный мороз пять дней оставались без пищи.

Большинство военнослужащих 44-й дивизии были убиты или замерзли насмерть, 1300 из них попали в плен. Обнаруженный в лесу русский офицер рассказал финнам, как ему пришлось взять на себя командование, после того как был тяжело ранен его начальник. «Но полк был уже почти уничтожен. Потом меня ранили, но мне помогли сержант и два солдата. В 10 вечера был убит один из них, через час погиб другой, и я остался один». Офицер четыре часа полз по лесу в сторону советской границы.

Лежащим в снегу и полузамерзшим его обнаружил в 9 часов утра финский лыжный патруль. Финны дали пленному горячее питье, и двое солдат несли его на плечах почти две мили, пока не нашлись носилки. В лесной избушке ему оказали первую помощь и на санях отправили в полевой госпиталь, а уже потом в лагерь для военнопленных.

Медицинская сестра, служившая в 44-й дивизии, рассказывала, что ее призвали в армию 7 сентября. Она была замужем и имела двухлетнего ребенка, но, поскольку кормящей матерью она не являлась, ее призвали с еще двумя медсестрами; 30 ноября они вместе с 44-й дивизией пересекли границу. Когда войска получили приказ отступить, медсестры бежали в лес, оставив раненых замерзать в санитарных машинах и на финской ферме, приспособленной под госпиталь. Две другие медсестры получили ранения и, по всей вероятности, замерзли насмерть.

Русский полковник, командовавший одним из полков 44-й дивизии, был взят в плен. Захватившие его финские солдаты так описывали этого человека: лысый, довольно красивый, с умными, печальными глазами и усталым выражением лица. В отличие от большинства пленных он не испытывал страха, сохранял достоинство, говорил медленно и тихо, почти шепотом, и одну за другой курил сигареты. Он чувствовал себя одиноким, ибо большинство его товарищей, офицеров и солдат, погибли.

Во время допроса он спросил у финнов: «Кому была нужна эта война, это сражение? И для чего? Почему эти молодые ребята должны были умереть? Когда в Гражданскую войну я сражался с Деникиным и Колчаком, на то были причины. Мы хотели отдать землю крестьянам, а заводы — рабочим. И это нам удалось. Мы сражались за правое дело и поэтому победили. Когда мы вошли в Польшу, то хотели освободить от гнета наших братьев. Мы верили и в это и опять победили. Но теперь нас послали в Финляндию, а мы понятия не имеем, ради чего.

Помню, как нам говорили, что мы опять выполняем миссию по освобождению рабочих от капиталистов, но я на своей шкуре убедился, как нас приветствовали те, кого мы пришли освобождать. Что мы можем предложить вам, финнам, из того, чего у вас еще нет? Пусть я и пленный, но даже я имел возможность убедиться, что финский рабочий одет лучше, чем высокопоставленный партийный чиновник в России.

Я знаю, что Сталин и Ворошилов умные и отзывчивые люди, и не могу понять, кто их заставил начать эту идиотскую войну. Зачем нам вообще нужна эта мрачная и холодная Финляндия?

Какими хорошими солдатами были мои ребята! Лучшими в России, мой полк входил в элитную дивизию. Они были лучшими в учебе и лучше других умели обращаться с оружием. Помню, когда мой полк покидал железнодорожный вокзал в Ленинграде, солдаты говорили тем, кто остается: «Вам, ребята, уже нечего будет делать, когда вы там [в Финляндии] окажетесь. Мы проложим вам путь и встретимся в канун Нового года в Оулу».

Полковника спросили о действиях 44-й дивизии. Он стал рассказывать:

«Из Мурманска мы прошли за 11 дней походным порядком почти 200 миль, чем, не в обиду вам будет сказано, вы, финны, могли бы гордиться. Но штабное начальство только

и делало, что ругало нас за медлительность. Во время марша мы стали задумываться об этой войне и имели возможность убедиться, что это далеко не парад на Красной площади. Мы потеряли 10 процентов личного состава, в основном из-за обморожений... Когда мы пересекли границу Финляндии, то уже не могли разводить костров на привалах, так как нас предупредили о возможности обстрела. Такой мороз... такая бескрайняя дикая местность и темнота! Мы старались держаться вместе, чтобы не заблудиться. Кое-где солдаты шли плечом к плечу».

На вопрос, почему они не делали попыток расчистить себе дорогу, полковник ответил: «Разумеется, мы пытались атаковать и расчистить себе дорогу, но это было все равно что биться головой о стену. Все обстояло иначе, чем во время наших прошлых боев, в Польше например. Трудно было поверить в происходящее... и это вселяло в нас ужас.

Сообщение с нами прервалось, и мы начали голодать.

Но финнов нигде не было видно. Хотите — верьте, хотите — нет, но финнами, которых лично я впервые увидел, были те двое, что взяли меня в плен, после того как мой полк был уничтожен. Мы их не видели, но они были повсюду. Стоило кому-нибудь покинуть лагерь, его ждала неминуемая смерть. Высылая часовых в караул вокруг лагеря, мы знали, что через несколько минут они будут лежать с пулей в голове или с перерезанным горлом. Невидимая смерть грозила нам отовсюду. Это было настоящим безумием. Мои солдаты гибли сотнями, да что там сотнями — тысячами.

Надо бы рассказать лично Сталину о нашем пути в Финляндию и о том, что с нами произошло. Думаю, нашим руководителям не безразлична честь нашей Красной армии, и им не по душе, что весь мир над нами смеется. Если они действительно великие люди, они должны заботиться о России. А Молотова, Жданова и Куусинена, этих провокаторов, надо привезти сюда и похоронить под горами тел погибших.

Я все равно не могу понять, как мои товарищи стали этими огромными кучами трупов.

Очень, очень страшная эта война. Мы, советские люди, думали, что нас уважают в других странах за наше миролюбие, мы считали, что весь цивилизованный мир благодарен нам за то, что мы дали свободу рабочим. Теперь нас презирают и ненавидят. Вероятно, это результат политики Молотова».

После этого полковник горько добавил: «Вам лучше похоронить всех этих солдат до прихода весны. Иначе вас ждет эпидемия чумы».

Финны, испытывавшие недостаток в вооружении и начавшие обороняться практически с пустыми руками, теперь стали обладателями несметных богатств.

В Лихохарью у 163-й дивизии были отбиты 5 танков, 35 грузовиков, 10 мотоциклов, 50 лошадей и стрелковое оружие. В Тююнеля финны обнаружили 10 танков, 6 артиллерийских орудий, 42 грузовика, 400 лошадей, десятки пулеметов и автоматов. В Хаюкиля им досталось 40 полевых орудий, 49 противотанковых пушек, 13 зенитных пулеметов, 27 танков, 20 тракторов, 160 грузовых машин и огромное количество боеприпасов и средств связи.

У 44-й дивизии победители отбили 49 орудий, 20 противотанковых пушек, 43 танка, 200 грузовиков, 100 пулеметов, 190 автоматов, 6 тысяч винтовок, 1170 лошадей.

Вплоть до конца войны русские не смогли возобновить наступления на этом участке. От расчленения Финляндии на две части путем молниеносного удара пришлось отказаться из-за тяжелых потерь, а финны теперь смогли постепенно перебрасывать войска на другие участки фронта.

Столь подробное описание сражений у Толваярви и Суомуссалми приведено потому, что, как впоследствии писал Маннергейм, «они оказались одними из самых выдающихся с точки зрения тактики и имели решающее значение для поддержания морального духа народа Финляндии. И еще они дают наиболее полную картину тех безжалостных условий, в которых приходилось воевать на Зимней войне».

С наступлением нового, 1940 года положение русских в Финляндии оставалось тяжелым. Многие попытки их продвижения были остановлены. Продолжал держаться и Карельский

перешеек. При попытках прорвать линию Маннергейма русские несли тяжелые потери, а самое холодное время зимы было еще впереди.

Финская армия, почти целиком на лыжах (за исключением Карельского перешейка), действовала на 14 важных участках и наносила удары русским дивизиям с флангов и тыла, почувствовав свое превосходство в таком способе ведения боевых действий.

И финское и советское командование изучало сложившееся к январю положение. Друзья Финляндии на Западе тоже делали это:

«Входящая в состав 14-й армии русских 104-я дивизия наступала из района Куоллаа через Петсамо в глубь Финляндии в направлении деревни Наутси, но, продвинувшись на 80 миль, была вынуждена отступить на 18 миль. На этом рубеже она остановилась и в дальнейшем не вела активных боевых действий.

88-я дивизия русских, продвинувшись в глубь Финляндии примерно на 100 миль, натолкнулась на яростное сопротивление и была отброшена на 55 миль к Сай-яла, где и остановилась. Рованиemi — главная цель наступления русских — по-прежнему находилась на расстоянии 200 миль.

122-я дивизия русских из состава 9-й армии из района Виенана была брошена против финнов, но вскоре противник начал наносить ей удары с тыла и перерезал основные линии снабжения. Противник был вынужден отойти на 20 миль к озеру Мёрке.

В районе Кююсамо наступление русских удалось сдержать, и большая часть их сил так и оставалась по свою сторону границы. Основные силы 9-й армии, 163-я и 44-я дивизии, были уничтожены в сражениях в районе Суомуссалми—Юнтусранта и Раате.

В районе Кухмо 54-я дивизия русских была практически полностью окружена финнами, и ее наступление захлебнулось. (Позднее, в январе, кольцо окружения замкнулось, и русские оставались на этом участке вплоть до окончания войны.)

У Лиекса русские, после продвижения вглубь примерно на 15 миль, были вынуждены отступить через границу на свою территорию. Город Оулу — цель их наступления — продолжал оставаться от них на расстоянии 170 миль*.

В районе Иломантси наступала 115-я дивизия из состава 8-й армии, но к 23 декабря ей был нанесен значительный урон, и она не смогла продолжать наступление. Она просто отошла на более выгодные «оборонительные» позиции, где и оставалась.

У Толварви и Айттойоки 139-я и 75-я дивизии русских были частично разбиты и отброшены назад на 25 миль к восточному берегу реки, где и оставались в окопах вплоть до окончания боевых действий. У Коллаа наступление 56-й и 164-й дивизий русских было полностью остановлено. Дальнейшее желание наступать у них пропало.

В районе Кёснёселкё—Салми главные силы 8-й армии русских, включавшие 18-ю и 168-ю дивизии, а также 34-ю танковую бригаду, продвинулись от границы в глубь Финляндии на 25 миль. Их хорошо спланированные действия позволили им соединиться в районе Койринойя и продолжить наступление. Однако в начале января оборона финнов успешно остановила наступление русских, и они остановились и закрепились на достигнутом рубеже.

168-я дивизия русских выдвигалась от Салми и продвинулась от границы на 45 миль до Кителя, где ее наступление было остановлено примерно в 35 милях от города Сортавала». Главной проблемой для советских войск в этой войне, пожалуй, было снабжение.

Наступая, на финской стороне они практически не находили ни пищи, ни жилья. Все было сожжено финнами. Лошади русских практически не получали фуража, и солдатам часто приходилось есть буквально скелеты убитых в бою лошадей; подвоз продуктов питания по Мурманской железной дороге осуществлялся крайне нерегулярно.

В этот период русские были намного ближе к настоящему голоду, чем им казалось. Сумей финны перерезать Мурманскую железную дорогу где-нибудь в районе Лотинанпелто и взять ее под свой контроль, русским войскам в Финляндии вообще нечего было бы есть. Но финны оказались не способны на подобный подвиг, поэтому противник изредка получал продукты питания.

К началу 1940 года финское командование испытывало меньшее беспокойство относительно положения дел к северу от Ладожского озера. Оружие и боеприпасы, захваченные у противника на замерзших полях сражений, будут вскоре отправлены в Карелию... а тем временем русские продолжали терять интерес к войне вообще.

Глава 13. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПО ПРИНЦИПУ «МОТТИ»

Кое-кто рассуждает о тактике, получившей название «motti», так, словно ее разработка была главной целью финнов. Это далеко не так. Единственное, что планировалось перед сражением в районе Кителя—Койринойя, было так называемое «большое motti». Меньшие по размерам «гнезда» возникали сами собой, подобно опилкам, падающим из-под инструмента резчика по дереву, создающего свое произведение.

Генерал-майор И. В. Хегглунд, командующий 4-м армейским корпусом После поражения в районе Раате командир 44-й дивизии русских генерал-майор Виноградов, командир 662-го пехотного полка Саров, комиссар Подхомутов и командир 3-го батальона 662-го пехотного полка капитан Чайковский были казнены по приказу советского Верховного командования. Судьба генерал-майора Зеленцова неизвестна. Победитель с финской стороны полковник Сииласуо получил звание генерал-майора и был сразу направлен в Кухмо, где ему предстояло решить судьбу 54-й дивизии русских. До прибытия генерал-майора Сииласуо в район Кухмо два боевых отряда финнов под командованием подполковников Иломяки и Вуокко так успешно наносили удары по флангам 54-й дивизии генерал-майора Гусевского, что ее наступление захлебнулось. Даже после переброски войск из района Лиексы в помощь 54-й дивизии финны держали ее мертвой хваткой. Еще раньше советское командование направило сюда полковника Долина и одну из своих, по-видимому, лучших лыжных бригад в надежде вырвать дивизию из тисков финнов, но в 10 милях от границы русские войска были окружены финскими лыжниками и уничтожены. Будущее не сулило 54-й дивизии ничего хорошего, особенно после появления Сииласуо со свежими силами, орудиями и минометами, большинство которых было захвачено в боях у Суомуссалми и Раате. Сииласуо, по отзывам очевидцев, был так самонадеян, что перед наступлением дерзнул отдать приказ об артиллерийской подготовке, в ходе которой было выпущено 3200 снарядов — неслыханная роскошь для финских войск на участке к северу от Ладожского озера. Несмотря на этот натиск, 54-я дивизия русских удержала свои позиции на перешейке озера Сауна и находилась в окружении противника, пока ее не спас подписанный мирный договор.

Принимая во внимание уровень подготовки и менталитет русских, события развивались вполне логично. В ходе продолжающихся на многих северных дорогах ожесточенных боев финны наблюдали, как отдельные части наступающих колонн русских, взятые ими в клещи, сворачивались в клубок, подобно червям, на которых наступили ногой. Войска просто останавливались и начинали окапываться вместе с танками и артиллерией, и финнам не оставалось ничего иного, как окружать их. Вскоре западные журналисты поведали миру о новой финской тактике ведения боевых действий, но для самих финнов, чьей целью было скорейшее уничтожение противника, окружение и разгром его группировок, получившие название «motti», являлись неприятным, но необходимым злом. Состав «motti» зависел от того, в каком месте была отрезана часть колонны противника, и от того, какие войска и виды вооружения попадали в окружение. Отдельные группы

состояли либо из одних танков, либо из одной артиллерии, другие — из подразделений пехоты. Иногда они оказывались смешанными и включали в себя интендантские службы с их транспортными средствами, порой в окружение попадали даже дивизионные штабы. Танки вскоре оказывались без горючего, но, имея значительное количество боеприпасов, они служили бронированным щитом для попавших в окружение. Крупные «motti» представляли собой довольно мощные группировки, и при наличии у них вполне достаточного количества оружия и боеприпасов могли продержаться сколь угодно долго. Кроме того, окруженные войска окапывались и строили фортификационные сооружения по всему периметру обороны. Хотя войска и защищались с удивительным упорством, они редко пытались вырваться из окружения, несмотря на голод и холод. Тем временем горстка финнов, которым вскоре надоедало сидеть без дела, периодически патрулировала по всему периметру на лыжах, следя, чтобы никто не вырвался.

Поначалу окруженные русские не испытывали недо-стака в пище и боеприпасах, излишки которых образовались у них, несомненно, в результате понесенных ранее тяжелых потерь. Поскольку финны не имели зенитной артиллерии, советские самолеты могли сбрасывать продукты питания и боеприпасы, и пусть частично они попадали в руки финнов, сам факт их доставки вселял надежду в осажденных людей. Но шло время, дни складывались в недели, и нехватка пищи и боеприпасов становилась все острее; конина составляла ежедневный рацион этих несчастных. Порой, когда у какой-нибудь из окруженных групп заканчивались припасы, она пыталась соединиться с более крупной группировкой, находящейся поблизости, но попытки эти, как правило, заканчивались плачевно.

Военные стратеги испытывали недоумение от такой пассивности русских, но Маннергейм считал ее вполне предсказуемой. Согласно наставлениям Красной армии и постоянно, повторяемым указаниям Верховного командования, на любой захваченной территории следовало держаться до последнего человека. Поэтому русские, голодая и замерзая насмерть, продолжали держаться, стараясь сохранить в себе искру жизни как можно дольше. Их окружала вселяющая ужас дикая местность, и стоило кому-нибудь рискнуть вырваться без поддержки танков и артиллерии, финны просто устраивали им еще одно «notti». Более того, любая «перемена адреса» на этом этапе ставила под сомнение получение «авиапочты».

Финны, памятуя о других неотложных задачах, делали все возможное, чтобы как можно скорее уничтожить эти базы, но без тяжелого вооружения, минометов и противотанковых орудий были вынуждены уничтожать их по частям. Они экономили боеприпасы, используя их главным образом с тем, чтобы деморализовать окруженные войска, чьи долговременные огневые сооружения и пулеметные гнезда по всему периметру ночью атаковали отряды патрулей. Постепенно «ремень» затягивался и площадь окружения уменьшалась в размерах до тех пор, пока не наступал конец и можно было заниматься подсчетом уничтоженных врагов.

В районе дислокации 4-го армейского корпуса генерал Хегглунд столкнулся со следующим положением. Наличие на площади в 100 квадратных километров 10 русских дивизий (численностью 160 тысяч человек), большинство из которых были окружены или находились в процессе окружения, требовало принятия неотложных мер. Русским нельзя было давать передышки и возможности перегруппировать свои силы. Противника следовало уничтожить.

План операции, намеченной на период с 5 по 26 января, предусматривал нанесение мощных ударов по дивизиям, чье наступление удалось остановить. Для нанесения этих ударов требовалось большее количество войск и техники, и с одобрения Маннергейма в этот район начали перебрасываться войска. Подполковник Ф.Ю. Фагернёс, вдохновленный своей победой в районе Раате, прибыл со своим 64-м пехотным полком. Хорошо вооруженный и закаленный в боях на Карельском перешейке, 4-й егерский батальон был переброшен в помощь силам Хегглунда. Были подтянуты 3-й и 4-й партизанские батальоны, а тем временем местные подразделения национальной гвардии

занимались поиском добровольцев для формирования новых подразделений. Для выполнения плана операции против 10 русских дивизий в помощь Хеггунду Маннергейм прислал из своего штаба подполковника В. К. Нитиля.

Все имеющиеся резервы и вооружение были собраны для этого решающего удара. Некоторые из прибывших подразделений имели боевой опыт и были хорошо экипированы, другие все еще носили форму «модели Кайяндер», то есть гражданскую одежду. У кого-то имелись палатки и полевые кухни, у других не было ничего. Даже весьма скудно экипированный отряд с позиций у Коллаа поступил в распоряжение Хеггунда, и таким образом к середине января 4-й армейский корпус насчитывал 46 400 человек при 106 орудиях.

Первоочередной задачей было окружение войск 168-й дивизии генерала Бондарева и 18-й элитной дивизии генерала Кондратьева, а также 34-й танковой бригады под командованием генерала Кондратьева — все эти силы соединились в районе Кителя и Ругиаа-мяки.

Второй по важности задачей, если позволит время, было уничтожение «живой» силы противника.

Силы генерала Хеггунда начали наступление 6 января и в период с 11 по 18 января вышли к берегам Ладожского озера у Койриной¹ и Питкяранты. Наступающие с запада другие подразделения финнов заняли остров Максима, к югу от Койриной. Это означало, что 168-я дивизия генерала Бондарева оказалась почти полностью отрезанной от остальных сил, оставался лишь небольшой проход по узкой полоске льда к юго-востоку от Питкяранты. Ловушка захлопнулась, подобно горловине бумажного кулька. Генерал Хеггунд успешно завершил самую крупную и единственную спланированную операцию по созданию «motti» в Зимней войне.

Но по-прежнему оставались еще 10 попавших в окружение мощных группировок, растянувшихся на всем протяжении от пересечения дорог у Леметти до деревни Уомаа. Одну за другой генерал Хеггунд должен был попытаться уничтожить их.

Окруженная группировка, или иначе «motti», располагалась у Кителя (самая мощная), неподалеку от нее находились полковая «motti», еще две — к востоку и западу от Леметти, у озера Лава, на пересечении дорог в Сиира. Были еще и «неучтенные» группировки, с которыми предстояло иметь дело. Одной из них была «motti» у деревни Мюллю.

4-й егерский батальон, сражавшийся в окрестностях Леметти, был усилен ротой 37-го пехотного полка капитана Вяйнёнена. Артиллерийские батареи 13-й дивизии получили приказ оказать батальону поддержку в полном объеме. Усиленному таким образом 4-му егерскому батальону был отдан приказ уничтожить окруженного противника у Мюллю. Ранним утром 2 февраля командир батальона полковник Матти Аарно вместе с командиром приданной роты объехали на лыжах вокруг «гнезда» русских в надежде получить представление о подземной деревне. Они увидели, что блиндажи, построенные впритык друг к другу и имевшие высоту в три «этажа», буквально ошетинились торчащими из амбразур дулами пулеметов. На «крышах» этой деревни расположились танки. Стало ясно, что любая атака на столь мощные укрепления будет бесполезной; для атакующих это окажется настоящей бойней.

Русские заметили лыжников и открыли огонь из пулеметов. «Ладно, — сказал Аарно. — Раз они заметили нас с северо-западной стороны, отсюда же они будут ждать и нашей атаки».

Как он и предвидел, оборона по всему периметру с северо-западной стороны была усилена дополнительными силами, и финны, естественно, отказались от планов атаковать в этом направлении. Вместо этого они решили ударить в слабое место рядом с близлежащей фермой; они собирались выслать патрули, которые под покровом темноты тайком должны были проникнуть внутрь расположения русских, а тем временем находящиеся снаружи силы предполагали отвлекать внимание противника

одновременными ударами в нескольких местах. Две роты должны были нанести удар с востока, а одна — с юга; незадолго до атаки вся финская артиллерия должна была не дать русским возможности покинуть блиндажи.

Солдаты сами обратились с просьбой, и им было дано разрешение заменить вооружение перед атакой. Вместо бесполезных против танков тяжелых винтовок они обвешались гранатами, взяли тротилловые шашки, бутылки с зажигательной смесью и автоматы. Личное оружие, пистолеты «маузер», одолжили у пулеметных расчетов и истребителей танков.

Первые отряды тайком пробирались в «tnotti» в полуночной темноте. Один из старых солдат так прокомментировал их действия: «У меня волосы вставали дыбом от того, что нашим приходилось лезть в самую гущу противника».

Финские солдаты, действуя поодиночке или парами, скрытно перебежали с одного места к другому. Иногда они ныряли в сугробы и двигались дальше, маскируясь в глубоком снегу.

Собирающиеся атаковать финны ждали. Все было спокойно.

Внезапно они увидели вспышки фонарей русских, сигналивших подразделениям внутри «motti». Очевидно, они были озадачены происходящим у них в тылу или, скорее, в самой их гуще.

Послышались приглушенные взрывы. Финны, естественно, понимали, что происходит. Русские же были в полном замешательстве. Они, несомненно, хотели использовать гранаты, но не знали, куда их бросать, потому что в темноте финны перемешались с ними. Лейтенант Хателя, прячущийся на ферме, доложил, что «уничтожение блиндажей успешно началось».

По поступившим позднее сведениям, пока русские пытались криками отпугнуть атакующих, финны взрывали тротилловые шашки, бросали бутылки с зажигательной смесью и гранаты.

Финские отряды действовали свободно, не опасаясь огня автоматических винтовок русских, ибо темнота не позволяла отличить своих от чужих. В 2.05 противнику удалось установить пулеметы, и финским смельчакам, затесавшимся в ряды русских, пришлось поутихнуть. На ферму поступило сообщение: «Пришлите еще «коктейля Молотова!»» Русские попытались контратаковать в надежде «накрыть» вторгшихся финнов, но в 2.40 были отброшены. И теперь финны могли наблюдать, как противник пытается прорваться через окружающие его кордоны. Люди с криком бросались в разные стороны и сообщали всем находящимся в «motti» о нападении. Сообщение об их бегстве было передано по радио подразделениям, сторожащим окруженных русских с западной стороны Леметти, и потому пытающихся спастись ждало преследование.

Оставляя танки, пушки и стрелковое оружие, несчастные люди сотнями, подобно океанской волне, устремились на юго-восток, пытаясь скрыться в замерзших лесах.

На расположенном поблизости финском пункте оказания первой помощи фельдшер и санитары поспешили в свой блиндаж. Лавина русских надвигалась на них, и один из финнов крикнул по-шведски: «Они прорвались! Давайте-ка убираться отсюда!»

Однако кое-кого из раненых нельзя было переносить. Поэтому санитары решили остаться с ними. Еще один финн, старший сержант Грюнн, беспокоился за лежащее у него в кармане солдатское жалованье, поэтому тоже остался в блиндаже. В тот момент, когда русские уже бежали по крыше их блиндажа, он связался по радио с командным постом финского батальона и обратился с мольбой о помощи. В ответ он услышал: «Слишком поздно просить о помощи. Вылезайте из блиндажа и сражайтесь!»

Русские колотили в запертую дверь блиндажа, и четверо мужчин приготовили свое личное оружие. От топота по крыше тряслась дымовая труба. Через смотровую щель финны увидели, как один русский солдат пристрелил привязанную к дереву собаку лейтенанта Салоти. Вслед за этим раздалось громовое «Ура!». Стук в дверь не прекращался, и финны с оружием в руках готовились подороже продать свои жизни.

Но помощь была близка. Лейтенант Сарева со своими автоматчиками на лыжах подоспели на выручку.

Русские стали падать в снег, кое-кто из них попытался вернуться, откуда они совсем недавно бежали.

Пока одни подразделения финнов добивали остатки окруженных, другие начали преследование русских в густом лесу. Люди выходили наружу и тут же попадали под огонь финских пулеметов, но продолжали идти, словно им уже было все равно.

Позднее финны обнаружили нескольких русских, прячущихся на ферме и в сарае, но к 4 февраля с окруженной группировкой было покончено.

Первый подсчет выявил 500 убитых русских, но в дальнейшем это количество увеличилось до 1000 человек. Среди убитых было обнаружено 3 финских солдата. 4-й егерский батальон, которому принадлежит заслуга разгрома окруженной группировки, потерял всего 5 человек.

Одну за другой финны безжалостно уничтожали другие окруженные группировки. Но даже их глубоко тронули полные скорби и отчаяния перехваченные сообщения. В своих пропагандистских сообщениях финны постоянно твердили: «Возвращайтесь в Россию, оставьте Финляндию в покое», но сейчас русские уже не могли двинуться ни вперед, ни назад. Они могли лишь просить о помощи. И чем сильнее сжималось кольцо окружения, тем настойчивее становились такие просьбы.

24 февраля в 17.38 из Леметти поступило такое сообщение: «Мы несем тяжелые потери от огня финской полевой артиллерии и противотанковых орудий. Начиная с 19 февраля мы потеряли 12 танков, 2 бронемашину и 42 грузовика. Просим открыть огонь тяжелой артиллерии по позициям финнов к северу от Леметти и Митро. Поддержите нас, пожалуйста. Финны находятся всего в 200 метрах от наших позиций».

В 16.30 того же дня поступило еще одно сообщение от этой группы: «Вне зависимости от погоды, пожалуйста, сбросьте с воздуха продукты питания и боеприпасы. В последней доставке не было боеприпасов. Пожалуйста, сбросьте нам боеприпасы. У нас уже два дня нет патронов. Продукты питания и фураж закончились. Постарайтесь прислать сегодня хоть что-нибудь. Сделайте хоть что-нибудь!»

Мольбы окруженных продолжались: «Почему вы не атакуете с расстояния 200—300 метров? Начинать атаку в 12.39. Четыре самолета не сбросили никаких продуктов питания. Ранее нам почти не досталось продуктов. Большая их часть попала на сторону финнов».

12.41: «Подразделение Петрова полностью уничтожено. Ожидаем подкрепления. Прошу подкрепления, которое должно прибыть к утру».

18.00: «Почему не отвечаете? У вас есть связь со штабом корпуса?»

26 февраля в 21.00 финны перехватили сообщение, направленное 34-й танковой бригаде из 56-го армейского корпуса русских: «Нам известно о вашем тяжелом положении, и мы сообщили об этом Штерну и Ковалеву. Планируем оказать вам поддержку с воздуха».

34-я танковая бригада ответила: «Пожалуйста, скорее сообщите нам о положении на левом фланге финнов в Куикка (на ферме). И что творится у озера Лава?» После завершения разгрома окруженных группировок многие военнопленные рассказывали, что в темноте солдаты по ошибке стреляли друг в друга. «Лишь тот герой, кто не сдается...»

Находящиеся в окружении русские голодали, но их лошадям, которым полагалось тащить пушки и фургоны с припасами, приходилось еще хуже. С самого начала вторжения судьба их была незавидной, но, попав в окружение, несчастные животные стали бесполезны, их разве что можно было использовать в качестве пищи для голодающих солдат. Снабжение фуражом огромного количества лошадей русских на территории, намеренно превращенной ее защитниками в пустыню, было ужасающим. По существовавшим у финнов нормам одной лошади требуется 26 фунтов фуража в день. Это составляет порядка 1,261 тонны фуража в день на всех имеющихся в подразделении животных. Русские не планировали кормить своих, лошадей по таким завышенным нормам.

Лошади русских, не погибшие от голода и не забитые для питания солдат, иногда служили для других целей. Так, у Койриной русские использовали их для «нейтрализации» финских мин, гоня несчастных животных по замерзшим минным полям. Финны, наблюдая за ужасными страданиями лошадей, старались пристрелить их до того, как те попадут на мину. Иногда им удавалось убить их, прежде чем животное будет искалечено; иногда же приходилось слушать полное муки ржание искалеченных животных, продолжавшееся по несколько часов кряду.

Эрки Палолампи, работавший до войны редактором газеты, вел дневник, куда вносил свои впечатления от фронтовой жизни. В нем он описывает случай, когда «кавалерию без всадников» гнали по льду. Одна из лошадей была тяжело ранена неподалеку от финских позиций, ее стоны и крики звучали почти как человеческие. Финны хотели положить конец ее страданиям, но в ясную погоду и под прицелом винтовок противника подобная миссия стала бы самоубийством. Командир запретил всем покидать позиции. Напряжение росло, и батальон, повидавший много страданий и смертей, начинал терять самообладание от мучений одного раненого животного, лежащего на льду. Солдат пробивал холодный пот. Срочно было необходимо что-то предпринять.

Пастор Эльяс Симойоки, капеллан батальона, вышел вперед. Он отпевал погибших и молился за раненых, помогая уносить их в безопасное место. Поскольку во время Зимней войны в подразделениях официально не существовало должности капеллана, он сражался наравне с остальными. Все любили Симойоки. Он всегда подчинялся приказам... но лишь до этого момента.

Пастор взял свой пистолет и спокойно пошел по открытому заснеженному пространству. Ни с той ни с другой стороны не прозвучало ни единого выстрела, было ясно: все хотели, чтобы лошадь была избавлена от мучений.

Симойоки дошел до лошади и совершил акт милосердия. Животное утихло, и пастор начал свой долгий путь назад. Стояла мертвая тишина.

Противник дождался, пока пастор доберется до своих позиций, а затем открыл огонь.

Генерал Хегглунд прекрасно знал, что русские в первые дни января проводят поспешную перегруппировку своих сил. Была сформирована новая армия (15-я) под командованием командарма Г.М. Штерна, который в августе 1939 года отличился во время десятидневного сражения с японцами на Халхин-Голе. Штаб 8-й армии был переведен в Кархюмяки, а командующий 56-м армейским корпусом Черепанов перенес свой штаб из Кёснёселкё поближе к 168-й дивизии. Это оказалось неудачным решением, ибо вскоре Черепанов попал в окружение у Койриной.

8 февраля в районе Салми был сформирован еще один армейский корпус, 7-й, под командованием генерала Коротаева. Он был укомплектован свежими силами, переброшенными в этот район в надежде, что им удастся изменить ход событий.

Тем временем яростные и кровопролитные бои продолжались. Командир 4-го егерского батальона полковник Матти Аарнио столкнулся с последней отчаянной попыткой русских вырваться из окружения в районе к востоку от Леметти. Он получил сообщение с передового наблюдательного поста о том, что сотни русских вырвались из ловушки и продвигаются к расположению его батальона вдоль дороги, по которой осуществлялось снабжение. Сейчас они находились всего в нескольких сотнях метров. Аарнио тут же приказал прервать все радиопереговоры и прибыть в расположение батальона. Крупные силы русских, прорвавшиеся через оборонительные позиции лейтенантов Сарева и Сорвали, встретили огонь финских подразделений. Десятки русских гибли под огнем, но их превосходящее количество вынудило финнов покинуть свои позиции.

Русские находились всего в каких-нибудь двух десятках метров, и Аарнио сообразил, что их ведет группа старших офицеров. Генерал Кондратьев и офицеры его штаба отчаянно пытались вырваться из окружения. Всего лишь несколько часов назад Аарнио был уверен, что в этом районе нет войск противника, поэтому рассредоточил свои силы в разные

точки по периметру окружения. Сейчас ему пришлось спешно организовать оборону из офицеров своего штаба, посыльных, поваров и водителей машин.

Среди находящихся на командном пункте военнопленных было много таких, кто бегло говорил по-фински. Выяснилось, что это карелы, и финнам было горько сознавать, что они сражаются со своими братьями. «По меньшей мере 3600 солдат пытаются вырваться из окружения», — сообщили Аарнио.

К тому времени шум битвы рядом с расположением батальона был услышан финскими патрулями, посланными для окружения попавших в ловушку сил русских. Они ринулись назад к месту прорыва и открыли шквальный огонь по бегущему противнику. Царили невообразимый хаос и неразбериха. Солдаты стреляли по своим в этой свалке. Один из посыльных прибежал на командный пункт доложить, что русские уже находятся в расположении батальона. Когда он собирался покинуть командный пункт, в дверях его настигла пуля. Аарнио выбежал наружу и увидел, как его новобранцы и офицеры штаба образуют цепь вокруг штабной палатки. «Не стреляйте по своим! Дождитесь появления русских!» — прокричал он.

На командный пункт прибыли еще 50 финнов и ЗАНЯЛИ оборону. Сержант Растас привел 27 связистов. Аарнио спокойно прокомментировал: «Вот и весь мой резерв!»

Шум боя доносился со всех сторон, и трудно было разобраться в том, что происходит. Но уже через час прорвавшиеся русские прекратили стрельбу. Удивленные финны выбрались со своих наскоро выбранных позиций, и перед их взором предстали сотни убитых русских по обе стороны дороги и в окружающем лесу. Аарнио и несколько офицеров штаба обошли кровавое поле битвы. Трудно было поверить в увиденное. На площади в 250 метров вдоль дороги лежали 400 убитых русских, кое-где в три ряда друг на друге. Они не имели при себе ничего, кроме стрелкового оружия. В своей неистовой попытке вырваться они решили обойтись без танков, артиллерии и пулеметов.

Среди погибших были командир 34-й танковой бригады генерал Степан Иванович Кондратьев и все офицеры его штаба, включая четырех женщин-машинисток. Погибли также командир 18-й дивизии генерал Кондрасев и офицеры дивизии, командующий артиллерией 56-го армейского корпуса полковник Болотов, командующий артиллерией 18-й дивизии полковник Глогоров. Всего погибло 310 старших офицеров и 112 военнослужащих.

Это вовсе не были грязные и плохо одетые офицеры, знакомые финнам по прежним схваткам, наоборот, они носили белые рубашки под хорошо подогнанной формой. Это были совсем другие офицеры, больше напоминавшие участников парада в мирное время. Они принадлежали к советской элите и разительно отличались от простых окопников, большинство которых были родом из Советской Карелии.

Среди погибших финнов были лейтенанты Салоти и Мерьямо, которые лежали рядом метрах в двадцати от тел погибших русских. Пять военнослужащих сержантского состава из штабной роты отдали свои жизни в этом сражении с прорвавшимся противником, потерявшим 3 тысячи человек убитыми. Таков был конец окруженной к востоку от Леметти танковой группировки.

Вечером того же дня на командный пункт привели раненого русского командира батальона капитана Га-луцкого, ранее служившего в Московском военном округе. Все было спокойно, лишь слышался гул кружащих в небе советских самолетов. Аарнио обсуждал события сегодняшнего дня и говорил о погибших. Во время беседы русский уснул, когда он проснулся, Аарнио извинился за то, что не отправил его в медсанбат.

— Ваши же самолеты могли убить вас по дороге, — объяснил финн. — Я позже распоряжусь насчет транспорта.

— Благодарю, — ответил пленный. — Вы проявляете обо мне трогательную заботу.

— Мы так обращаемся со всеми военнопленными вне зависимости от их звания, — заявил Аарнио. — Сдавшийся в плен солдат больше не враг. Он просто человек.

Русский заметил:

— Сегодня я стал свидетелем многих прекрасных поступков финнов, и мое мнение о них полностью изменилось.

Количество захваченных после сражения у Леметти трофеев оказалось самым большим из доставшихся финнам после разгрома всех окруженных группировок: 105 танков, 12 бронемашин, 237 грузовиков, 31 легковая машина, 10 тракторов, 6 тяжелых артиллерийских орудий, артиллерийские повозки различного назначения, 10 полевых кухонь, 3 минных трала (наземных), 231 повозка на конной тяге и 200 повозок с боеприпасами. Огромное количество стрелкового оружия и другого снаряжения предстояло подсчитать позднее.

За этот период 4-й армейский корпус генерала Хег-глюнда уничтожил все окруженные группировки противника, кроме находившихся у Кителя. Хегглюнд отдал приказ прекратить дальнейшие атаки и просто сковывать действия противника, не давая ему возможности вырваться из окружения (эти группировки спасло заключенное перемирие). «После этой кампании, — писал Маннергейм, — положение на протяженном Восточном фронте стабилизировалось, и на всех других участках противник потерпел серьезные поражения. К сожалению, это не позволило финнам вовремя высвободить достаточное количество войск для сражения на главном театре военных действий, где в начале февраля положение дел вошло в решающую фазу».

Глава 14. НАСТУПЛЕНИЕ ТИМОШЕНКО

Сталин был в бешенстве от получаемых им известий с финского фронта. Первая крупная военная кампания Красной армии самым жалким образом проваливалась, несмотря на свежие силы и технику, перебрасываемые в районы боевых действий. Заголовки западных газет на все лады трубили об успехах финнов и потерях русских, а 31 декабря 1939 года германский Генеральный штаб выступил с оценкой действий своего союзника: «В количественном отношении — гигантская военная машина... Организация, оснащение и методы руководства войсками неудовлетворительны, принципы руководства сами по себе верны, однако же руководители слишком молоды и неопытны. Система связи плохая, транспортная система плохая, войска не следуют принципу единообразия; нет личностей — простые солдаты слишком благодушны, довольствуются малым. Боевые качества войск в тяжелых сражениях сомнительны. Русская «масса» не может рассматриваться в качестве серьезного противника для армии с современным оснащением и лучшим руководством». Ввиду явной неспособности западных держав достичь принципиального согласия относительно ввода войск в Скандинавию с целью защиты шведской железной руды и портов Норвегии и тупика, в котором русские оказались в Финляндии, гитлеровские военачальники стали настаивать на немедленных действиях. 13 января 1940 года Гитлер приказал военной комиссии проработать вопрос о возможности проведения военной операции на севере с целью захвата норвежских портов Нарвик и Тронхейм и их дальнейшего использования в качестве баз для подводного флота под командованием адмирала Карла Дёница. Работа комиссии, получившая кодовое название «Изыскание Н», знаменовала собой начало так называемых «Учений на Везере» — нападения на Норвегию и Данию 9 апреля 1940 года.

Тем временем западные державы оказывали давление на Финляндию, настоятельно требуя принять помощь. Великобритания была готова взять под свой контроль норвежские порты и шведские горнодобывающие предприятия и сталелитейные заводы, одновременно с этим послал в Финляндию по меньшей мере одну бригаду войск. Это, по словам генерала Эдмунда Айрон-сайда, начальника Имперского Генерального штаба,

оправдало бы присутствие войск союзников в Скандинавии. Районы с горнодобывающими предприятиями, а также города Берген и Ставангер следовало оккупировать не позднее 20 марта с тем, чтобы опередить Гитлера. Айронсайд отстаивал идею использования для этих целей по меньшей мере пяти дивизий совместно с двумя эскадрильями бомбардировщиков и двумя эскадрильями истребителей. Ссылки на нейтралитет Норвегии и Швеции не нашли отклика даже после того, как представители Швеции заметили, что немецкие бомбардировщики успеют уничтожить большинство их городов до того, как союзники смогут ввести дополнительные силы. «Когда великие державы воюют, малые страны не могут позволить себе проявлять героизм», — заявили они.

В условиях подобного развития событий Сталин понимал, что необходимо любой ценой поставить Финляндию на колени. Советский лидер произвел перестановки во всем командовании воюющих в Финляндии армий; многие командиры были расстреляны, другие — заменены. Маршал К.Е. Ворошилов, народный комиссар обороны, был понижен в должности и занял пост заместителя председателя Совета обороны. Маршал С. К. Тимошенко, принимавший в сентябре участие в оккупации Польши и занимавший к тому времени должность командующего Северо-Кавказским, Харьковским и Киевским военными округами, стал командующим войсками Северо-Западного фронта и занял пост народного комиссара обороны. В частности, на него возлагалась ответственность за прорыв обороны на Карельском перешейке. Бывший командующий всеми силами в Финляндии генерал Мерецков был смещен со своего поста и стал всего лишь командующим 7-й армией в западной части Карельского перешейка. Бывшего полковника артиллерии царской армии, а теперь генерала Красной армии В.Д. Грендаля, чей отец был шведом, а мать финкой, назначили командующим 13-й армией, которую предполагалось дислоцировать в восточной части перешейка.

Как и предвидел маршал Маннергейм, русские выбрали местом прорыва участок к востоку от деревни Сумма на западе Карельского перешейка. Здесь находились большие открытые поля, и противник мог сосредоточить на них крупные силы танков и пехоты. Даже снежные заносы не должны были помешать танкам прорвать финскую оборону. Планы Тимошенко были тщательно разработаны. Большое количество дополнительных дивизий было переброшено в западную часть перешейка, а 13-я армия пополнила силы русских в восточной части. Пока шли эти приготовления, русские непрерывно наносили слабые удары с целью измотать и без того уставших финнов. Тяжелая артиллерия вела постоянные обстрелы финских позиций, к началу февраля Тимошенко сконцентрировал 25 дивизий для прорыва линии Маннергейма.

В тот же период Сталин, по словам Хрущева, скрежетал в Москве зубами в ожидании сообщений о том, что его «моторы» уладили дело раз и навсегда. «В бой были брошены наши воздушные силы. Было разрушено много мостов. Уничтожались железнодорожные составы». После этого Сталин заметил: «У финнов остались только лыжи. В лыжах у них никогда не было недостатка».

1 февраля 1940 года массированные бомбардировки советскими военно-воздушными силами тыловых частей финнов ознаменовали начало конца для упорствующих финнов. Для наступления были сконцентрированы силы Красной армии общей численностью 600 тысяч человек, в том числе и испытанные в боях части Тимошенко с Украины. Огромное количество артиллерийских орудий должно было обрушить лавину стали и огня на линию Маннергейма. За одни сутки не менее 300 тысяч снарядов было выпущено по позициям финнов в районе деревни Сумма. Это был самый массированный артиллерийский обстрел со времени обстрела немцами французов под Верденом в Первую мировую войну. Концентрация артиллерийских стволов была настолько высока, что русские прибегли к редко используемой тактике огневого вала. Они просто то усиливали, то уменьшали интенсивность обстрела, не перенося огня. Летчики финских самолетов-разведчиков докладывали, что на одном из участков перед деревней Сумма шириной примерно в 1,3

мили 104 батареи противника своими 440 орудиями вели обстрел финнов, имевших всего 16 батарей. Финская артиллерия значительно уступала русской по калибру и дальности стрельбы. К тому же у финнов быстро заканчивались боеприпасы.

На участках у озера Хатъялахти и озера Муола на полосе шириной в 16 миль русские бросили в наступление 16 дивизий и 500 самолетов. Пехота противника под прикрытием дымовых завес и при поддержке 28- и 45-тонных танков наступала полными составами полков и батальонов. Они накатывались огромными волнами, подвергая суровому испытанию оборону финнов, и иногда проникали в глубь нее. Но финны ночными контратаками отбрасывали противника назад. Так продолжалось день за днем, и свежие силы русских шли по трупам своих предшественников, погибавших целыми дивизиями. Судя по действиям артиллерии, скоординированным с действиями пехоты, становилось очевидным, что русским удалось наладить взаимодействие между различными родами войск. Тем не менее спустя неделю на основных участках обороны линия Маннергейма нигде не была прорвана. Но финские солдаты, не имевшие замены, были крайне измотаны. Хуже того, у них были на исходе боеприпасы; для захваченного у русских вооружения требовались свои боеприпасы, а их не было.

6 февраля началось решающее наступление русских.

Три дивизии при поддержке 150 танков пошли в атаку на 5-мильном участке фронта, а 200 самолетов бомбили линию обороны финнов. Но первоначальный успех противника оказался весьма незначительным, потери же были огромными, финские пулеметы с долговременных огневых сооружений буквально косили ряды наступающих. Тысячи убитых русских лежали перед финскими блиндажами, и свежие силы шли в атаку по замерзшим трупам. В Красной армии было не принято считаться с потерями, поэтому командование не мучили угрызения совести за ошибки при столь безжалостном способе ведения боевых действий. В тот же день из строя было выведено 50 русских танков.

7 февраля войска противника проникли в район Муолы и тогда же дважды нанесли удары по Сумме.

На следующий день свежие силы русских вновь атаковали 3-ю дивизию и расширили фронт наступления до участка, обороняемого силами 2-й дивизии, а в дальнейшем нанесли удар и по 4-й дивизии.

К 11 февраля Красная армия вела бои со всеми силами 2-го армейского корпуса, предпринимались попытки обойти финнов с флангов в районе Финского залива и на Ладожском озере, которое по льду пересекали крупные силы танков, пехоты и кавалерии. В 8.20 утра начался самый мощный артиллерийский обстрел за всю Зимнюю войну. 100 батарей буквально разметали оборонительные позиции финнов. Пулеметные гнезда исчезли, все было превращено в руины.

Обороняющиеся храбро сражались, но не могли преградить путь перекатывающимся через их траншеи танкам, вслед за которыми в прорыв устремлялась пехота.

Значительно ослабленные силы финнов были не способны контратаковать. Многие из них так устали, что даже шум моторов русских танков не мог их разбудить. Потери были очень тяжелыми. Ответные удары с целью закрытия образовавшейся у Лёхде брешки продолжались всю ночь до раннего утра, но в предрассветные часы русские вновь обрушили удары на Сумма—Суоканта и Лёхде. Сражение длилось весь день, теперь в ряды обороняющихся влились даже интенданты и повара. В большинстве финских батальонов осталось от половины до одной трети их численного состава.

Неподготовленные и неопытные новобранцы и пожилые люди из отрядов национальной гвардии направлялись прямо на фронт и сразу вступали в бой. Для новичков непосредственное столкновение с противником, как правило, имело катастрофические последствия, поэтому эти силы несли огромные потери. Русские имели возможность на смену убитым и раненым бросать в бой свежие силы, финнам же, в конце концов, стало нечем заменить погибших.

В создавшемся тяжелом положении на линии Маннергейма все имеющиеся к северу от Ладожского озера и в Лапландии войска были переброшены на Карельский перешеек. Ввиду явной невозможности стабилизировать положение в районе Лёхде маршал Маннергейм лично прибыл 14 февраля в район военных действий для изучения ситуации. Он решил, что старые оборонительные позиции на Карельском перешейке следует оставить. Финнам предстояло отойти назад на более слабые, разветвленные оборонительные позиции на расстояние от 2 до 10 миль.

Русские не предприняли никаких попыток преследовать финнов; отход остался практически незамеченным. На отдельных участках после массированного артиллерийского обстрела они приближались к финским траншеям и находили их опустевшими. На одном из участков ликующие русские забрались на крышу того, что осталось от финского блиндажа, и водрузили там советский флаг. Один из разозлившись финских солдат расстрелял находившихся наверху из автомата, запрыгнул на крышу блиндажа и сбросил флаг на землю.

И тем не менее русские продвигались вперед. Недавно назначенному народному комиссару можно было сообщать хорошие новости, хотя по непонятным причинам оказалось сложно убедить Москву в том, что штурм Красной армией линии Маннергейма проходит успешно. Главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов пишет в своих воспоминаниях:

«15 февраля ураган наших бомб и снарядов обрушился на деревню Сумма. Я находился на передовом наблюдательном посту. После того как артиллерия перенесла огонь на требуемую глубину, танки и пехота одновременно пошли в атаку. На этот раз противник не выдержал натиска. Ему грозил охват с флангов, и он начал отступать.

Опорный пункт пал на моих глазах. По возвращении на командный пункт 7-й армии я стал свидетелем телефонного разговора Мерецкова с народным комиссаром обороны. Никто в Москве не верил, что наши войска захватили Сумму. Увидев меня, Мерецков произнес:

— Товарищ народный комиссар, только что пришел Воронов. Он все видел своими глазами.

Я подробно доложил народному комиссару о ходе сражения. Тем не менее он трижды переспросил меня, правда ли, что опорный пункт был взят.

Наконец его раздраженный тон стал дружелюбным и ласковым. Нарком пожелал войскам успешно завершить это наступление».

Финны начали отход со своих основных оборонительных позиций в западной части Карельского перешейка 16 февраля. Массированные бомбардировки русских в тылу уничтожили дороги. Для прохождения техники быстро прокладывались новые дороги. Что же касается солдат, то в этом районе было столько песка и обломков, что многие не могли передвигаться, даже на лыжах. Через воронки, иногда достигавшие в глубину 10, а в ширину 45 футов (что соответствовало ширине проселочной дороги), приходилось перебрасывать мосты. Когда наконец удавалось двинуться дальше, в тылу оставались небольшие отряды для нанесения беспокоящих ударов по наступающим русским войскам. Отступление стало причиной срочной перетряски финского командования. 19 февраля генерал-лейтенант Эрик Хейнрикс, известный ученый, крупный военный специалист и опытный дипломат, был назначен командующим всеми войсками на Карельском перешейке, сменив на этом посту генерала Эстермана, чья жена Марга получила увечья во время бомбежки; сам Эстерман тоже сослался на болезнь, вызванную тяготами командования на Карельском перешейке. Хейнрикса на посту командующего 2-м армейским корпусом сменил недавно получивший повышение в звании генерал-майор Талвела. Обороняющий западную часть Карельского перешейка 2-й армейский корпус был разделен на две части; командиром вновь создаваемого 1-го армейского корпуса стал генерал-майор Лаатикайнен.

С отходом финнов на новые временные оборонительные позиции русские стали воевать, чувствуя себя победителями. Для них, что там ни говори, война закончилась. Но она не закончилась для финнов, продолжавших сопротивляться.

У Мюсталампи финны уничтожили батальон и пять танков противника. За период с 20 по 22 февраля было убито 800 русских и захвачено 29 имевшихся у них пулеметов; в Салменкайта русские потеряли 400 человек и 15 пулеметов. С 20 по 24 февраля 1-я дивизия финнов уничтожила 18 танков и захватила 38 пулеметов и около 280 винтовок. В среднем ежедневно уничтожалось от 10 до 30 советских танков. Оптимисты среди финнов стали поговаривать, что противник, вероятно, потерял все свои танки; кое-кто осмеливался утверждать, что русские вскоре запросят мира.

Но тем не менее финны продолжали отходить. Линия фронта напоминала собой дырявую корзину, и то тут, то там появлялись все новые и новые дыры, которые уже невозможно было залатать. Иногда танки отваживались вторгаться за линию обороны финнов без поддержки пехоты. Но, оказавшись там, не знали, что делать; они понимали: с наступлением темноты «смерть постучит в их бронированные двери». Если русским приходилось оставаться на ночь в танках, они занимали круговую оборону и периодически открывали огонь во всех направлениях.

До 18 февраля узкий морской залив у Виипури обороняли два батальона моряков. Теперь этот участок был передан армии перешейка. Сюда были переброшены дополнительные силы из Лапландии, и 28 февраля был организован так называемый береговой сектор обороны Виипури под командованием генерал-майора Вал-лениуса. Яростные бои продолжались на временных и промежуточных оборонительных позициях в период между 17 и 26 февраля, все атаки противника были отбиты, за исключением одной, в районе озера Нёюкки, где противнику удалось прорваться. Недавно сформированная 23-я дивизия, состоящая в основном из пожилых резервистов, оказалась в чрезвычайно трудном положении. Русские вновь вышли на лед и стали угрожать правому флангу финнов, несмотря на попытки тех не дать замерзнуть водяным «противотанковым рвам». В такие холода это было делом безнадежным. 22 февраля противник уже атаковал острова Уураа в Выборгском заливе, а находящиеся в Койвисто финны начали отходить по льду к западному берегу залива. Противник продолжал развивать свой успех в районе прорыва у озера Нёюкки, и финны были вынуждены покинуть свои наскоро подготовленные позиции и отойти назад. Во многих боях на островах у Виипури финны сражались до последнего солдата. Всего лишь несколько человек смогли добраться в темноте до своих. 26 февраля финны решились на отчаянную попытку использовать свои танки на поле сражения. 13 легких танков «викерс», носивших громкое название — 4-я отдельная танковая рота, получили приказ поддержать 3-й пехотный батальон в контратаке против русских, прорвавших линию обороны между Хонканиemi и Нёюккиярви.

Атака началась в 6.30 утра, но лишь одной роте 3-го батальона удалось продвинуться вперед; две другие, понеся с самого начала тяжелые потери, были вынуждены остановиться. Всего лишь 7 финских танков сохраняли боеспособность.

К 9.00 контратака финнов захлебнулась окончательно. Прорвать оборону крупных сил пехоты русских, имевших большое количество танков и противотанковых орудий, им оказалось не по силам. 3 финских танка отважно проделали весь путь до позиций русских, где их подбили. Атака закончилась полным провалом.

Два дня спустя на Карельском перешейке финны стали свидетелями трагедии русских. Противник провел массированную артиллерийскую подготовку, и финны ожидали неминуемой атаки. Но ее не последовало. Впоследствии один из финских офицеров так описывал то, что произошло:

«Весь день мы слышали голоса, доносившиеся с нейтральной полосы. В них слышалась мука, мы заметили нескольких русских, ползающих по земле, и вдруг голоса стихли (финны открыли огонь из орудий и минометов]. Вскоре единственный голос прокричал: «Сталин, Сталин, Сталин!» Это прозвучало зловеще в ночи, чью тишину не нарушали

никакие другие звуки. Стало ясно, что русский солдат запутался в наших проволочных заграждениях, и мы решили, что, если товарищи придут ему на выручку, мы им позволим помочь ему. Но никто не пришел. Мы не хотели посылать своих людей, прозвучала короткая пулеметная очередь, и крики прекратились».

Следующей ночью два финских патруля отправились обследовать этот участок, но обнаружили только убитых русских. С наступлением дня удалось получить ответ на вопрос, что же на самом деле произошло после того, как финские патрули снова побывали на этом участке и подтвердили доклад ночного патруля. Два акра земли были буквально усеяны лежащими бок о бок телами 400 человек. У многих в руках были куски хлеба, свидетельствующие о том, что люди погибли во время приема пищи. Теперь стало ясно, что в ночь на 28 февраля огонь артиллерии противника был сосредоточен на 1 километр ближе и пришелся не по финским позициям, а накрыл свой батальон, недавно прибывший на фронт. Войска находились всего в 200 метрах от финских позиций и готовились начать окружение, но во время двухчасовой артиллерийской подготовки весь батальон до последнего человека погиб. На своем месте был даже обнаружен артиллерийский наблюдатель, сжимавший в руках карту и телефонную трубку. По всей видимости, он погиб под обстрелом раньше остальных и не успел сообщить на батарее об их ошибке. Огонь велся из 16- и 18-дюймовых орудий — самых мощных на фронте. Одно из тел было разорвано пополам, и его верхняя часть лежала на шее другого убитого, они находились в вертикальном положении. У убитого подполковника на коленях лежали хлеб и коробка консервов, рядом валялась бутылка водки.

Из поступивших позднее сведений выяснилось, что батальон русских был сформирован из недавних выпускников Ленинградской школы сержантского состава, которые, по всей видимости, еще пару дней назад обедали в Ленинграде. Большинство солдат были в возрасте 22—23 лет, выглядели они довольно хорошо, и на всех было новое обмундирование из шерстяной ткани, новое байковое нижнее белье. Лица у них были чистыми, выбритыми, и никаких следов обморожений.

Один из финских офицеров, ставший свидетелем этой сцены, рассказывал: «Планшеты русских были набиты картами и документами. Мы нашли напечатанные копии схем финских оборонительных позиций, где было отмечено каждое пулеметное гнездо, блиндаж и траншея. Красные стрелки указывали направление планируемого наступления... Падал слабый снег, но противник вел себя тихо. С небольшими перерывами всего лишь несколько мин пролетели у нас над головами».

Интендантская служба, используя запряженные лошадьми сани, весь день занималась сбором оставшихся от батальона трофеев. Первые сани доставили 12 новых пулеметов. Они были выкрашены белой краской, и почти на всех сохранилась заводская смазка. Кроме того, здесь оказались винтовки, еще несколько пулеметов и все необходимое батальону в бою снаряжение. Пистолеты не стали грузить в сани, ибо финны клали себе в карманы это столь необходимое им оружие.

У погибших было при себе необычайно большое количество бумажных денег и мелочи. К вечеру стены почти всех финских траншей были облеплены русскими банкнотами, большая часть которых потом оказалась в грязи на дне траншей.

Советский генерал-майор Минюк хвастал в журнале «Огонек» от 25 февраля 1941 года: «Прорыв линии Маннергейма занимает одно из самых заметных мест в истории войн с точки зрения воинской доблести, боеспособности и тактики ведения боевых действий. Сложные условия местности, леса, болота, озера, добавлявшие прочности этой линии обороны, делали ее мощнее любого другого оборонительного сооружения в Европе. Доблестная Красная армия первой в истории смогла совершить прорыв такого оборонительного сооружения. Это несомненная заслуга Красной армии».

Глава 15. ТРУДНОЕ РЕШЕНИЕ

Финны были измотаны. Ряды обороняющихся поредели, потеряв за последний месяц 30 тысяч человек. Положение с артиллерией было настолько катастрофическим, что орудия приходилось перебрасывать с одного участка на другой. Из-за нехватки боеприпасов 2-й армейский корпус, принявший на себя основной удар, мог позволить себе всего лишь по два-три выстрела на орудие. Существовали приказы, предписывающие обороняющимся войскам обращаться за артиллерийской поддержкой, если только целью являлось подразделение численностью не менее батальона. В таких условиях превосходящие силы противника не испытывали трудностей в обнаружении слабых мест в обороне финнов. По сути, вся оборона была слабым местом, и русским оставалось лишь бросать в прорыв свои нескончаемые свежие силы.

Даже уже в ходе отступления финнов с занимаемых позиций в западной части Карельского перешейка дивизии противника, оккупировав Тейкарсаари и Туппура, начали 2 марта наступление через Выборгский залив, и им удалось захватить плацдарм в районе Хёрёнпяя и Виланиеми. Поначалу финны успешно отбивали атаки, но к 6 марта этот район полностью оказался в руках русских. Правда, с переброской финнами на этот участок подкрепления с других фронтов исчезала прямая угроза того, что русские перережут дороги, ведущие от города Виипури на запад.

Тяжелые бои шли теперь в районе Тали, где противник 8 марта успешно прорвал слабую оборону и форсировал реку Тали. Вокруг Vuosalmi русским удалось закрепиться на восточном берегу реки Vuoksa.

Несмотря на эти неудачи, ни на одном из фронтов на Карельском перешейке среди финнов не наблюдалось ни паники, ни хаоса. Тем не менее штаб маршала Маннергейма планировал отход вглубь, вплоть до линии Луумяки. К тому времени уже шли мирные переговоры, и финны рассчитывали, что дислокация их войск в более безопасном месте даст им дополнительные преимущества при обсуждении условий заключения мира. Измотанные финские войска продолжали держаться и в районе Виипури.

Тем временем маршал Маннергейм и Совет обороны неустанно напоминали финскому правительству о катастрофической нехватке людей и оружия. Приоритетным, по мнению маршала, было заключение мира, а уже во вторую очередь следовало принять помощь из Швеции, и как можно скорее. В качестве последнего средства Финляндии следует принять помощь от западных союзников, пусть даже, как стало теперь известно, помощь Финляндии рассматривается ими как второстепенная по важности задача. Мнения членов финского кабинета министров относительно того, что следует делать, разделились. Всего лишь неделю назад Франция поставила Финляндию в известность о том, что войска численностью 50 тысяч человек готовы к отправке. Еще 50 тысяч человек готовы к отправке в Великобританию. 12 марта Чемберлен и Даладьё заявили: «Мы ожидаем от Финляндии обращения. Как только нам станет известно, что наша позиция согласуется с просьбой и желаниями финского правительства, мы пошлем войска».

Но финны были настроены скептически. Они предполагали, что из 100 тысяч человек британских и французских войск лишь небольшая их часть попадет в Финляндию, тогда как основная масса останется для защиты стратегически важных районов Скандинавии от готовящегося нападения немцев.

Первые предложенные Францией ударные силы должны были включать в себя одну французскую горно-стрелковую бригаду, одну польскую бригаду и два батальона из Французского иностранного легиона. Британцы, предполагающие первыми высадиться в Нарвике и Тронхейме, должны прислать 42-ю и 44-ю дивизии. А не окажутся ли эти войска, попав в дикую северную местность, в столь же бедственном положении, как русские? Самолеты и летчики, пожалуй, не будут испытывать трудностей, ибо им не придется сталкиваться со снежными заносами и непроходимыми лесами, где предстоит действовать сухопутным войскам. Помимо горючего и технического обслуживания им не

потребуется никакой иной особой системы снабжения, а принимая во внимание большую концентрацию советских войск, даже всего несколько эскадрилий окажутся весьма полезны. К сожалению, достаточного количества самолетов финнам не было предложено. Были и другие соображения. Если финны примут помощь Запада и отвергнут предложения Москвы об урегулировании, весь Скандинавский полуостров станет крупным театром военных действий, грозящих перерасти в глобальный конфликт, если Германия выступит на стороне России. Положение в мире радикальным образом изменится в случае начала борьбы альянса нацистов с Советами против западных союзников на фронте, простирающемся от Заполярного круга до Средиземноморья и даже далее. Особое стремление к превращению локального конфликта на севере в часть более крупного по масштабам военного противостояния проявляла Франция. Многие финны понимали, что помощь им предлагают отнюдь не за красивые глаза.

Чем более щедрыми становились обещания помощи, тем сильнее были сомнения, стоит ли ее вообще принимать, ибо дальнейшие непредсказуемые последствия сейчас казались куда большим злом, чем предлагаемые русскими условия.

Но союзники продолжали уговаривать финнов не принимать условий Москвы. Они обещали оказать давление на Швецию и Норвегию с тем, чтобы эти страны дали разрешение на транзит войск через свою территорию, но общественное мнение крайне негативно отреагировало на это. В случае согласия на транзит Норвегия и Швеция окажутся втянутыми в войну, и кто знает, не станут ли они впоследствии обвинять в этом Финляндию. Не зададут ли они вопрос: «Неужели для сохранения своей независимости Финляндии так уж необходимы были города Виипури и Сортавала?»

Столь тяжелое решение было бы трудно принять любому правительству, особенно учитывая жертвы, на которые пришлось бы обречь свой народ. Должна ли Финляндия стать союзницей Запада или ей следует уступить требованиям с Востока?

Положение еще более усложнилось, когда бывший президент Финляндии П.Е. Свинхувуд в сопровождении двух человек отправился по собственной инициативе с миссией в Берлин. Не поставив в известность правительство, он призывал Гитлера использовать свое влияние для получения Финляндией достойных условий мира. Затем он отправился в Рим, чтобы просить о том же Муссолини. Его миссия закончилась полным провалом, поставив в весьма щекотливое положение членов финского кабинета министров.

Казалось, каждому есть что сказать о войне: как ее продолжать либо как ее закончить. Германия советовала Финляндии пойти на уступки и сдать Советам. Посол Германии в Хельсинки Вигерт фон Блюхер отрицал, что Германия оказывает помощь России, и намекал на возможность организации встречи участников переговоров в Берлине для преодоления разногласий и выработки взаимоприемлемого решения. Это предложение финны отклонили. Дело не сдвигалось с мертвой точки, Германия грозила расширением военного конфликта на весь Скандинавский полуостров, если Финляндия примет помощь союзников.

Союзники, обещавшие всякую помощь Финляндии, были теперь готовы препятствовать отправке из Швеции и с юга России грузов с рудой для Германии.

Финны обратились к Швеции с просьбой выступить в качестве посредника на их переговорах с русскими. Они были готовы уступить Ханко, если только это принесет мир, но условия русских были, как всегда, очень жесткими, и финны считали их для себя неприемлемыми. Но что им оставалось делать?

Комиссия по иностранным делам кабинета министров еще раз задала Швеции вопрос, разрешит ли она транзит в Финляндию войскам западных союзников. Маршал Маннергейм обратился к Соединенным Штатам с просьбой выступить в роли посредника, поскольку Швеция, похоже, не собиралась нарушать свой нейтралитет. Он также дал понять, что России могут быть предложены территории на севере и на Аландских островах взамен южной части Финляндии. Эти предложения также «ушли в песок».

5 марта стало крайним сроком для принятия финнами решения. Да, их положение на фронте было критическим, но при наличии 12 новых французских и 50 британских бомбардировщиков, готовых к взлету, возможно, им удалось бы продержаться немного дольше. В этих условиях Стокгольм вновь уведомил Хельсинки, что кабинет министров единогласно проголосовал за отказ пропустить через территорию Швеции войска союзников. Если будет предпринята такая попытка, все железные и автомобильные дороги окажутся в непригодном для движения состоянии. Это последнее слово не оставляло финнам выбора.

6 марта 1940 года финская делегация, возглавляемая премьер-министром Рюти, вылетела в Стокгольм и на следующий день прибыла в Москву. В состав делегации входили участник довоенных переговоров Юхо Кусти Паасикиви, а также генерал Рудольф Валден и посланник Вяйнё Войонмаа. Посол Германии Блюхер впоследствии писал: «В тот момент [когда Финляндия пыталась решить, принимать ей помощь или нет] судьба всего мира находилась в руках премьера Рюти. Расстановка крупных политических сил и дальнейшее направление движения всего исторического процесса зависели от решения Рюти».

Президент Каллио, утверждая своей подписью полномочия делегации на мирных переговорах, привел цитату из Библии: «Горе праздному пастырю, бросающему на произвол судьбы свое стадо! Да постигнет возмездие руку его и глаз правый: и пусть отсохнет рука его, и пусть перестанет видеть глаз его».

Сталин не принимал участия в переговорах, в остальном мало чем отличавшихся от довоенных: поездки в Кремль по темным холодным улицам, часто после полуночи, неусыпное наблюдение тайных агентов и еще более жесткие требования, предъявляемые старающимся сохранять достоинство и спокойствие ищущим мира финнам. С ними встречались Молотов, Жданов и генерал Васильев. Финны сочли плохим предзнаменованием присутствие на переговорах Жданова, который был непреклонен в своем требовании переноса границы дальше от Ленинграда еще со времени ранних пропагандистских выступлений. Но утешало их отсутствие на переговорах Куусинена. Вновь начались уже знакомые территориальные споры. Понадобились оказавшиеся бесплодными бессонные круглосуточные упражнения финских членов делегации в красноречии, прежде чем было достигнуто соглашение о прекращении огня.

Тем временем на фронте не было возможности узнать, когда же наконец спор будет улажен, и находящимся там не оставалось ничего иного, как продолжать сражаться.

Глава 16. ЧУДО В КОЛЛАА

В Коллаа никто и не помышлял о мире. Одиночество и страшная усталость вселяли такое уныние в каждого разбросанного по этой дикой местности солдата, что их мало заботило происходящее в мире. Они лишь знали, что должны держаться. Стараясь противостоять новому наступлению крупных сил русских, измотанные финны оборонялись почти с фанатичным упорством. В последние дни к северу от Ладожского озера на территории площадью 100 квадратных километров находилось не менее 12 русских дивизий численностью 160 тысяч человек. Им противостояли такие люди, как командир прикомандированного к 34-му пехотному полку батальона капитан Карл фон Хартман — красивый, с моноклем в глазу, лощеный солдат удачи, еще совсем недавно сражавшийся с войсками Франко в Испании. Из-за старого ранения одна нога у него была короче другой, и потому ходьбе на лыжах он предпочитал вкусную еду. Его командный пункт стал знаменит витающими над ним запахами соуса для спагетти и чеснока. Под началом фон Хартмана служил любивший выпить, неунывающий лейтенант Аарне Юутилайнен, носивший прозвище Гроза Марокко за свои заслуги во Французском иностранном легионе.

Были здесь и такие, как Симо Хейя, снайпер 6-й роты, ежедневно ходивший «охотиться на русских». До войны Симо был простым фермером, но шкафы в его доме ломались от призов, полученных на соревнованиях по стрельбе. Во время войны он стал самым знаменитым снайпером в финской армии. Вечерами он обычно чистил свою винтовку, и от него редко можно было дождаться хоть слова. Он один уничтожил более 500 русских, но впоследствии был тяжело ранен.

О том времени фон Хартман отзывался так: «Вести в бой финский батальон вовсе не трудно. Ты знаешь, что у тебя есть горстка людей, которые временами способны творить настоящие чудеса».

Кое у кого из призывников были стальные нервы. Фон Хартман описывает случай, когда он во время массированного артиллерийского обстрела русских покинул палатку, чтобы выяснить, откуда доносится загадочный звук, который все слышали в промежутках между разрывами снарядов. Это был ритмичный свистящий звук, и всех разбирало любопытство.

«Едва я преодолел отделяющее палатку от леса пространство, я увидел рядового Калле Питкянена, который спокойно пилил дрова. Я крикнул: «Какого черта ты в такое время пилишь дрова? Разве ты не слышишь, что русские ведут обстрел?» Питкянен поднял на меня глаза и задумался. «Ладно, как вам будет угодно». Он приставил пилу к поленице дров, взял топор и принялся рубить поленья. Я не знал, смеяться мне или плакать.

Наконец я сказал: «Оставь-ка топор и пойдем ко мне в палатку, выпьем кофе».

Теперь, когда полки русских наступали, чтобы ударить в тыл защитникам Коллаа, несколько их танковых дивизий теснили финнов в районе Улисмайненских болот, пытаясь перерезать дорогу между Саариярви и Уомаа. С каждой минутой возрастала угроза окружения. Коллаа держался из последних сил.

Но командир дивизии Антеро Свенссон, всегда оптимистически настроенный полный блондин, ни на секунду не терял спокойствия. Он, как и все остальные защитники Коллаа, свято верил, что Коллаа не суждено пасть. Даже когда положение много раз казалось безнадежным, финнам каким-то образом удавалось получить помощь и к вечеру линию обороны восстанавливали. Но сейчас оставалось слишком мало людей; в качестве подкрепления присылали пожилых призывников. И под смертоносным артиллерийским огнем противника эти немолодые люди гибли практически ежедневно, порой даже не успевая добраться до позиций.

Защитники Коллаа не переставали просить генерала Хегглунда о помощи. По их словам, им для запланированной контратаки нужна была еще хотя бы одна рота. Наконец Хегглунд сообщил, что обороняющие Улисмайнен войска будут переброшены в Коллаа, как только выполнят возложенную на них задачу. Но когда бои у Улисмайнена закончились, в роте оставалось всего несколько человек, и эти жалкие остатки присоединились к небольшим силам финнов, по-прежнему верящих в чудесное спасение Коллаа.

Они ждали современных артиллерийских орудий и боеприпасов, но получили всего лишь две французские 3,5-дюймовые пушки образца 1871 года. Из них не удавалось произвести выстрела с помощью электрического взрывателя даже после трех-четырёх попыток. В конце концов солдаты были вынуждены вручную засыпать порох, заряжать снаряд и стрелять, причем снаряды взрывались в опасной близости от своих же войск. Прицелы были такими старыми, что приходилось просто наводить стволы этих двух антикварных образцов на восток.

Внезапно с линии фронта поползли слухи о прекращении огня, и теперь защитникам Коллаа впервые стало понятно, что помощь из-за рубежа не придет. Но что же случилось с огромной армией союзников? Мир хочет, чтобы мы сражались в одиночку, решили солдаты, и пусть наградой мужественным финнам станут аплодисменты.

Первая контратака финнов не имела успеха. Пехота была уничтожена. Оставшиеся несколько человек не смогли приблизиться на достаточное для броска гранат расстояние.

Отдав последние силы, они погибли под огнем русских. Нервы тех, кто уцелел, были на пределе.

Базу номер 4 пришлось сдать. Пришлось оставить и носивший громкое название «холм убийц» на севере, где целый полк русских численностью 4 тысячи человек атаковал взвод финнов численностью 32 человека. Старшему лейтенанту Мякипя и его посыльному не оставалось ничего другого, как покинуть артиллерийский наблюдательный пункт, откуда они еще в декабре начали корректировать огонь своей слабой артиллерии, потому что десятки русских ползком окружали холм. Лишь благодаря чистой случайности и нескольким удачным броскам гранат им удалось ускользнуть со своей позиции.

Странно, но оставшиеся в живых финны не теряли веры. Вуоренсола увел свою роту из Улисмайнена к холму, где они сражались раньше. Положение удалось немного поправить, но затем финны понесли тяжелые потери, и всего лишь несколько человек смогли вернуться под покровом ночи. Все считали, что командир роты и остальные солдаты погибли.

На следующий день еще один командир роты, молодой лейтенант, которому был всего 21 год, вернулся с единственным солдатом — это было все, что осталось от его роты. И наконец, два старых, испытанных в боях защитника Коллаа, Сало и Карккайнен, сумели добраться до своих. Ходили слухи, что погиб даже знаменитый гимнаст, участник Олимпийских игр Маки Уосиккинен.

Финны были больше не способны заделать бреши в своей обороне, слишком многие погибли, совершая свои подвиги.

На командном пункте командир роты при свете тусклой лампы рассматривал карту. Огонь в печи давно погас. Офицер толкнул лежащего у печи солдата, казавшегося спящим. Но солдат давно умер от ран. На кроватях стонали несколько раненых. В противоположном углу на двух топчанах штабелями лежали тела убитых. В центре блиндажа несколько человек крепко держали двух сошедших с ума солдат. При каждом разрыве снарядов на крыше блиндажа те начинали кричать, а затем бормотать бессвязные фразы. Крики раненых, последние вздохи умирающих смешивались с дикими воплями сумасшедших. Свет погас, и офицер принялся судорожно искать свой фонарь. Из офицеров он остался один, и теперь его обязанностью было разработать план контрнаступления.

Командир взвода, отличившегося в боях в последние две недели, вдруг потерял над собой контроль. Он ворвался в блиндаж и уставился на офицера налитыми кровью глазами: «Сюда едет моя жена и везет с собой пулеметы. Мы всех их перебьем. Всех, до последнего человека. Едет моя жена и везет с собой пулеметы». Затем, оставив оружие и головной убор, он выбежал наружу и закричал: «Едет моя жена, едет моя жена и везет оружие!» В него попал осколок снаряда, и он затих.

Командный пункт финнов, расположенный всего в 40 метрах от блиндажа русских, напоминал собой тюрьму. Командир роты осмеливался покидать его лишь после того, как удавалось бросить в сторону русских несколько гранат, чтобы отвлечь их внимание. Вскоре полковник Пайяри, командовавший ранее войсками в боях у Толваярви, посетил полковника Свенссона в Коллаа. Пайяри обещал два своих лучших батальона, которые можно будет использовать для разгрома русских у Тсумейкка. После этого батальоны смогут остаться в Коллаа.

Батальоны действительно пришли через ледяную пустыню и рассеяли русских во всех направлениях. Но у них не было продуктов питания, они смертельно устали, и им требовался хотя бы день отдыха после боев.

Тем временем защитники Коллаа получили приказ отойти на несколько сотен метров. Сало и Карккайнен, занимавшие позицию у железной дороги, обсудили положение с лейтенантами Лейно и Лайне. Они закрепились здесь только сегодня вечером, 10 марта, и противник вел себя подозрительно тихо. Возможно, русские устали; все считали именно так. Прибыли резервисты для пополнения рядов обороняющихся. В последующие два дня

финны занимались разработкой плана общей контратаки, призванной нанести решающий удар по дивизии русских. Да, они будут атаковать.

Но в ночь на 12 марта вновь поползли казавшиеся вполне правдоподобными слухи о заключении мира. План командира дивизии так никогда и не был осуществлен.

Одиноким финский солдат понимал, что не должен засыпать. Его глаза должны неустанно следить за русскими, чтобы он мог сразу доложить об их действиях в роту. Он точно не знал, кого ему удастся поднять по тревоге, ибо в последние дни он почти не видел своих.

Он лишь знал, что свои находятся где-то поблизости, ведь он не видел, чтобы кто-то уходил. О том же сказал и лейтенант, когда его уносили на носилках.

«Они все умрут», — подумал солдат. Он тоже умрет.

Только вчера вечером кто-то упомянул о предстоящем контрнаступлении. Какой-то новый батальон должен выполнить эту работу. Прибыл целый батальон, и с русскими будет покончено раз и навсегда. Но где же этот батальон? Время приближалось к полудню.

Боже мой! Неужели они погибли по дороге?

Солдат закричал и слезящимися глазами посмотрел в сторону русских. Ему показалось, что он видит башни нескольких танков, но людей не было. Неужели его глаза обманывают его, как это уже не раз случалось ночами?

Он почувствовал, как от слабости подкашиваются затекшие ноги, он больше не мог стоять в своем окопе. Сейчас он видел, как к нему направляются убитые русские. Они были безоружны и улыбались. Солдат вдруг почувствовал, что теряет сознание.

Он очнулся оттого, что кто-то сильно тряс его. Над ним склонился незнакомый человек. У него было узкое, заросшее бородой лицо, в руках он держал русскую винтовку. Финн вдруг понял, что артиллерийский огонь прекратился.

— Я умер, и потому так тихо? — спросил он.

— Вставай, солдат. У нас теперь мир, — произнес человек.

— Коллаа не сдастся? — спросил финн. — Город должен удержаться. Пришел ли батальон? Будет контрнаступление?

— Сейчас мир. Огонь прекращен. Ты можешь уходить, — сказал человек.

— А где остальные?

— Никого не осталось.

Наконец до солдата дошло, что никто больше не стреляет. Но ему не верилось, что наступил мир. Он снова потерял сознание.

Придя в себя, солдат почувствовал, как кто-то кладет ему в рот кусок сахара, теперь вокруг были знакомые лица. Кое-кто лежал у обочины дороги, другие стояли на лыжах.

Видно, и в самом деле наступил мир. Стрельбы не было.

Но радости ни у кого на лицах не видно. Неужели что-то случилось?

Кто-то рассказал о невероятно жестких условиях мира, и солдату стало ясно, почему все так печально.

— Но как же так? — спросил он. — Мы в Коллаа не сдались. Коллаа выстоял.

Глава 17. ФИНЛЯНДИЯ В ТРАУРЕ

В Хельсинки и других финских городах флаги были приспущены. Люди ходили по улицам со слезами на глазах, кое-кто даже говорил, что самым приятным для слуха звуком сейчас была бы сирена воздушной тревоги. 13 марта 1940 года Финляндия была погружена в траур. Она скорбела о своих 25 тысячах погибших и 55 тысячах раненых; она горевала о материальных потерях, которые даже моральная победа, одержанная ценой стойкости и мужества ее солдат на полях сражений, не могла восполнить. Сейчас Финляндия была во власти России, и она снова прислушивалась к мнению великих держав. Прозвучали, например, страстные слова Уинстона Черчилля:

«Финляндия в одиночку — находясь в смертельной опасности, но сохраняя свое величие — демонстрирует, на что способны свободные люди. Услуга, оказанная Финляндией всему человечеству, неоценима... Мы не можем сказать, какой окажется судьба Финляндии, но нет ничего более прискорбного для всего цивилизованного мира, чем то, что этот прекрасный северный народ в конце концов должен погибнуть или, в результате ужасной несправедливости, попасть в рабскую зависимость, худшую, чем сама смерть». Министр иностранных дел Финляндии Вяйнё Таннер заявил: «Мир восстановлен, но что это за мир? Отныне наша страна будет продолжать жить, чувствуя свою ущербность».

Возвращались на лыжах домой с полей сражений солдаты, многие из них, потрясенные условиями мира, рыдали. Они едва держались на ногах от усталости, но по-прежнему считали себя непобежденными. Многих мучил вопрос, что они будут чувствовать, когда у них появится время отдохнуть и все обдумать.

Когда 14 марта члены участвовавшей в мирных переговорах делегации вернулись в Хельсинки, перед ними предстал безразличный ко всему город. Мир на таких условиях казался нереальным... ужасным.

В России, говорят, один из генералов заметил: «Мы отвоевали достаточно земли, чтобы похоронить наших погибших...»

У русских было достаточно времени для разработки своих планов, выбора времени и места для нападения, и они значительно превосходили по численности своего соседа. Но, как писал Хрущев, «...даже в таких наивыгоднейших условиях лишь с великим трудом и ценой огромных потерь мы смогли одержать победу. Победа такой ценой на самом деле была моральным поражением».

Из общего количества 1,5 миллиона человек, отправленных в Финляндию, потери СССР убитыми (по словам Хрущева) составили 1 миллион человек. Русские потеряли около 1000 самолетов, 2300 танков и бронемашин, а также огромное количество различного военного имущества, включая снаряжение, боеприпасы, лошадей, легковые и грузовые автомобили.

Потери Финляндии, хотя и несоизмеримо меньшие, были сокрушительными для 4-миллионного народа. Произойди нечто подобное в 1940 году в США с их населением более 130 миллионов, потери американцев всего за 105 дней составили бы 2,6 миллиона человек убитыми и ранеными.

В ходе обсуждения условий мирного договора Молотов заметил: «Поскольку кровь пролилась вопреки желанию советского правительства и не по вине России, территориальные уступки, предлагаемые Финляндией, должны быть значительно больше тех, что были предложены Россией на переговорах в Москве в октябре и ноябре 1939 года».

По условиям мирного договора к России отходили: второй по величине город Финляндии Виипури (ныне Выборг. — Ред.); крупнейший порт на Северном Ледовитом океане Петсамо; стратегически важный район полуострова Ханко; крупнейшее Ладожское озеро и весь Карельский перешеек — место проживания 12 процентов населения Финляндии. Финляндия отказывалась в пользу Советского Союза от своей территории общей площадью 22 тысячи квадратных километров. Кроме Виипури, она теряла такие важные порты, как Уурас, Койвисто, северную часть Ладожского озера и важный Сайменский канал. На эвакуацию населения и вывоз имущества давалось две недели; большую часть имущества пришлось оставить или уничтожить. Огромной утратой для экономики страны стала потеря лесной промышленности Карелии с ее отличными лесопильными, деревообрабатывающими и фанерными предприятиями. Финляндия также лишилась части предприятий химической, текстильной и сталелитейной промышленности. 10 процентов предприятий этих отраслей находились в долине реки Вуокса. Почти 100 электростанций достались победившему Советскому Союзу.

В своем радиообращении к народу Финляндии президент Каллио напомнил об остающихся у всех обязательствах перед семьями погибших, инвалидами войны и

другими жертвами, а также перед населением регионов, ставших теперь частью России. Людям, живущим на отходящих к СССР территориях, предоставлялось право самим решать, покидать им свои дома или оставаться и становиться гражданами Советского Союза.

Ни один финн не выбрал последнего, хотя подписанный мирный договор превратил **450 тысяч человек в нищих и бездомных**. Финское правительство реквизирировало для эвакуации беженцев все имеющиеся автомобили и создало условия для их временного проживания в других частях Финляндии. Многим из этих людей требовалась поддержка государства, так как более половины из них жили за счет сельского хозяйства; предстояло найти 40 тысяч ферм, и коллективная ответственность за это ложилась на плечи всего народа Финляндии. 28 июня 1940 года был принят Закон о чрезвычайном переселении, обеспечивающий права беженцев.

Вопрос о том, почему СССР подписал мирный договор, не имея серьезных намерений оккупировать Финляндию, обсуждался долгие годы уже после войны. Хрущев говорил, что Сталин проявил здесь политическую мудрость, ибо понимал, что «Финляндия вовсе не была нужна для мировой пролетарской революции».

Но колоссальные усилия финнов по защите своей страны, несомненно, сыграли не последнюю роль в принятии Сталиным решения отказаться от намеченных планов. Подчинить себе этот упрямый и враждебный народ, несомненно начавший бы партизанскую войну, способную продлиться неизвестно сколько, было задачей не из легких.

Если брать шире, то Сталин просто не отважился позволить конфликту на территории Финляндии перерасти в мировую войну, ибо в его намерения не входила война против союзников на стороне Германии. В условиях, когда граница Финляндии по-прежнему оставалась ненарушенной, а союзники готовились оказать ей помощь техникой и оружием, война вполне могла затянуться до весны, и тогда победа, по всей видимости, досталась бы Советскому Союзу неизмеримо более дорогой ценой.

Зимняя война 1939—1940 годов в значительной степени повлияла на быстро меняющиеся планы великих держав. Для премьер-министра Великобритании Невилла Чемберлена нерешительность его правительства во время «зимнего безумия» закончилась его отставкой семь недель спустя при вторжении нацистов в Норвегию и Данию. Через неделю после вторжения в Норвегию и Данию пало французское правительство во главе с Даладье, которого сменил Пьер Лаваль, ловко использовавший конфликт в Финляндии для своего прихода к власти.

Что же касается Германии, то, не предстань Советский Союз в столь неприглядном виде в войне с Финляндией, Гитлер вряд ли недооценил бы военный потенциал России таким образом, как он это сделал. По сравнению с огромными усилиями, затраченными СССР в Финляндии, полученный результат оказался далеко не столь впечатляющим.

Несмотря на то что половина дислоцированных в европейской части и в Сибири регулярных дивизий русских была брошена против небольшой соседней страны, Красная армия потерпела крупный провал, и причины этого очевидны.

Как писал маршал Маннергейм, «типичной ошибкой Верховного командования красных являлось то, что при проведении военных операций не уделялось должного внимания основным факторам в войне против Финляндии: особенностям театра военных действий и мощи противника». Последний был слаб в плане материального обеспечения, но русские не до конца отдавали себе отчет в том, что организационная структура их армии была слишком громоздкой для ведения боевых действий в дикой северной местности в разгар зимы. Маннергейм отмечает, что они вполне могли бы предварительно провести учения в условиях, подобных тем, с которыми им предстояло столкнуться в Финляндии, но русские не сделали этого, слепо веря в свое превосходство в современной технике. Подражать действиям немцев на равнинах Польши в лесистой местности Финляндии означало обречь себя на провал.

Другой ошибкой являлось использование в действующей армии комиссаров. «То, что каждый приказ сначала должен был быть одобрен политруками, обязательно приводило к задержкам и неразберихе, уж не говоря о слабой инициативе и страхе ответственности, — писал Маннергейм. — Вина за то, что окруженные части отказывались сдаваться, несмотря на холод и голод, целиком лежит на комиссарах. Солдаты были лишены возможности сдать из-за угрозы репрессий в отношении их семей и заверений в том, что их ждут расстрел или пытки, если они попадут в руки противника. Во многих случаях офицеры и солдаты предпочитали сдаче в плен самоубийство».

Хотя русские офицеры были людьми мужественными, старших командиров отличала инертность, исключавшая возможность действовать гибко. «Поражало отсутствие у них творческого воображения там, где меняющаяся ситуация требовала быстрого принятия решений...» — писал Маннергейм. И пусть русский солдат продемонстрировал мужество, упорство и неприхотливость, ему тоже не хватало инициативы. «В отличие от своего финского противника он был бойцом массы, неспособным действовать самостоятельно при отсутствии контакта со своими офицерами или товарищами». Маннергейм приписывал это выработанной в ходе длившейся веками тяжелой борьбы с природой способности русского человека терпеть страдания и лишения, ненужному подчас проявлению мужества и фатализму, недоступным для понимания европейцев. Несомненно, накопленный в ходе Финской кампании опыт был в полной мере использован маршалом Тимошенко в проведенной им реорганизации Красной армии. По его словам, «русские многому научились в этой тяжелой войне, в которой финны сражались героически»

Выражая официальную точку зрения, маршал С.С. Бирюзов писал:

«Штурм линии Маннергейма рассматривался в качестве эталона оперативного и тактического искусства. Войска научились преодолевать долговременную оборону противника за счет постоянного накопления сил и терпеливого «прогрызания» брешей в оборонительных сооружениях противника, созданных по всем правилам инженерной науки. Но в условиях быстро меняющейся обстановки недостаточное внимание уделялось взаимодействию различных родов войск. Нам приходилось заново учиться под огнем противника, заплатив высокую цену за тот опыт и знания, без которых мы не смогли бы разбить армию Гитлера».

Адмирал Н.Г. Кузнецов подвел итоги: «Мы получили суровый урок. И он должен был стать полезным для нас. Финская кампания показала, что организация руководства вооруженными силами в центре оставляла желать лучшего. В случае войны (большой или маленькой) следовало знать заранее, кто будет Верховным главнокомандующим и через какой аппарат будет вестись работа; должен ли был им стать специально созданный орган, или это должен был быть Генеральный штаб, как в мирное время. И это были отнюдь не второстепенные вопросы».

Что касается далеко идущих последствий Зимней войны, оказавших влияние на действия Красной армии против Гитлера, то Главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов писал: «В конце марта [1940 года] состоялся Пленум Центрального Комитета партии, на котором большое внимание было уделено рассмотрению уроков войны. Он отметил серьезные недостатки в действиях наших войск, а также в их теоретической и практической подготовке. Мы до сих пор не научились в полной мере использовать потенциал новой техники. Была подвергнута критике работа тыловых служб. Войска оказались плохо подготовленными для ведения боевых действий в лесах, в условиях морозной погоды и непроходимых дорог. Партия потребовала тщательного изучения опыта, накопленного в боях на Хасане, Халхин-Голе и Карельском перешейке, совершенствования вооружения и подготовки войск. Назрела необходимость срочного пересмотра уставов и наставлений с целью приведения их в соответствие с современными требованиями ведения войны... Особое внимание уделялось артиллерии. В морозную погоду в Финляндии полуавтоматические механизмы орудий отказывали. Когда

температура резко падала, наблюдались перебои в стрельбе 150-миллиметровых гаубиц. Требовалось проведение большой научно-исследовательской работы».

Хрущев говорил: «Все мы — и в первую очередь Сталин — ощущали в нашей победе нанесенное нам финнами поражение. Это было опасное поражение, ибо оно укрепляло уверенность наших врагов в том, что Советский Союз — это колосс на глиняных ногах... Мы должны были извлечь уроки на ближайшее будущее из того, что произошло».

После **Зимней войны** институт политических комиссаров был официально упразднен и через три года в Красной армии были вновь введены генеральские и другие звания со всеми их привилегиями.

Для финнов Зимняя война 1939—1940 годов, несмотря на ее завершение катастрофой, стала героической и славной страницей в истории. В последующие 15 месяцев им пришлось существовать в положении «полумира», пока наконец нескрываемая ненависть к Советскому Союзу не возобладала над здравым смыслом. Под стать ей была и почти паталогическая подозрительность России по отношению к Финляндии. В этот период непроницаемый покров секретности окружал всю деятельность правительства за пределами Финляндии; цензура лишала население возможности получать сведения о происходящем за границами страны. Люди были убеждены, что Гитлер завершает разгром Великобритании, а Советский Союз по-прежнему угрожает их стране.

Испытываемая финнами благодарность к Германии за ее прошлую помощь в их борьбе за независимость и за предложенные ею столь необходимые поставки сыграла не последнюю роль в том, что Финляндия встала на сторону Германии в надежде вернуть потерянные территории. После нескольких предупреждений в декабре 1941 года Великобритания объявила Финляндии войну, но вооруженным силам двух стран не пришлось сойтись на поле битвы. Формально Финляндия не являлась союзницей Германии; армии Финляндии и Германии сражались каждая под своим командованием, и сотрудничество между вооруженными силами этих стран практически отсутствовало.

Многие финские солдаты утратили свой первоначальный энтузиазм во время так называемой «последующей войны», когда были восстановлены прежние границы. В сентябре 1944 года война с Россией закончилась. Финны избавили свою землю от присутствия немцев, но навсегда потеряли Карелию, а также некоторые другие районы. Репарации России за эти войны были огромными, но финны выплатили их. Они стойчески убеждали себя: «Восток забрал наших мужчин, немцы забрали наших женщин, шведы забрали наших детей. Но зато у нас остался наш военный долг».

Противостояние Финляндии Советскому Союзу во время Зимней войны должно остаться среди самых волнующих событий в истории.

Эпilog. СНЕГ ЗАМЕТАЕТ СЛЕДЫ

Полковник Й.А. Ярвинен писал: «Много снега пало на политые кровью поля сражений Зимней войны. Принесенные этой войной горе и страдания уступили место практическим соображениям. Истинный фронтовик не испытывает ненависти или презрения к врагу, мужественно и честно сражавшемуся с ним до конца. В этом смысле финский солдат с искренним уважением относится к своему русскому противнику. Его мужество и стойкость перед холодом и голодом, его беззаветность и безропотное подчинение воинской дисциплине восхищали, а подчас даже изумляли. И еще. Теперь, когда русские ведут большую войну за свою Родину, они понимают, что значила Зимняя война для финнов, и видят, что Виипури, Салми и дорога на Раате были нашими Волоколамскими шоссе, а Сумма, Кителя, Толваярви и Суомуссалми — маленькими Сталинградами. По общечеловеческим меркам, возможно, конечный результат этой войны должен был бы в большей степени вознаградить нас за наши усилия и жертвы. Но, будучи людьми честными, привыкшими к мысли, что важнее храбро сражаться, чем победить,

проигравшие горды своим мужеством в сражении. Если бы простой солдат мог выбирать между войной и миром, то войн было бы мало, а мир был бы справедливым. Ему известны ужасы войны, и он отдает должное усилиям и достижениям своего противника. Имея подобные мысли, финский солдат Зимней войны теперь может сказать своему врагу: «Входи в мой дом. Давай вспомним прошлое. Я накрою скромный стол. Я повесил свой нож на стену, так оставь же и ты свой топор на крыльце».